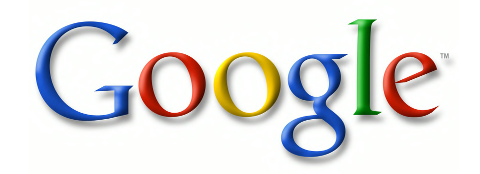

...зкій
...фельда
...ія
...ріи

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817

время.

olač
ich

тріи

Тип. Акц. Общ.

Время.

ntes

ъ.

узъ-Ефронъ".

Истор. Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

ИСТОРІЯ ВЕНГРІИ

ВЪ

Средніе Вѣка и Новое Время.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.
1908.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

ГЛАВА I.

Основаніе мадьярскаго государства и династія Арпадовъ до опубликованія Золотой Буллы (1222).

Исторія венгерцевъ начинается съ эпохи ихъ нашествія на Европу, т.-е. съ конца девятаго столѣтія. Но о венгерцахъ, какъ о кочующихъ ордахъ, было извѣстно еще гораздо раньше; уже въ седьмомъ вѣкѣ они показывались въ разныхъ мѣстахъ восточной Европы, и въ области, прилегающей къ Уральскому хребту, въ то время находилась мѣстность, подъ именемъ Угрія, считавшаяся до XIII столѣтія бывшимъ царствомъ кочующихъ венгровъ. Въ продолженіе двухъ столѣтій, между седьмымъ и девятымъ вѣками, венгры или мадьяры находятся въ непрерывномъ странствованіи, передвигаясь постепенно къ западу и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлая отступленіе на югъ, къ Кавказу. Одно время мы застаемъ венгерцевъ въ области между Азовскимъ моремъ (Palus Meotis) и Дономъ; оттуда они направляются къ Волгѣ и Каспійскому морю и, наконецъ, перекочевываютъ въ Atel-Kusu, нынѣшнюю Валахію. Есть предположеніе, что первые предки этого кочевого племени имѣли своимъ настоящимъ пребываніемъ подножіе Гималайскихъ горъ, и что собственно оттуда и началось „великое" переселеніе венгровъ.

Несомнѣнно, что постоянное переселеніе съ мѣста на мѣсто венгровъ является слѣдствіемъ не одного только кочевого быта этого народа; ему способствовало также и то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ венгерцы временно осѣдали, встрѣчались другія племена, болѣе сильныя и многочисленныя, вытѣснявшія своихъ новыхъ сосѣдей. Такъ, напримѣръ, какъ указываютъ нѣкоторые историческіе источники, венгерцы были изгнаны съ береговъ Волги и Азовскаго моря пе-

ченѣгами; тогда именно и произошло первое дробленіе этого народа на двѣ части, каждая изъ которыхъ въ дальнѣйшемъ своемъ странствованіи направилась въ противоположную сторону. Это событіе относится къ 884 году. Въ это время у странствующихъ венгерцевъ былъ свой предводитель, по имени Альмошъ, который по преданію былъ окруженъ ореоломъ величественной славы. Объ этомъ первомъ венгерскомъ предводителѣ сложилась поэтическая легенда, которая говоритъ, что незадолго до рожденія Альмоша матери его снился сонъ, что будто во чревѣ ея спрятался громадной величины ястребъ, а на той землѣ, которая лежала передъ ней, протекала на далекое разстояніе лучезарная рѣка. Имя Альмошъ означаетъ „дитя грезы", и согласно этому преданію онъ долженъ былъ олицетворять собой величіе и красоту ястреба и нравственную чистоту той лучезарной рѣки, которая разостлалась передъ взоромъ его матери. По другимъ же источникамъ Альмошъ былъ однимъ изъ потомковъ Аттилы, короля гунновъ.

Оставивъ прибрежья Волги и Азовскаго моря, Альмошъ повелъ свою орду къ Кіеву и здѣсь въ 887 году, послѣ нѣсколькихъ попытокъ завоевать этотъ городъ, былъ оттѣсненъ Олегомъ. Но, вступивъ по дорогѣ въ борьбу съ куманами, Альмошъ заставилъ ихъ подчиниться ему и слѣдовать за нимъ повсюду. Отсюда венгерцы отправились въ Галицію и въ 889 году прибыли къ берегамъ Тиссы, т.-е. къ верхней части современной Венгріи. Другая же часть мадьярской орды, отдѣлившись отъ Альмоша, направилась въ Грузію и къ Кавказскимъ воротамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей венгерской древности, живущіе нынѣ въ предѣлахъ Россіи башкиры являются остатками этой отдѣлившейся части венгерцевъ, но окончательно доказать вѣрность этого предположенія пока еще не удалось, въ виду отсутствія достаточныхъ этнографическихъ указаній.

О самомъ же происхожденіи венгерскаго народа существуютъ различныя мнѣнія. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, венгерцевъ надо считать угро-финнами, другіе же причисляютъ ихъ къ турко-татарскому племени. Во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшія времена, т.-е. ко времени окончательнаго поселенія мадьяръ въ нынѣшней

Венгріи или Панноніи, какъ долгое время называли эту страну, они назывались то Hunni, Ungri, то Hungari и, наконецъ, со времени ихъ осѣдлой жизни, просто жителями Панноніи (ex Pannonia). Когда венгерцы спустились съ Карпатскихъ горъ въ долины Дуная и Тиссы, они насчитывались тогда въ количествѣ 216000 человѣкъ, способныхъ нести военную службу, что указываетъ, что всѣхъ ихъ, съ женами, подростками, дѣтьми и стариками, было около одного милліона; благодаря такой многочисленности ихъ, переходъ черезъ Карпатскія горы совершался около трехъ мѣсяцевъ. Къ этому времени венгерцы, предводительствуемые храбрымъ и доблестнымъ Альмошемъ, не составляли уже болѣе разрозненной массы, они были сплочены въ одинъ цѣлый организмъ, въ одну нераздѣльную націю изъ семи трибъ, въ которыя входили угры, куманы, хазары и нѣкоторыя другія племена, названія которыхъ затерялись въ процессѣ абсорбированія однѣхъ народностей другими. Какъ показываютъ венгерскіе хроникеры и позднѣйшія историческія изслѣдованія, венгерцы, прежде чѣмъ окончательно завоевали нынѣшнюю Венгрію, нѣсколько разъ производили на нее свои набѣги, каждый разъ причиняя сильныя поврежденія мѣстному населенію и разрушая цвѣтущую страну. Очевидно, вслѣдствіе этого существуютъ разногласія по вопросу и о времени окончательнаго осѣданія венгерцевъ; одни пріурочиваютъ этотъ историческій моментъ къ 884 году, а другіе къ 894 и даже къ 898 г. Но прежде, чѣмъ воздвигнуть свои шатры на новой землѣ, Арпадъ, основатель первой венгерской королевской династіи и замѣститель Альмоша, который добровольно отказался отъ возложенныхъ на него почетныхъ обязанностей, послалъ своихъ гонцовъ въ Паннонію произвести предварительныя развѣдки объ удобствахъ и качествахъ, которыя представляетъ эта страна. Возвратившись, эти гонцы привезли съ собой тыкву, наполненную водой изъ Дуная, снопъ сѣна и травъ и немного земли. Собравъ совѣтъ старѣйшинъ и предводителей семи трибъ, входившихъ въ составъ венгерской націи, и изслѣдовавъ привезенные образчики, воинственная армія полудикихъ мадьяровъ двинулась со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ семьями и со скотомъ въ новую „обѣтованную“ землю, чтобы превратить въ скоромъ времени Паннонію,

это „ристалище“ отважныхъ всадниковъ, въ цвѣтущую европейскую страну.

Ко времени, описываемому нами, въ области, лежащей между среднимъ теченіемъ Дуная и его притокомъ Граномъ, находилось нѣкогда могущественное христіанское государство, Моравія. Это была одна изъ частей той славянской имперіи, которая исчезла впослѣдствіи совершенно и заселена нынѣ словаками. Въ концѣ девятаго столѣтія Моравія владѣла нижней Панноніей,—лакомый кусокъ, одинаково привлекавшій къ себѣ какъ германцевъ, такъ и другіе народы, въ томъ числѣ и новыхъ сосѣдей, венгерцевъ. Нѣсколько разъ Арнульфъ, императоръ германскій, объявлялъ войну этой странѣ, но покорить ее и сломить военную доблесть моравскаго короля Святополка онъ не могъ своими собственными силами. Тогда онъ рѣшилъ обратиться за помощью къ предводителю новыхъ пришельцевъ, къ Арпаду. Арпадъ пошелъ вмѣстѣ съ Арнульфомъ противъ Святополка, и государство, дотолѣ не покоряемое, было разрушено соединенными силами германцевъ и мадьяръ. Это событіе имѣетъ двоякое значеніе въ исторіи Венгріи: во-первыхъ, благодаря ему, венгерцы сразу вступили въ сношенія съ западными народами, съ христіанскимъ міромъ, а, во-вторыхъ, завоеваніе Моравіи дало возможность Арпаду со своимъ замѣчательнымъ войскомъ двинуться далѣе, въ глубь страны, и продолжать свое дѣло завоеванія тѣхъ мѣстностей, которыя прилегали къ нижнему теченію Дуная, къ Тиссѣ и къ Грану. Въ скоромъ времени венгры стали доминировать надъ всей Панноніей, и послѣ окончательнаго разрушенія моравскаго царства они вытѣснили германцевъ и занялись устройствомъ на этихъ, свѣжихъ еще, развалинахъ своего новаго государства. Завоеваніе Моравіи венгерцами происходило самымъ жестокимъ образомъ. Мирные жители, защищавшіе свои очаги, были убиты, хозяйство было разрушено, а скотъ уводился. Тѣ же жители, которые избѣгли по какой-либо причинѣ этой общей участи, были обращены въ рабовъ. Нѣкоторые изслѣдователи венгерской древности говорятъ, что съ этого именно момента и начинается первое классовое дѣленіе мадьярской націи, первое дробленіе этого, сплоченнаго на основѣ гражданскаго равенства еще въ степяхъ, во время своего странствованія

и набѣговъ, воинственнаго народа. Такъ, съ этого времени мадьяры дѣлятся на дворянъ и свободныхъ людей, занимающихся, главнымъ образомъ, военными дѣлами, а покоренныя ими народности славянской расы причислялись къ рабамъ, которые должны были заниматься обработкой земли и сооруженіемъ новаго мадьярскаго государства. „Нашествіе венгровъ — говоритъ чешскій историкъ Палацкій—является самымъ жестокимъ несчастьемъ, которое когда-либо испытала наша раса“.

По нраву своему венгерцы были въ то время почти полудикимъ народомъ, хотя въ основу ихъ политической организаціи легли начала строгой нравственности, идея естественнаго равенства людей и здоровое зерно демократизма. Чрезвычайно выносливые, прекраснаго тѣлосложенія, привыкшіе подъ открытымъ небомъ ко всякой обстановкѣ, одинаково переносившіе и знойные лучи солнца и жестокій холодъ, они были для европейцевъ настоящей грозой, „страшными и кровожадными“ варварами. Но не одни только набѣги и грабежи были постояннымъ занятіемъ венгерцевъ; въ эпоху ихъ номадической жизни они занимались также охотой и рыбной ловлей и были образцовыми отцами. Характернѣе всего то, что, будучи сами долгое время грабителями и опустошителями мирныхъ очаговъ, они, тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ собственной общественно-родовой организаціи воровство считали самымъ тяжелымъ преступленіемъ, и уличенные въ послѣднемъ приговаривались къ смертной казни. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточно историческихъ свѣдѣній объ этой именно эпохѣ, чтобы въ яркихъ краскахъ и при свѣтѣ исторической правды изобразить бытъ спускающихся съ Карпатскихъ горъ въ долины Дуная и Тиссы и уже сорганизовавшихся къ этому времени въ одно политическое цѣлое венгерцевъ. Намъ извѣстно только, что не чуждый всѣмъ европейскимъ народамъ до ихъ окончательнаго государственнаго устройства семейно-родовой строй былъ принесенъ ими какъ ячейка, какъ ядро того политическаго общежитія и правовой организаціи, которыя черезъ одно столѣтіе уже осѣдлой жизни венгерцевъ ввели ихъ въ семью просвѣщенныхъ и культурныхъ европейцевъ.

Организація политическая у нихъ, если можно такъ назвать эту раннюю эпоху сплоченія кочующихъ венгровъ, еще задолго до основанія мадьярскаго царства или королевства Св. Стефана, какъ называлась Паннонія, съ первыхъ же годовъ одиннадцатаго столѣтія напоминала федеративное устройство нѣкоторыхъ современныхъ государствъ. Весь венгерскій народъ дѣлился на семь племенъ, каждое изъ нихъ управлялось совершенно самостоятельно и имѣло своего отдѣльнаго начальника. Внутренняя жизнь этого племени находилась подъ контролемъ небольшого совѣта старѣйшинъ, который творилъ также и правосудіе въ предѣлахъ своего племени. Постоянное же странствованіе и необходимость въ совмѣстной борьбѣ съ встрѣчающимися по пути врагами заставляли этихъ семь само-управляющихся племенъ найти какую-нибудь общую форму организаціи, въ достаточной степени обезпечивающую и цѣлость всѣхъ сплоченныхъ ордъ и ихъ политическую устойчивость. Такимъ образомъ, рождается въ степяхъ новое государство, внѣ территоріальной объединенности, на почвѣ взаимнаго соглашенія и договора. Это венгерское государство является внѣшней организаціей племенъ и строится такимъ образомъ, что избирается одинъ высшій начальникъ надъ остальными семью начальниками, окруженный большимъ совѣтомъ избранныхъ старѣйшинъ отъ всего народа. Этому высшему начальнику, этому настоящему вождю мадьяръ, точно римскому rex'у, отдавались королевскія почести, и онъ самъ руководилъ всѣмъ бытовымъ строемъ своихъ соплеменниковъ, согласно рѣшеніямъ совѣта избранныхъ старѣйшинъ. Согласно тѣмъ легендамъ и историческимъ памятникамъ, которые сдѣлались доступными нашимъ изслѣдованіямъ, венгерцы многимъ обязаны своему внутреннему родовому строю; онъ, какъ мы увидимъ дальше, придя въ соприкосновеніе съ германскимъ и славянскимъ міромъ, способствовалъ быстрому переходу ихъ къ культурной жизни.

Первые проблески политической жизни венгерцевъ относятся, какъ свидѣтельствуютъ многіе факты, къ эпохѣ ихъ кочевой жизни. Еще Альмошъ, этотъ полудѣйствительный, полулегендарный предводитель дикихъ ордъ, не предпринималъ ни одного болѣе или менѣе важнаго похода раньше, чѣмъ не собиралъ вокругъ себя

общій совѣтъ. Это было нѣчто въ родѣ „мартовскихъ“ или „майскихъ“ полей, гдѣ вопросы общаго характера и первостепенной важности принимались par acclamation. Мы можемъ, напримѣръ, указать на одно историческое національное собраніе венгерцевъ въ эту эпоху ихъ странствованій, на которомъ были приняты, можно сказать, основныя положенія государственной жизни, развившіяся, по мнѣнію нѣкоторыхъ венгерскихъ государствовѣдовъ, въ раннія формы народнаго суверенитета. На этомъ собраніи было принято слѣдующее рѣшеніе: верховный вождь семи племенъ венгровъ долженъ всякій разъ избираться съ общаго согласія; внѣ совѣта племенныхъ начальниковъ и старѣйшинъ его власть не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія; всѣ члены одной и той же семьи, какъ и цѣлаго племени, считаются равными братьями, всѣ они считаются по происхожденію своему „свободными и благородными“. Всякое владѣніе, которое будетъ пріобрѣтено ими во время ихъ странствованія, является общимъ достояніемъ, такъ сказать, національною собственностью.

Благопріятнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію политической и правовой организаціи этихъ „хорошо дисциплинированныхъ варваровъ“ послужила война, а затѣмъ завоеваніе Моравіи, какъ мы указали выше. Это нѣкогда великое государство славянской расы, не могущее устоять, однако, подъ двойнымъ напоромъ германцевъ и только-что пришедшихъ крѣпкихъ и закаленныхъ въ бою венгерцевъ, отличалось своеобразной общественно-бытовой и политической системой, служившей прямымъ антиподомъ римско-германскаго государственнаго начала. Славянскимъ народностямъ были чужды централизованное управленіе и сильная цезарская власть; жили онѣ отдѣльными общинами при совмѣстномъ, коллективномъ владѣніи землей, правители ихъ также избирались и утверждались всей націей. Однимъ словомъ, по описаніямъ Прокопія, славяне были народомъ, организованнымъ на демократическихъ основаніяхъ. Они отличались еще веселымъ нравомъ, свободолюбіемъ и гостепріимствомъ. Если мы прослѣдимъ параллельно общественныя и политическія учрежденія венгровъ конца девятаго или начала десятаго вѣковъ съ таковыми же учрежденіями моравскихъ славянъ,

то мы найдемъ не только яркія черты тождества, но полное заимствованіе всѣхъ этихъ учрежденій венграми у побѣжденныхъ ими славянъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что жупанія или жупа, эта старинная славянская административная ячейка, была введена венгерцами у себя сейчасъ же послѣ завоеванія Моравіи, т.-е. послѣ того, какъ сношенія ихъ съ славянскимъ міромъ сдѣлались близкими и постоянными [1]).

Когда венгерцы, закончивъ завоеваніе Паннонія, врѣзались клиномъ въ Европу, они были окружены со всѣхъ сторонъ христіанскими народами. Этотъ случай является чрезвычайно важнымъ для всего послѣдующаго хода венгерской исторіи, такъ какъ, независимо отъ того, что въ сосѣдствѣ съ христіанскими народами нравы венгерцевъ значительно смягчились, на весь внутренній строй этихъ язычниковъ постепенно накладывается яркій отпечатокъ христіанской цивилизаціи. Пріобщеніе къ новой культурѣ венгерцевъ совершается такимъ быстрымъ темпомъ, такъ скоро производится перешедшими въ христіанство королями коренная ломка своихъ обычаевъ и порядковъ, что уже къ двѣнадцатому столѣтію мадьярское государство теряетъ свои своеобразныя формы и становится почти неузнаваемымъ. Христіанство въ Венгріи, какъ и вездѣ, куда оно проникло, оказало большое вліяніе на развитіе мадьярской цивилизаціи, и въ этомъ смыслѣ надо признать за нимъ его положительную сторону; но здѣсь, какъ и во всѣхъ государствахъ Западной Европы, оно положило начало новымъ политическимъ учрежденіямъ, основаннымъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, на феодальной системѣ и на соціальномъ неравенствѣ. Идея христіанства, проникнувъ въ древнія политическія и правовыя учрежденія венгерцевъ, сдѣлала въ нихъ

[1]) Жупанія являлась ничѣмъ инымъ, какъ мѣстнымъ самоуправляющимся учрежденіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ общинъ. Жупанъ, стоящій во главѣ жупаніи, исполнялъ слѣдующія обязанности: онъ былъ военнымъ начальникомъ, завѣдывалъ защитой ввѣренной ему мѣстности, отправлялъ судебныя функціи, и, наконецъ, онъ былъ также административнымъ правителемъ. Жупанъ былъ окруженъ совѣтомъ изъ представителей тѣхъ семействъ, изъ которыхъ составлялись общины жупаніи; этотъ совѣтъ пользовался большой свободой и рѣшалъ всѣ мѣстные вопросы. Венгерскіе комитаты, сохранившіеся понынѣ въ административномъ устройствѣ мадьярскаго государства, суть простой снимокъ съ славянской жупаніи.

колоссальной величины брешь, и съ того момента, какъ Св. Стефанъ, этотъ первый мадьярскій король въ европейскомъ смыслѣ, былъ коронованъ „Божіею милостью“, начинается установленіе новыхъ порядковъ, общество втискивается въ новыя рамки.

Основателемъ первой королевской династіи въ Венгріи былъ храбрый вождь мадьяръ, Арпадъ, которому, собственно, и принадлежитъ честь завоеванія Паннонiи. Онъ самъ и весь народъ, повинующійся во всемъ ему, были язычниками; во времена перваго Арпада проповѣдь христіанства въ равнинахъ Дуная была невозможна. Но вотъ послѣ него становится во главѣ венгерцевъ его преемникъ, Гейза, который является уже если не просто первымъ реформаторомъ своей страны въ духѣ христіанства, то „предвѣстникомъ“ или, вѣрнѣе, предтечей Св. Стефана, этого „дерзкаго новатора“, этого разрушителя языческой старины. Гейза отличался мягкостью характера и легко поддавался всякому вліянію; своими симпатіями къ христіанской религіи онъ всецѣло обязанъ своей второй супругѣ Аделаидѣ, полькѣ по происхожденію, усердно способствовавшей христіанской проповѣди. Какъ только стало извѣстно, что Гейза не противится распространенію въ его странѣ новаго вѣроученія, такъ со всѣхъ сторонъ стали прибывать въ Венгрію миссіонеры, а восточная церковь стала оспаривать у римско-католической право первенства. Среди миссіонеровъ были представители грековъ, германцевъ и славянъ, которые успѣвали вербовать среди языческихъ мадьяръ своихъ адептовъ, но нельзя сказать, чтобы въ первое время проповѣдь христіанскаго вѣроученія имѣла здѣсь большой успѣхъ: громадныя массы населенія относились враждебно къ служителямъ церкви. Самъ же Гейза такъ плохо понималъ сущность новой религіи, которая была ввезена въ его страну контрабанднымъ путемъ, такъ какъ это было вопреки желаніямъ народа, что онъ, напримѣръ, говорилъ: „я достаточно богатъ, чтобы служить нѣсколькимъ богамъ“. Христіанская религія въ его представленіи являлась излишней роскошью, которую могъ бы позволить себѣ только такой могущественный король, какъ венгерскій.

Первыя попытки римской католической церкви обратить въ

христіанство весь венгерскій народъ, не могущія увѣнчаться полнымъ успѣхомъ при Гейзѣ, увѣнчались при его преемникѣ. Въ 997 году Гейза умираетъ, оставивъ крещеннаго уже по католическому обряду сына, Вайка, названнаго при его вступленіи на престолъ Св. Стефаномъ и женатаго на баварской принцессѣ Жизелѣ (Gisla), которая, какъ и вторая супруга Гейзы, Аделаида, оказывала сильное вліяніе на Вайка въ смыслѣ поощренія христіанской проповѣди. Надо замѣтить, что пріобщеніе Венгріи къ европейской культурѣ шло не только путемъ обращенія мадьяръ изъ язычниковъ въ христіанъ, но и благодаря брачнымъ связямъ съ европейскими династіями. Такъ, напримѣръ, помимо близкаго отношенія къ баварскому дому, въ которое становится Венгрія со времени женитьбы ея будущаго перваго коронованнаго короля, Вайка, династія Арпадовъ вступаетъ въ близкія сношенія и съ Польшей, въ виду женитьбы князя Болеслава Храбраго на второй дочери Гейзы, и съ Венеціей изъ-за брака его третьей дочери съ дожемъ Urseoli.

Настоящая христіанская эра венгерской исторіи начинается съ царствованія Св. Стефана, возложившаго на свою голову корону, присланную ему римскимъ папой Сильвестромъ II, за что и былъ возведенъ въ апостольскій санъ. Вообще, ни одно царствованіе, если не считать королей анжуйской династіи, въ Венгріи не ознаменовалось такими крупными реформами во всѣхъ положительно областяхъ соціально-политической жизни, какъ царствованіе (997—1038) этого короля, и, не безъ серьезныхъ основаній, Св. Стефанъ заслужилъ у самихъ же венгерцевъ названіе „дерзкаго новатора“. Характеръ его былъ рѣшительный и твердый, если не совсѣмъ деспотическій, и все его новое законодательство было создано противъ воли и желанія народа, въ согласіи лишь съ интересами прельщеннаго блескомъ европейскаго двора монарха, и, быть-можетъ, въ угоду нѣсколькимъ окружавшимъ его лицамъ, мечтавшимъ тоже о золотомъ періодѣ порабощенія и о величіи избраннаго аристократическаго сословія. Новаторскіе замыслы Св. Стефана вызвали, однако, не только дружный протестъ въ странѣ, но и создали огромное народное движеніе,

длившееся цѣлое столѣтіе (990—1092); оно явилось разгорѣвшимся пламенемъ изъ той искры, которая была брошена еще Гейзой, не понимавшимъ всей серьезности и отвѣтственности такого поступка, какъ насильственное обращеніе народа въ другую, чуждую его внутреннему состоянію вѣру. Прежде, чѣмъ понять само это первое народное движеніе въ Венгріи, на почвѣ охраненія „старыхъ“ порядковъ и ненависти къ новому вѣроученію, вызвавшее крупный расколъ въ сплоченной, казалось, мадьярской націи, необходимо подробно выяснить его причины. Для этого мы вынуждены будемъ, прежде всего, познакомиться со всѣми реформами, съ тѣмъ колоссальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ Св. Стефана, которое и явилось завершеніемъ христіанской проповѣди, слѣдствіемъ насильственнаго пріобщенія венгерскаго народа къ католическому вѣроученію, распространяемому римскимъ престоломъ.

Съ первыхъ дней своего царствованія, Св. Стефанъ задался мыслью расширить свою власть, и въ этомъ отношеніи онъ старался подражать европейскимъ королямъ. Онъ отлично понималъ, что для того, чтобы направить внутреннее развитіе страны по тому пути, который былъ указанъ ему римскимъ папой, необходимо прежде всего порвать съ традиціями своихъ доблестныхъ предковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выступить „дерзкимъ новаторомъ“ въ дѣлѣ перевоспитанія своего народа и перереформированія устоевъ, на которыхъ покоилась племенная организація. До него, въ сущности говоря, у венгровъ не было королевской власти; ихъ вожди, подобно Альмошу, Арпаду и даже подобно Гейзѣ, были просто высшими военными начальниками, избранными націей для руководительства ея внѣшней организаціей. Черезъ три года послѣ смерти Гейзы Св. Стефанъ коронуется торжественно въ Гранѣ, этомъ „мадьярскомъ Кентербери“, короной, присланной ему папой Сильвестромъ II, и съ согласія послѣдняго и германскаго императора Оттона принимаетъ титулъ апостолическаго короля венгровъ. Этотъ первый важный шагъ, сдѣланный Св. Стефаномъ, былъ указанъ ему непосредственно Сильвестромъ и послужилъ поводомъ къ взаимному соглашенію, по которому между Римомъ и Панноніей устанавливались отнынѣ оффиціальныя дипломатическія сношенія. Если вѣрить хроникѣ Гартвига, написанной въ

XII столѣтіи, то Св. Стефанъ самъ обратился къ папѣ Сильвестру II съ просьбой прислать ему корону и благословеніе для обращеннаго имъ въ христіанство народа, а также разрѣшеніе на учрежденіе въ Панноніи нѣсколькихъ епископствъ, но всѣ позднѣйшія изслѣдованія этой эпохи свидѣтельствуютъ какъ-разъ наоборотъ, т.-е. указываютъ на то, что въ этомъ именно дѣлѣ, въ дѣлѣ коронованія Св. Стефана и облаченія его титуломъ апостолическаго короля, инціатива принадлежала римскому престолу, который такимъ путемъ думалъ разъ навсегда связать себя съ Венгріей неразрывными узами. Мало того, Сильвестръ предоставилъ Св. Стефану такія обширныя права по отношенію къ церкви, которыми не располагали короли другихъ странъ; они извѣстны въ исторіи Венгріи подъ названіемъ „jus patronatus". Согласно этимъ прерогативамъ, венгерскій король является собственникомъ всѣхъ земель, принадлежащихъ въ его странѣ церкви; онъ же назначаетъ прелатовъ всѣхъ категорій, которые, даже безъ утвержденія папы, могутъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Король можетъ также упразднять или учреждать новыя епархіи; онъ распоряжается доходами вакантныхъ епархій, и, наконецъ, въ качествѣ высшаго покровителя католической церкви, онъ можетъ секвестровать всѣ церковные доходы. Св. Стефанъ основалъ въ Гранѣ главную архіепископскую епархію, а въ Калачѣ епископство, занимающее второе мѣсто, но съ 1000 года онъ основываетъ цѣлый рядъ новыхъ епархій въ Печѣ (Fünfkirchen), въ Чанадѣ, въ Весспримѣ, въ Эрлау, въ Бачѣ, въ Надьварадѣ, въ Вацѣ, въ Трансильваніи и во многихъ еще другихъ мѣстахъ.

Но самыми главными реформами Св. Стефана были созданіе „національнаго единства" и введеніе въ страну для всей націи „однообразной администраціи". Въ этомъ отношеніи онъ заимствовалъ очень много изъ германскаго законодательства, хотя вліяніе славянскихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій не было устранено. „Дѣло внутренняго устройства и созданія Угріи на бытовыхъ началахъ,—говоритъ проф. К. Я. Гротъ,—дѣйствовавшихъ въ подчиненныхъ мадьярами земляхъ,—приспособленія къ этимъ славянскимъ учрежденіямъ и общественнымъ формамъ первобытной

племенной организаціи кочевой орды—принадлежитъ всецѣло великому основателю угорскаго королевства Стефану Святому, которому Угрія обязана и внѣшнимъ политическимъ объединеніемъ и сплоченіемъ". Старое дѣленіе націи на трибы было уничтожено окончательно Св. Стефаномъ, и вся страна была раздѣлена на комитаты— соотвѣтствующіе дѣленію германскихъ государствъ на графства,— во главѣ которыхъ стояли испаны (происходитъ отъ славянскаго жупанъ). Anonimus, секретарь короля Белы IV, жившій на рубежѣ XIII и XIV столѣтій, говоритъ въ своей знаменитой хроникѣ, что комитаты существовали еще при Арпадѣ, и что они обозначали провинціи, присоединенныя къ центральной власти. Если это указаніе вѣрно, то оно не исключаетъ самостоятельнаго значенія комитатовъ эпохи Св. Стефана, такъ какъ ихъ организація и ихъ назначенія были совершенно другими. Прежде всего, комитатъ—это укрѣпленіе, крѣпость, окруженная высокой стѣной, за которой находились замокъ испана, составляющій центръ, и вокругъ замка жилища частныхъ лицъ. Въ распоряженіи испана находился гарнизонъ, составленный изъ свободныхъ солдатъ (jobbagiones castri), занимающихся въ мирное время земледѣліемъ. По первому сигналу испаны должны были явиться къ королю со своими солдатами и слѣдовать за нимъ на войну. Кромѣ того, Св. Стефанъ учредилъ должность палатина или замѣстителя короля; власть этого палатина была обширна, она касалась административной, военной и юридической сферъ. Палатину принадлежитъ въ національномъ собраніи первый голосъ, онъ командуетъ всей арміей и имѣетъ право регентства, онъ служитъ посредникомъ между королемъ и націей. Когда король отсутствуетъ или признается безумнымъ, страной правитъ палатинъ.

Мы видѣли, что въ самомъ началѣ образованія венгерской націи былъ положенъ принципъ соціальнаго равенства, что частной собственности на землю, этой главной основы современнаго дѣленія общества на классы, у мадьяръ не существовало въ то время совершенно. Преобразованія Св. Стефана, внесенныя въ общественную и бытовую организацію своего народа, рельефно обрисовываютъ тѣ феодальныя черты, которыя проходятъ черезъ все зданіе новаго

соціально-политическаго строя и окрашиваютъ его въ яркій цвѣтъ европейско-католической цивилизаціи. Первое сознательное дѣленіе націи на сословныя категоріи, первыя борозды, проведенныя по общественной нивѣ, были сдѣланы рукой перваго венгерскаго „великаго“ законодателя и реформатора. Правда, существуетъ мнѣніе, напримѣръ, историка Szalay, что уже въ то время, когда венгры прибыли въ Паннонію, они дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ. Однако, хозяйственный строй Венгріи, въ ея первую историческую эпоху, проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ и помогаетъ оріентироваться въ той сложной общественной системѣ, которая подверглась такому коренному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искусственному измѣненію при Стефанѣ Святомъ. Тотъ новый порядокъ, который былъ установленъ венгерцами въ завоеванной ими странѣ, носилъ характеръ почти исключительно военный. Каждый взрослый членъ націи былъ солдатомъ, въ мирное же время главными его занятіями были охота, рыбная ловля и обереганіе домашняго очага, Земледѣліемъ же занимались тѣ жители, которыхъ венгерцы застали послѣ завоеванія Панноніи; то были остатки кельтовъ и римлянъ, обращенные же ими въ рабовъ славяне и другія христіанскія народности жили военной добычей и захватомъ скота (captivi ex fructu animalium et preda sola habebant vitam suam). Уже при Гейзѣ, по настоянію папы, рабы-христіане были переведены на положеніе земледѣльцевъ; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали также и иностранцы, охотно принимаемые въ среду мадьярской націи. Понятно, что при такомъ положеніи хозяйственной розни венгровъ въ эпоху ихъ перваго историческаго періода создались двѣ соціальныя категоріи свободныхъ и несвободныхъ, но обѣ онѣ формировались внѣ мадьярской націи, и поэтому сами-то венгры оставались попрежнему „знатными и равными“, а тѣ земли, которыя принадлежали этимъ аборигенамъ или поселившимся позднѣе въ Панноніи чужеземцамъ, отходили просто въ національную собственность безъ дарованія кому бы то ни было правъ на нихъ.

Соціальная лѣстница, созданная въ Венгріи Св. Стефаномъ сначала на бумагѣ, была потомъ пригнана къ тѣмъ порядкамъ, которые наступили въ силу совершеннаго съ высоты престола внутрен-

няго бытового переворота. Образованіе комитатовъ, съ королевскими въ нихъ представителями, испанами или comites, обособило постепенно отъ всего народа цѣлый классъ такихъ людей, которые пользовались полнымъ довѣріемъ короля и получали въ награду за вѣрную службу цѣлыя угодья или помѣстья. Вслѣдствіе этого создается избранное сословіе, аристократія, потомки которой пользуются правами, дарованными первымъ королемъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи дифференцируется уже на магнатовъ и мелкихъ дворянъ. „Дворянство, въ своемъ цѣломъ,—говоритъ Сею,—не разсматривалось также, какъ существенно отличающееся отъ простыхъ свободныхъ людей, такъ какъ оно не было еще въ то время строго наслѣдственнымъ, и дворяниномъ становился тотъ, кто оказывалъ королю особыя услуги". Это было съ одной стороны; съ другой же, въ средѣ такъ называемыхъ свободныхъ гражданъ мадьярской націи шло постепенное разложеніе на мелкихъ дворянъ и на людей, приближающихся къ положенію крѣпостниковъ *). Свободные люди, однако, пользовались еще при Св. Стефанѣ всѣми политическими правами, они присутствовали на національныхъ собраніяхъ и несли военную службу. Съ теченіемъ нѣкотораго времени эти свободные люди вмѣстѣ съ иностранцами стали строить и заселять города, сдѣлались горожанами; они поддерживали торговлю въ странѣ и платили королю небольшой налогъ, поставляли солдатъ; взамѣнъ чего получили свое управленіе и свой клиръ, позже они встрѣчаются уже какъ жители свободныхъ королевскихъ городовъ. Изъ другихъ классовъ, образовавшихся въ эпоху реформъ Св. Стефана, надо напомнить еще объ удворникахъ (Udvornici), которые были приставлены къ королевскому двору; они происходили изъ военныхъ плѣнниковъ, пользовались нѣкоторымъ независимымъ положеніемъ и были пожалованы дворянствомъ въ XIV столѣтіи королемъ Людовикомъ Великимъ. Затѣмъ идетъ еще одна категорія,

*) Надо замѣтить, что подъ категоріей «свободныхъ людей» въ нѣдрахъ венгерской націи считались всѣ потомки завоевателей Панноніи, и отличались они отъ той же категоріи другихъ жителей тѣмъ, что пользовались историческимъ правомъ, тогда какъ тѣ становились свободными благодаря дарованнымъ имъ льготамъ. То были coloni liberi въ отличіе отъ coloni servi.

извѣстная подъ названіемъ jobbagiones castri, т.-е. люди, спеціально носящіе военную службу въ комитатахъ; они тоже съ XIV столѣтія переходятъ въ дворянское сословіе и становятся собственниками мелкихъ земельныхъ участковъ, достаточныхъ для личнаго воздѣлыванія (unius sessionis nobiles), такъ сказать, владѣющіе на основѣ „трудовой нормы“. Наконецъ, вся эта общественная іерархія замыкалась классомъ рабовъ, довольно многочисленнымъ.

Теперь, если мы обратимся къ другой сторонѣ законодательныхъ реформъ Св. Стефана, то мы увидимъ дѣйствительную психологію времени, мы увидимъ настоящую тенденцію „дерзкаго новатора“. Главныя статьи его судебнаго уложенія гласятъ слѣдующее: никакія показанія гражданскаго лица не могутъ быть приняты судьей, если они направлены противъ клерка. Клеркъ можетъ быть судимъ трибуналомъ только духовныхъ лицъ, т.-е. ему равныхъ. Кто не будетъ ходить въ воскресный день въ церковь на богослуженіе, тотъ лишится своей бороды. Убившій свободнаго человѣка заплатитъ двѣнадцать золотыхъ и будетъ поститься согласно канону. Убившій раба долженъ замѣнить его другимъ, либо же заплатить его стоимость. Дворянинъ, убившій свою жену, долженъ въ теченіе нѣсколькихъ дней поститься и заплатить родителямъ убитой 50 воловъ. За насиліе налагался штрафъ въ 10 воловъ. Кто изнасилуетъ рабыню, находящуюся у дворянина, у того должны быть вырваны волосы и борода. Клятвопреступникъ лишается руки. Свидѣтельскія показанія раба не могутъ имѣть значенія. Свободный человѣкъ не можетъ быть обращенъ въ раба.

Однако, всѣ эти новшества и реформы не могли бы, быть-можетъ, удержаться долго въ венгерскомъ королевствѣ, въ которомъ были еще свѣжи преданія старины, если бы Св. Стефанъ не догадался оставить, почти въ неприкосновенномъ видѣ, главную опору мадьярскихъ вольностей, національный совѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ связывалась идея о выборномъ королѣ, такъ какъ, по старинному венгерскому обычаю, никто не можетъ царствовать въ Венгріи или управлять ею безъ согласія на то національныхъ представителей. Но реформаторская рука Св. Стефана коснулась и этого, казалось, неприкосно-

веннаго учрежденія предковъ и незамѣтнымъ образомъ лишила его самой существенной особенности—его истинно-національнаго или, вѣрнѣе, народнаго характера. До Св. Стефана въ мадьярскій національный совѣтъ входили представители всей націи, старѣйшины; они избирались прямо народомъ par acclamation. Нынѣ же онъ сталъ производить искусственный подборъ, сталъ созывать собраніе изъ представителей духовенства, только-что образовавшагося класса дворянъ и отъ „свободныхъ“ людей, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе считался или причислялся къ membra sacrae coronae. Такимъ образомъ, бывшій когда-то въ дѣйствительности національный совѣтъ превратился въ постоянный совѣтъ короля, которому приходилось утверждать принятыя королемъ рѣшенія или разсматривать вмѣстѣ съ нимъ новые законопроекты. Съ удивительной, почти невѣроятной ловкостью, Св. Стефанъ успѣлъ въ короткое время преобразить до неузнаваемости всю внѣшнюю и внутреннюю организацію страны, издавъ въ 1016 году свои „великія реформы“ въ видѣ „Decretum St. Stephani“, въ которомъ заключалась 51 статья.

Для такого государства, гдѣ на тронѣ возсѣдалъ уже не національный полководецъ, а король, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, окруженный роскошью и пышностью феодальныхъ монарховъ, гдѣ создавались уже синекуры для избранныхъ и королю угодныхъ людей; въ государствѣ, въ которомъ одни въ награду за свои услуги престолу получали цѣлыя латифундіи, а другіе волею судебъ обрекались на нищету,—въ такомъ государствѣ нужны были новые источники, откуда черпались бы необходимые доходы для поддержанія двора и высшихъ военныхъ и духовныхъ сословій. Но тѣ громадные запасы земельной собственности, которыми по новому праву могъ распоряжаться только самъ король, вмѣсто того, чтобы быть отданными въ обработку и, такимъ образомъ, приносить доходъ государственной казнѣ, раздавались щедро имъ своимъ слугамъ и лицамъ, стоявшимъ близко къ престолу, въ вѣчное, потомственное пользованіе, вслѣдствіе чего главный притокъ богатствъ переходилъ въ руки не государства, а тѣхъ, кто изъ простого военнослужителя переходилъ въ разрядъ

магнатовъ и вообще дворянъ. Врядъ ли есть болѣе печальный моментъ въ исторіи Венгріи, чѣмъ тотъ, когда инвеститура и ленъ сдѣлались признаками того, что мадьярское королевство прошло окончательно тотъ путь, который привелъ его въ семью феодальныхъ монархій. Надстройка, которую возвелъ Св. Стефанъ надъ древними правовыми и политическими установленіями мадьяръ, произвела рѣзкое измѣненіе не только въ области политической, гдѣ главной центральной фигурой сдѣлалась сильная королевская власть, но и, что весьма важно, въ экономической жизни народа. Отнынѣ въ венгерскомъ государствѣ устанавливается налоговая система, причемъ главными плательщиками становятся не высшіе классы, а какъ-разъ тѣ, кто долженъ былъ заботиться о добываніи средствъ для личнаго существованія. Налогами были обложены города, удворники и жители замковъ; едва только начавшая процвѣтать горная и соляная промышленность была также обременена государственными налогами; къ числу плательщиковъ принадлежалъ также народъ, который, вѣроятно, платилъ подушную подать. Изъ другихъ доходовъ короля надо считать еще право чеканить монеты, штрафы, присужденные по суду, конфискаціи и, наконецъ, доходы, получаемые отъ такъ называемаго jus descensus, т.-е. освобожденія королевскимъ дипломомъ отъ обязанности давать у себя убѣжище (обычай, существовавшій въ то время у венгровъ). Но главный источникъ дохода Св. Стефанъ видѣлъ въ устройствѣ городскихъ поселеній и въ развитіи городской жизни; съ этой цѣлью онъ широко раскрывалъ двери въ своемъ государствѣ иностранцамъ, которые направлялись въ Венгрію для занятія промышленностью и торговлей. Эта „городская буржуазія“, благодаря тѣмъ привилегіямъ, которыя давали имъ венгерскіе короли, стала пріобрѣтать большое значеніе, и въ сводѣ законовъ она отмѣчена какъ „peculium sacrae coronae“. Св. Стефанъ понималъ, какое громадное значеніе имѣютъ для роста и внѣшняго могущества его страны эти пришельцы изъ чужеземныхъ странъ, и въ завѣщаніи, оставленномъ имъ своему сыну Эмерику, онъ даетъ наставленіе уважать иностранцевъ и покровительствовать имъ, выразивъ это въ извѣстной фразѣ: „страна, въ которой преобладаетъ одинъ только языкъ и свой

только обычай,—слаба“ (nam unius linguae uniusque moris regnum imbecille est). „Конструированная такимъ образомъ, венгерская буржуазія начала процвѣтать—говоритъ Шассенъ. — Образованная, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ, изъ итальянцевъ и германцевъ, она занялась той ролью, которую мадьярская раса, преимущественно воинственная, не способна была выполнить. Обогащая страну своей индустріей и торговлей, она, такимъ образомъ, становилась сама состоятельнымъ классомъ, и, несмотря на это, ею не гнушались, ея не тиранили. Болѣе свободная и болѣе уважаемая, чѣмъ какая-нибудь другая буржуазія въ мірѣ, она не мало способствовала богатству и славѣ древняго королевства Венгріи“.

Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ исторію Венгріи до и послѣ новыхъ учрежденій, введенныхъ Св. Стефаномъ; если мы сравнимъ мысленно его реформы съ тѣми политическими и соціальными порядками, которые доминировали въ Европѣ въ первую половину среднихъ вѣковъ, то мы должны будемъ согласиться, что законодательные труды этого перваго венгерскаго короля находились подъ сильнымъ вліяніемъ католической церкви и феодальной Европы. Результаты этихъ преобразованій привели къ тому, что венгерскій народъ хотя и не утратилъ окончательно своей политической силы и своихъ суверенныхъ правъ, все-таки лишился ихъ демократической сущности. Вмѣсто нѣкогда существовавшаго федеративнаго союза семи племенъ, съ ихъ полной политической автономіей, теперь установилась единая верховная власть короля, окруженнаго постояннымъ совѣтомъ, куда уже приглашаются по королевскому выбору „лучшіе и достойные“ члены націи, представители аристократическаго сословія. Благодаря учрежденію спеціальныхъ должностей—синекуръ, благодаря установленію имущественной зависимости, общество раздробляется на сословія или классы, отличающіеся другъ отъ друга благородствомъ занятій и различіемъ въ экономическомъ смыслѣ. Устраненіемъ изъ категоріи налоговыхъ плательщиковъ государственныхъ чиновъ, служителей церкви и высшей военной и гражданской аристократіи, самою законодательною властью санкціонируется какъ бы соціальное неравенство, а обложен-

ные классы толкаются въ кабалу къ правительству. Съ этого момента въ Венгріи открывается благопріятная почва не для одной только правительственной эксплуатаціи, но и для эксплуатаціи и гнета низшихъ классовъ только-что народившимися помѣщиками-дворянами. Венгерскій народъ начинаетъ съ эпохи царствованія Св. Стефана идти по тому пути, по которому уже давно пошла вся средневѣковая Европа, а въ отдаленной перспективѣ начинаютъ вырисовываться жупелъ абсолютизма и грозный призракъ междусословной борьбы. На царствованіе Св. Стефана слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ при немъ Венгрія переживаетъ самый крупный переворотъ и рѣшительно вступаетъ на путь полной европеизаціи.

Мы уже видѣли, что христіанское вѣроученіе было насильно навязано венгерской націи, и что хотя пассаускій епископъ Пильгринъ писалъ папѣ Бенедикту VII о томъ, что всю Венгрію можно считать расположенной къ переходу въ католицизмъ, тѣмъ не менѣе, это сообщеніе не соотвѣтствовало дѣйствительности. Раздраженіе въ народѣ противъ новой религіи и противъ папскихъ пословъ росло съ каждымъ часомъ, и, если бы первые венгерскіе христіанскіе короли не употребляли вооруженную силу для подавленія этого народнаго „раздраженія“, трудно сказать, что стало бы съ молодымъ, едва только окрѣпшимъ мадьярскимъ государствомъ. Первый серьезный мятежъ противъ католическаго вѣроученія начался черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Гейзы, къ которому народъ все-таки относился съ бóльшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ его сыну Вайку. Во главѣ этого движенія сталъ одинъ изъ потомковъ Арпада, Коппани или Купа, который вмѣстѣ съ примкнувшей къ нему языческой массой требовалъ уничтоженія проповѣдующихъ новую религію чужеземцевъ и возвращенія къ старымъ временамъ, къ патріархальнымъ обычаямъ своихъ доблестныхъ отцовъ. То была, поистинѣ, борьба двухъ началъ: варварская цивилизація хотѣла вытѣснить христіанство, такъ настойчиво врывавшееся въ жизнь всѣхъ народовъ, чтобы произвести въ ихъ порядкахъ и обычаяхъ необходимыя для своихъ цѣлей перемѣны. Возставшіе венгры со своимъ новымъ предводителемъ, послѣ цѣлаго ряда опустошеній и пожарищъ, устроенныхъ ими, заперлись въ

Весспримѣ, у стѣнъ котораго произошло сраженіе съ войсками короля Св. Стефана. Въ этой битвѣ Коппани погибъ, и по приказу Св. Стефана тѣло его было разрѣзано на четыре части и выставлено въ томъ же городѣ „на страхъ врагамъ новой религіи". Несмотря на такую безчеловѣчную расправу и на настойчивое желаніе сдѣлать католицизмъ, во что бы то ни стало, господствующей религіей въ своей странѣ, Св. Стефану пришлось, однако, вступать еще не разъ въ борьбу съ народными массами, ненависть которыхъ къ римскому престолу продолжала быть твердой какъ сталь. Такъ, напримѣръ, противъ Св. Стефана выступилъ его родной дядя Gyula, протестовавшій противъ учрежденія въ Albe-Julie епископства; но и это возстаніе было вскорѣ подавлено благодаря многочисленной арміи, а самъ предводитель былъ захваченъ въ плѣнъ и погибъ въ тюрьмѣ.

Св. Стефанъ умеръ 15 августа 1038 года, и нельзя сказать, чтобы его политика создала хоть сколько-нибудь устойчивое положеніе въ странѣ. Уже къ этому времени создались двѣ партіи: одна стремилась обезпечить торжество европейскому началу, для чего она поощряла всѣ религіозныя и прочія реформы Св. Стефана и старалась поддерживать близкія связи съ феодальными монархами, другая же партія, называвшаяся національной, устраивала, понятно, всѣмъ этимъ начинаніямъ сильную оппозицію; „въ этомъ и заключается гнѣздо всей запутанной драмы", разыгрывающейся въ Венгріи на протяженіи цѣлаго столѣтія. Борьба между этими обѣими партіями возгорѣлась еще въ 1031 году, когда умеръ единственный сынъ и наслѣдникъ престола Св. Стефана, Эмерикъ. Надо было назначить другого наслѣдника, а всѣ четыре принца по прямой линіи Арпада: Вазулъ, Андрей, Бела и Левантъ принадлежали къ старой національной партіи, причемъ первый изъ нихъ былъ заключенъ Св. Стефаномъ въ темницу. Св. Стефанъ колебался, и партія, стоящая за вліяніе иностранцевъ въ дѣлахъ Венгріи, во главѣ съ королевой Жизелой, которая являлась ярой сторонницей католической церкви, стала убѣждать его, чтобы онъ завѣщалъ свой тронъ Петру, сыну венеціанскаго дожа Urseoli (женатаго на сестрѣ Св. Стефана).

Вначалѣ король согласился-было, и „иностранная“ партія, какъ называли тогда сторонниковъ европейскаго вліянія и римскаго папы, торжествовала уже свою побѣду, но передъ самой своей смертью Св. Стефанъ отказался отъ своего перваго рѣшенія, такъ какъ Петръ не имѣлъ никакихъ правъ на венгерскій престолъ и, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ признать своимъ наслѣдникомъ заключеннаго Вазула, которому и принадлежало право первородства между остальными принцами изъ дома Арпада. Это рѣшеніе вызвало сильное раздраженіе въ придворной „иностранной партіи“, и въ лицѣ фанатички королевы Жизелы она нашла главнаго исполнителя дворцоваго переворота. Съ ея согласія Вазулу выкололи въ тюрьмѣ глаза, и онъ лишился, такимъ образомъ, возможности управлять страной; остальные же принцы убѣжали въ Польшу, такъ какъ боялись сдѣлаться жертвами дворцоваго заговора. Сейчасъ послѣ смерти Св. Стефана Петръ былъ призванъ на царствованіе въ Венгріи. До чего вся эта борьба происходила на почвѣ, оторванной совершенно отъ интересовъ націи, другими словами, до чего она была незаконна, такъ какъ согласно древнему венгерскому праву короли избираются самой націей, показываетъ то, что народъ не хотѣлъ признавать своимъ правителемъ венеціанца Петра. Его народъ не возлюбилъ еще и потому, что онъ презиралъ мадьяръ, пересталъ созывать національный совѣтъ и окружилъ себя и дворъ свой исключительно иностранцами: итальянцами и германцами, раздавая имъ весьма щедро награды и почетныя должности; тотъ же царедворецъ, который выкололъ Вазулу глаза, сталъ играть при немъ очень видную политическую роль. Племяннику „великаго“ венгерскаго законодателя Св. Стефана не везло на королевскомъ тронѣ. Предпринявъ войну противъ могущественнаго германскаго императора Генриха III, онъ былъ разбитъ на голову, и это событіе еще больше подорвало его популярность въ глазахъ недовольной націи. Съ другой стороны, пораженіе Петра послужило толчкомъ къ новымъ безпорядкамъ и мятежамъ въ Венгріи, направленнымъ какъ противъ католицизма, такъ и противъ самого короля. Тысячныя толпы народа подъ предводительствомъ нѣкоего Ваты (Vata) объявили короля Петра низвергнутымъ съ

престола и призвали на царствованіе изъ Польши одного изъ національныхъ принцевъ, Андрея. Этотъ послѣдній, прежде чѣмъ принять корону, долженъ былъ обѣщать возставшему народу, что онъ уничтожитъ новую религію, изгонитъ изъ страны все католическое духовенство и дастъ возможность мадьярамъ вернуться къ старымъ языческимъ обрядамъ. Между Петромъ, прибѣгнувшимъ за помощью къ германскому императору, и Андреемъ завязалась серьезная борьба, въ которую вмѣшался братъ послѣдняго, Бела, также желавшій изгнанія изъ Венгріи ненавистнаго венеціанца. Но какъ только Андрей одержалъ побѣду, и вѣсть о смерти Петра распространилась среди возставшихъ язычниковъ съ быстротою молніи, онъ не замедлилъ сейчасъ же короноваться; при этомъ, несмотря на внѣшнее согласіе, которое существовало между нимъ и Белой, онъ все же побаивался возможныхъ раздоровъ и соперничества своего брата, сдѣлавшагося въ странѣ также популярнымъ. Андрей, соблазненный той роскошью, которая ждала его на христіанскомъ тронѣ, измѣнилъ своему обѣщанію, данному имъ народу; онъ короновался въ присутствіи архіепископовъ и всего высшаго духовенства и вообще сталъ постепенно вводить тѣ же самые порядки при дворѣ, которые существовали у его христіанскихъ предшественниковъ. Онъ издалъ даже спеціальный указъ, въ которомъ объявилъ о томъ, что учрежденія Св. Стефана вступаютъ вновь въ законную силу, и наложилъ на народъ трехдневный постъ, чтобы снять передъ лицомъ Бога всѣ совершенные имъ грѣхи (1047). Такой поступокъ Андрея не могъ укрѣпить его положенія въ странѣ, тѣмъ болѣе, что антикатолическое движеніе не смолкало: оно только прерывалось по временамъ, но корни его лежали еще глубоко въ сознаніи массъ. Постепенно на сторону Белы стали переходить всѣ жители сѣверной Венгріи, что дало ему возможность открыто оспаривать у своего брата тронъ; въ битвѣ у береговъ Тиссы въ 1061 году Андрей погибъ, и королевская власть отнынѣ перешла къ Белѣ.

Чрезвычайно сложная своими внутренними неурядицами эпоха, слѣдовавшая за смертью Св. Стефана, оказалась благопріятной все-таки для пропаганды католицизма. Венгрія разрывалась на части: снизу подымалась волна язычниковъ и, ударяясь каждый разъ о

твердыни мадьярскаго государства, смывала камень за камнемъ новую политическую соціальную постройку; сверху шла борьба претендентовъ на престолъ, руководимая не столько личными интересами послѣднихъ, сколько политическими интересами борющихся партій. И то и другое заволакивало перспективу грозоносными тучами, и народъ приходилъ въ отчаяніе. Въ такое время всякая умиротворяющая пропаганда, пропаганда христіанскаго вѣроученія, основанная на любви къ ближнему и всепрощеніи, которая исходила съ высоты римскаго престола, хотя и замаскировала собой эгоистическія вожделѣнія жаждавшей свѣтской власти католической церкви, тѣмъ не менѣе, углублялась и распространялась, несмотря на встрѣчное ей ярко-враждебное движеніе. Бела I, вступивъ на венгерскій престолъ, понялъ, какъ и всѣ его предшественники, начиная съ Св. Стефана, что будущее должно принадлежать въ его государствѣ европейской культурѣ, тому христіанскому началу политическаго и соціальнаго быта, которое введено было сильной, полудеспотической властью Св. Стефана, а не паганизму, язычеству, которое окрашивало древніе демократическіе традиціи и обычаи въ неприглядныя краски варварской цивилизаціи.

Бела отнесся съ полнымъ уваженіемъ къ новому завѣту, оставленному своему народу Св. Стефаномъ, и, не колеблясь, объявилъ себя монархомъ христіанскимъ, принявшимъ подъ свое покровительство римскую церковь. Тѣ историческія событія, которыя окружали въ описываемую нами эпоху венгерскій тронъ, привели бы вѣроятно и теперь къ печальному концу новое царствованіе популярнаго монарха, но другія его качества, несравненно высшія, чѣмъ жестокость и вѣроломство, скрытыя подъ такъ называемымъ „цивилизованнымъ“ плащемъ европейца Петра, или чѣмъ корыстолюбіе и тщеславіе Андрея, удержали его отъ немедленнаго паденія. Бела I отличался добродушіемъ, онъ старался направлять свою политику такимъ образомъ, чтобы она не сопровождалась ни репрессіями, ни строгими наказаніями не смолкавшихъ враговъ „европейской“ партіи, за что онъ заслужилъ названіе „rex clementissimus“. Съ первыхъ дней своего царствованія онъ предпринялъ рядъ реформъ, которыя, надо признать, не шли въ ущербъ на-

роднымъ интересамъ, а, напротивъ, являлись коррективомъ къ установленнымъ учрежденіямъ Св. Стефана, дающихъ возможность націи вернуть, правда, въ небольшихъ размѣрахъ, тѣ политическія права, которыя были утрачены ею при Св. Стефанѣ, и за счетъ которыхъ возвысилась высшая военная и духовная аристократія. Король Бела I ввелъ болѣе или менѣе правильное народное представительство въ національное собраніе, издавъ декретъ о томъ, чтобы каждая деревня или селеніе посылали по два делегата (de singulis villis duo seniores facundiam habentes). По мнѣнію Альберта Аппоньи, автора „Венгерской конституціи и парламентаризма", эта реформа Белы является едва ли не первымъ и самымъ старымъ примѣромъ національнаго представительства въ средніе вѣка. Другимъ его важнымъ преобразованіемъ было уменьшеніе налоговыхъ обязанностей съ народа и открытіе ярмарки, долженствовавшей способствовать развитію промышленной жизни. Но, повидимому, спокойствіе не могло еще установиться въ странѣ. Главари старой національной партіи и язычниковъ продолжали подстрекать народныя массы и превращать въ мутный потокъ очистившееся было теченіе венгерской жизни. Къ мѣстопребыванію короля (Albe Royale) собрался бунтующійся народъ и выставилъ слѣдующія требованія: 1) господство языческой религіи; 2) право расправиться своимъ судомъ со всѣми епископами и клерками; 3) повѣсить всѣхъ сборщиковъ церковныхъ налоговъ и 4) разбить всѣ церковные колокола и сравнять съ землей всѣ церкви и храмы. Видя, что дѣло приняло такой серьезный оборотъ, и будучи неподготовленнымъ для подавленія этого, вновь выливавшагося въ стихійную форму народнаго волненія, Бела попросилъ три дня отсрочки, чтобы посовѣтоваться со своими приближенными и министрами. Народъ согласился ждать королевскаго отвѣта. Тѣмъ временемъ Бела I успѣлъ собрать всѣ свои войска и черезъ три дня отвѣтилъ имъ ожесточенной битвой, въ которой, по увѣреніямъ хроникеровъ, погибло множество язычниковъ. Бела процарствовалъ недолго и въ 1063 году умеръ отъ ушиба, полученнаго при случайномъ паденіи съ трона.

Послѣ Белы осталось три сына, которые, однако, отказались отъ короны въ пользу малолѣтняго Саломона, сына покойнаго ко-

роля Андрея, кому по праву и принадлежалъ венгерскій тронъ. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, которому досталась королевская власть въ Венгріи, находился подъ опекой германскаго императора Генриха IV, и это обстоятельство послужило опять къ тому, чтобы въ народѣ было вызвано неудовольствіе. Никакъ, казалось, Венгрія не могла отдѣлаться отъ европейскаго вліянія, чему въ данномъ случаѣ способствовало и то, что Саломонъ находился якобы въ вассальной зависимости у Генриха IV, имѣвшаго тенденцію, такимъ образомъ, овладѣть мадьярскимъ государствомъ. Опять при дворѣ собралась клика, настраивавшая неопытнаго Саломона противъ сыновей Белы, опять пошли династическіе раздоры, отъ которыхъ страна устала и изнемогала. Саломонъ короновался въ то время, какъ весь сѣверъ Венгріи былъ объятъ пламенемъ народнаго возстанія. Движеніе приняло нѣсколько странный оборотъ, такъ какъ оно поддерживалось папой Григоріемъ VII, находившимся въ раздорѣ съ Генрихомъ IV и главнымъ инспираторомъ придворныхъ интригъ въ Венгріи. Желая заслужить въ глазахъ всей націи вѣру въ своей полной непогрѣшимости, римская церковь доказывала, что мадьярское королевство должно повиноваться только ей, а не германскому императору. Этому движенію предшествовало нашествіе на Венгрію половцевъ (1067), и королевская власть была вынуждена защищать страну отъ грозившаго ей разоренія. Въ этой войнѣ принимали участіе самъ король Саломонъ и принцъ Владиславъ, одинъ изъ сыновей Андрея; но лишь только половцы были отброшены храбрыми венгерскими войсками, на Венгрію напали печенѣги (1068), и война должна была затянуться. Вслѣдствіе этого, чисто-внѣшнія обстоятельства отвлекли обѣ стороны, правительство и народъ, не желавшій подчиниться новому христіанскому началу, отъ взаимной борьбы, и защита отечества стала для всѣхъ одинаково важной и необходимой. Но въ 1074 г. внутренняя вражда вновь возобновилась и возобновилась, какъ мы указали выше, благодаря открытому уже вмѣшательству только-что вступившаго на папскій престолъ Григорія VII. Саломонъ дѣйствовалъ сообща съ императоромъ Генрихомъ IV, а притязанія папы поддерживалъ Владиславъ со своимъ братомъ Гейзой, на сторонѣ которыхъ были

тогда языческіе мятежники. Церковь восторжествовала; она, наконецъ, добилась того, къ чему стремилась съ самаго вторженія своего въ предѣлы новаго мадьярскаго государства, т.-е. поднятія своего престижа въ глазахъ невѣрующихъ венгерцевъ и подорванія авторитета свѣтской власти. Народное движеніе отнынѣ въ Венгріи пошло не столько въ сторону, враждебную католицизму, сколько было направлено противъ европейскаго вліянія, противъ европейскихъ монарховъ, стремившихся окружить венгерскій престолъ своими ставленниками и наложить на внутреннюю политику Венгріи печать феодальной системы, клеймо запутанныхъ общественныхъ отношеній средневѣковья. Обѣ враждующія стороны вступили въ отчаянную борьбу; армія Владислава и Гейзы состояла изъ громадныхъ полчищъ крестьянъ, вооруженныхъ кольями и вилами, Саломонъ же повелъ противъ нихъ германцевъ и чеховъ. Нѣсколько лѣтъ шла гражданская война, закончившаяся тѣмъ, что Саломонъ долженъ былъ бѣжать, а на престолъ былъ избранъ Гейза (1077). Этому послѣднему, однако, не удалось царствовать, такъ какъ онъ умеръ въ этомъ же самомъ году; корона Св. Стефана перешла къ Владиславу, причисленному впослѣдствіи церковью къ лику святыхъ, какъ и его „великій“ предшественникъ.

Чрезвычайно интересную картину представляетъ взаимоотношеніе въ Венгріи между римскимъ папой и королевской властью. Здѣсь у средневѣковыхъ монарховъ психологія складывалась особеннымъ образомъ; католицизмъ скользилъ какъ бы по поверхности души, не затрагивая сокровенныхъ ея основъ. Венгерскіе короли брали отъ христіанскаго вѣроученія все, что могло бы окружить ихъ ореоломъ величія и культурности, все, что способствовало расширенію и укрѣпленію центральной власти, но почти никогда они не сгибали своей спины передъ престоломъ „преемника Божія“ на землѣ. Не свѣтская власть была въ подчиненіи у папы; напротивъ, папа зависѣлъ отъ тѣхъ условій, которыя предписывались ему королевствомъ Св. Стефана. Такова историческая дѣйствительность, рѣзко обнаружившаяся здѣсь, какъ только римская церковь стала посягать на суверенныя права и прерогативы короля. Въ борьбѣ за осуществленіе высшихъ культурныхъ и политическихъ цѣлей и

венгерскіе короли и даже самъ венгерскій народъ, какъ мы это видѣли, соглашались дѣйствовать сообща съ римской церковью, но всякій разъ, какъ послѣдняя старалась вовлечь въ сферу своего вліянія то, что подлежало самостоятельному развитію и свободному, независимому дѣйствію, иными словами—вовлечь государственную власть, эти временные союзники отмежевывались другъ отъ друга и оставались на своихъ прежнихъ идейныхъ позиціяхъ. Григорій VII имѣлъ твердую увѣренность, что послѣ того, какъ онъ встрѣтитъ сочувственное отношеніе въ Венгріи къ его борьбѣ противъ германскаго императора Генриха IV, оспаривавшаго у него право инвеституры, т.-е. то право, уступить которое никогда не желали и венгерскіе короли, онъ сумѣетъ добиться здѣсь хотя бы своей цѣли. Но онъ упустилъ, очевидно, изъ виду, что эта случайная солидарность была внушена венгерскому народу и руководившему мятежомъ Владиславу только ненавистью къ Генриху IV, вторгавшемуся въ жизнь чужеземной страны и рѣшавшему судьбу Венгріи. Это обнаружилось тотчасъ, какъ Владиславъ принялъ въ свои руки бразды правленія и пожелалъ короноваться.

Помимо этихъ, не имѣвшихъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій, препирательствъ королевской власти съ папой, царствованіе Св. Владислава было замѣчательно еще и другими фактами. Во-первыхъ, ему пришлось продолжать войну съ не перестававшими нападать на Венгрію половцами или куманами и съ печенѣгами. Послѣ окончательной побѣды, одержанной надъ ними Владиславомъ, онъ предложилъ имъ поселиться въ Венгріи, и съ этого времени область рѣки Тиссы постепенно заселяется новыми пришельцами. Кромѣ того, съ царствованія короля Св. Владислава Венгрія расширяетъ свои границы пріобрѣтеніемъ такихъ двухъ областей, какъ Трансильванія и Кроація. Стремленіе къ расширенію своихъ границъ съ двухъ сторонъ, на востокѣ и на югѣ, обнаруженное венгерскими королями въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, имѣетъ свое весьма важное основаніе. Угрожаемая на востокѣ постоянными нашествіями враждебныхъ народностей, стремясь въ то же время къ мирному процвѣтанію, Венгрія должна была укрѣпить себя естественнымъ барьеромъ, каковымъ является лежащая въ самой скученности Карпатскихъ горъ

Трансильванія. Собственно говоря, въ эту страну венгерцы проникали и раньше, еще при Св. Стефанѣ, но теперь, при Св. Владиславѣ Трансильванія становится какъ бы интегральной частью мадьярскаго государства. Съ конца XIII вѣка въ этой странѣ поселяются такъ называемые секлеры, тоже причисляющіеся къ мадьярской націи, но считающіе себя потомками воиновъ Аттилы; ихъ обязанностью было оберегать границы и защищать ихъ отъ вторженія чужеземцевъ. Организованные сначала на военныхъ началахъ, секлеры впослѣдствіи составляютъ въ Трансильваніи съ другими поселившимися тамъ народностями, какъ, напримѣръ, съ саксонцами, маленькое государство, управляемое намѣстникомъ по назначенію короля. Пріобрѣтеніе другой области, Кроаціи, обусловливалось нѣкоторыми другими обстоятельствами. Начиная съ одиннадцатаго вѣка, средневѣковая Европа завязываетъ болѣе или менѣе правильныя и постоянныя международныя сношенія; ростъ городовъ и процвѣтаніе добывающей и обрабатывающей промышленности, съ одной стороны, и начинающійся товарный обмѣнъ, съ другой, вынуждаютъ окрѣпшія государства искать подходящія мѣста для сбыта своихъ производствъ или пріобрѣтать такія территоріи, на которыхъ лежатъ пути сообщенія въ другія страны. Венгрія въ эту именно эпоху устраивается по образцу германскихъ государствъ, т.-е. городская жизнь съ ея торгово-промышленной дѣятельностью останавливаетъ вниманіе на себѣ королевской власти, которая стремится содѣйствовать ей завоеваніемъ необходимыхъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, новыхъ территорій. Кроація составляла для Венгріи замѣчательное пріобрѣтеніе; ея географическое положеніе открывало возможность черезъ Адріатическое море вступать въ торговыя сношенія съ Италіей, а входящія въ ея составъ Далмація и Боснія или Турецкая Кроація, какъ долгое время она называлась, прокладывала путь въ Сербію и европейскую Турцію. Кромѣ того, Далмація находилась рядомъ съ древней республикой Рагузой (по-славянски Дубровникъ), основанной еще въ седьмомъ вѣкѣ итальянцами и сербами и пользующейся всемірной славой благодаря необыкновенному расцвѣту своей индустріи и торговли, а также благодаря морскому сообщенію, которое она подерживала съ другими

странами. Послѣ того какъ прекратилась въ Кроаціи національная династія, ея тронъ переходитъ къ Св. Владиславу, назначившему въ качествѣ намѣстника этой страны сына Гейзы, Альмоша. Но въ политическомъ отношеніи Кроація, несмотря на то, что считалась государствомъ самостоятельнымъ, находилась подъ протекторатомъ Венеціи и въ слѣдующемъ уже царствованіи, при королѣ Коломанѣ, Венгріи пришлось вести съ венеціанцами войну для окончательнаго присоединенія этой области къ своему государству. „Такъ начался нескончаемый и навсегда не разрѣшимый вопросъ объ отношеніяхъ между Кроаціей и короной Св. Стефана".

Царствованіе Св. Владислава оставило глубокіе слѣды и въ самомъ законодательствѣ мадьярскаго королевства. Собравъ въ 1092 г. въ Сабольцѣ сеймъ изъ прелатовъ, дворянъ и представителей отъ народа, онъ предложилъ ему цѣлый рядъ законовъ, которые и были потомъ введены въ исполненіе. Изъ нихъ самыми важными считаются: измѣненіе уголовнаго кодекса, изданнаго Св. Стефаномъ, реорганизація административнаго управленія путемъ учрежденія чего-то въ родѣ современной жандармеріи (örök), предназначенной для слѣженія за тѣми, кто сѣетъ гражданскую смуту и разжигаетъ въ массахъ ненависть къ христіанству. Затѣмъ слѣдуетъ законъ о защитѣ частной собственности и о новыхъ правахъ и привилегіяхъ духовенства. Судебные законы Св. Владислава были настолько жестоки, что сравнить ихъ можно было только съ законами Дракона, этого кроваваго древне-аѳинскаго законодателя. Напримѣръ, за кражу одной утки, по новому закону Св. Владислава, виновный лишался одного глаза; всякій человѣкъ, которому его жена измѣнила и была застигнута на мѣстѣ преступленія (современное flagrant délit), имѣлъ право убить ее своей собственной рукой, а всякій предатель могъ быть обращенъ въ раба, и т. д. Но главныя его реформы относятся къ упроченію католической церкви, хотя тутъ онъ проявилъ полную независимость и неповиновеніе римскому престолу. Вопреки недавно изданному постановленію папы Григорія VII о запрещеніи служителямъ церкви вступать въ бракъ, Св. Владиславъ снялъ это запрещеніе съ духовенства. Кромѣ того, онъ расширилъ права епископовъ, отдавъ подъ ихъ полный контроль монастыри и разрѣшивъ имъ

собирать церковныя подати (dîme). Онъ запретилъ всякій трудъ въ воскресный день, и даже евреи, нарушившіе это постановленіе, жестоко преслѣдовались, какъ преслѣдовались и крещенные мусульмане за обратный переходъ въ магометанство. Итакъ, несмотря на свою несговорчивость съ папой, Св. Владиславъ больше, чѣмъ кто-либо изъ другихъ венгерскихъ королей, способствовалъ своими законами окончательному внѣдренію католицизма въ страну мадьяръ. „Всѣ жители королевства должны подчиниться закону“,— такой императивный характеръ его постановленій прекратилъ антихристіанское броженіе въ странѣ и изолировалъ церковь отъ языческихъ эксцессовъ.

Пріобщеніе Венгріи къ католицизму оказало громадную услугу Европѣ. Еще бургундскій хроникеръ Рауль Глаберъ, жившій въ X—XI вѣкѣ, писалъ по поводу обращенія Св. Стефана и его народа въ христіанство, что съ этого момента всѣ итальянскіе и галльскіе паломники, желавшіе посѣтить гробъ Христа, отказывались отъ прежняго морского пути и проходили черезъ государство Св. Стефана. И, дѣйствительно, первые крестовые походы, начавшіеся въ 1095 году, совершались черезъ Венгрію, какъ черезъ самую удобную и кратчайшую дорогу. Почти у порога своей смерти на долю Св. Владислава выпала великая честь принять у себя пословъ отъ лицъ, организующихъ это первое грандіозное предпріятіе для освобожденія гроба Господня изъ рукъ нечестивцевъ, и если бы не его случайная смерть въ 1095 г., то во главѣ этого похода стоялъ бы венгерскій король, этотъ яркій образецъ изъ всѣхъ мадьярскихъ подражателей европейскому феодализму.

На венгерскомъ престолѣ послѣ смерти Св. Владислава появился его племянникъ Коломанъ, получившій серьезное умственное воспитаніе и названный благодаря этому книжникомъ. Наступилъ также бурный періодъ крестовыхъ походовъ; Венгрія была наводнена огромными полчищами чужеземцевъ, которые имѣли въ своихъ рядахъ людей всякаго положенія; въ большинствѣ случаевъ это были люди безъ опредѣленныхъ занятій, ищущіе различныхъ приключеній, такъ называемые „авантюрьеры“. Государство венгерцевъ стало терпѣть отъ нихъ ужасныя бѣдствія и разоренія, и, какъ

ни желательно было Коломану оказать помощь крестовому походу, все же видѣть свою страну ограбленной и разрушенной было для него болѣе, чѣмъ непріятно. Коломанъ сталъ собирать свои войска, чтобы силою оружія отразить полчища крестоносцевъ, проносившихся черезъ Венгрію какъ разрушительный ураганъ. Однако, такое рѣшеніе венгерскаго короля было чрезвычайно невыгодно для крестовыхъ походовъ, ибо, съ закрытіемъ для нихъ пути въ Константинополь черезъ Венгрію, крестоносцамъ пришлось бы избрать опять старую дорогу, „дорогу отважныхъ", какъ называли тогда морской путь, а это могло бы сдѣлать главную цѣль походовъ, достиженіе Іерусалима, невозможнымъ. Въ началѣ осени 1096 года Godefroy de Bouillon, предводитель перваго крестоваго похода и первый король Іерусалима, имѣлъ свиданіе съ Коломаномъ на берегу озера Нейзидель, гдѣ были выработаны условія передвиженія крестоносцевъ черезъ Венгрію. Коломанъ самъ намѣтилъ для нихъ маршрутъ и въ качествѣ заложника взялъ Бодуэна, одного изъ самыхъ главныхъ предводителей крестоваго похода послѣ Годфруа.

Между тѣмъ, въ Кроаціи, которая управлялась Альмошемъ, было не спокойно. Страна была недовольна этимъ правителемъ и требовала его смѣщенія. Коломанъ вынужденъ былъ изгнать изъ Кроаціи своего брата и занять этотъ престолъ, но венеціанцы не хотѣли отдать Венгріи эту область и объявили ей войну. Въ этой кампаніи Коломану повезло; онъ съ самаго начала покорилъ нѣсколько главныхъ городовъ Кроаціи, даровалъ имъ большую свободу самоуправленія и въ 1102 году окончательно завоевалъ все побережье Адріатическаго моря, находящееся между Фіумэ и Рагузой, и короновался въ Бѣлградѣ королемъ Кроаціи и Далмаціи. Но Кроація, тѣмъ не менѣе, вошла въ составъ Венгріи на автономныхъ основаніяхъ, иначе венгерская династія не могла бы здѣсь укрѣпиться, и народъ не согласился бы потерять свою національную самобытность и свое древнее политическое учрежденіе. Поэтому съ самаго начала венгерскіе короли правятъ этой страной черезъ кроатскаго бана или намѣстника, резиденціей котораго служитъ главный городъ Аграмъ. Кроаты, также какъ и венгерцы,

избираютъ своего короля; они совершенно независимы въ своемъ внутреннемъ управленіи, сами назначаютъ жупановъ, епископовъ; имѣютъ право чеканить свою монету, имѣютъ свою армію и свою налоговую систему. Такъ было, по крайней мѣрѣ, тогда, по договору, на основаніи котораго Коломанъ получилъ возможность короноваться въ Кроаціи.

Чтобы закончить характеристику этого короля, который вмѣстѣ съ Св. Владиславомъ считается завершителемъ новой христіанской эры въ исторіи Венгріи, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ законодательныхъ реформахъ, которыми ознаменовалось его царствованіе въ мадьярскомъ государствѣ. Во-первыхъ, онъ смягчилъ значительно уголовные законы своихъ предшественниковъ, учредилъ спеціальные судебные трибуналы и предоставилъ графамъ отправлять судебныя функціи. Вмѣсто устныхъ судебныхъ процессовъ онъ ввелъ писанные, чѣмъ оградилъ виновныхъ отъ всякихъ подвоховъ и недоразумѣній, ставшихъ результатомъ отсутствія писанныхъ дознаній и показаній. Изъ религіозныхъ реформъ надо отмѣтить признаніе въ Венгріи обязательнымъ дѣйствія декрета папы Григорія VII о запрещеніи духовнымъ лицамъ вступать въ бракъ.

Ко времени царствованія Коломана соціальная структура Венгріи значительно измѣнила свой первоначальный видъ. Образовался уже значительный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, сеньеровъ, у которыхъ къ королевской власти создаются особыя отношенія. Такъ, напримѣръ, крупные землевладѣльцы обязуются доставлять опредѣленное количество войска государству, взамѣнъ чего они получаютъ новыя привилегіи, еще болѣе закрѣпляющія начала феодальной системы. При Коломанѣ венгерскіе сеньеры добиваются утвержденія наслѣдственнаго права, и земля, находящаяся въ ихъ владѣніи, не можетъ быть отчуждена въ государственный фондъ ранѣе, чѣмъ не исчезнутъ наслѣдники по мужской линіи. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь въ началѣ XII столѣтія съ характерными симптомами или, вѣрнѣе, проявленіями европейскаго феодализма, основаннаго на извѣстномъ девизѣ французскихъ бароновъ: nulle terre sans seigneur. Общественныя перегородки, созданныя законодательствомъ Св. Стефана, раздвигались все болѣе и болѣе, и на

этомъ промежуточномъ между ними пространствѣ образовывались новые классы, такъ называемыя промежуточныя категоріи. Уже въ декретахъ Св. Владислава (Decr. Ladislai regis) мы находимъ точныя классовыя опредѣленія. Всѣ члены мадьярской націи дѣлятся отнынѣ на три большія группы, имѣющія, въ свою очередь, свои особыя развѣтвленія: на Comites и Milites, или Majores и Minores и Vulgares. Первыя двѣ обозначали все аристократическое сословіе, распадающееся на крупныхъ и низшихъ дворянъ; словомъ Vulgares называлось не дворянское, но свободное сословіе, соотвѣтствующее германскому Mittelstand. Какъ крупное, такъ и низшее дворянство являлось землевладѣльческимъ классомъ, но хозяйство и земледѣліе находилось въ рукахъ средняго сословія. Это послѣднее, въ незначительной своей части только, тоже владѣло землей, но, главнымъ образомъ, оно пользовалось сеньеріальными угодьями и помѣстьями въ видѣ аренды, взамѣнъ чего оно обязано было передъ своимъ господиномъ несеніемъ различныхъ повинностей. Это третье, промежуточное сословіе, всѣ эти vulgares, очень часто встрѣчаются въ королевскихъ декретахъ описываемаго историческаго періода подъ именемъ coloni liberi; въ нѣдрахъ этого же самаго сословія формировался еще одинъ классъ свободныхъ, называвшихся coloni liberi denarii, которые были попросту податнымъ сословіемъ и, кромѣ податей, не имѣли на себѣ больше никакихъ повинностей, въ родѣ барщины или несенія военныхъ обязанностей. Таковы были общественное положеніе и вытекающій отсюда хозяйственный строй, основанный на сложной сословной зависимости въ средневѣковой Венгріи. Въ дальнѣйшей своей эволюціи, отправнымъ пунктомъ которой надо считать эпоху царствованія Коломана, хозяйственная жизнь Венгріи производитъ дифференціацію промежуточнаго сословія на рабовъ, крѣпостныхъ и полузависимыхъ крестьянъ.

Это царствованіе короля-книжника, гуманнаго и благочестиваго Коломана, омрачилось подъ конецъ кровавыми событіями. Альмошъ, изгнанный Коломаномъ изъ Кроаціи, пошелъ войной на брата и, послѣ неудачныхъ попытокъ разбить его войска, заключилъ условіе съ германскимъ импе-

раторомъ Генрихомъ V. Вмѣстѣ они подошли къ Пресбургу и стали его осаждать, но тщетно; войска Коломана оказались и на этотъ разъ гораздо сильнѣе союзныхъ полчищъ, которыя были отброшены далеко за предѣлы Венгріи. Но чаша терпѣнія Коломана была переполнена, онъ не могъ уже успокоиться до тѣхъ поръ, пока не имѣлъ въ своихъ рукахъ опаснаго врага. Альмошъ былъ захваченъ, въ концѣ концовъ, въ плѣнъ, и, по приказанію Коломана, ему выкололи оба глаза; той же участи былъ подвергнутъ его малолѣтній сынъ (ему было только пять лѣтъ), который вступилъ потомъ на венгерскій престолъ подъ именемъ Белы II Слѣпца (1131—1141).

Почти весь XII вѣкъ относится къ внѣшней исторіи Венгріи. Коломану наслѣдовалъ его сынъ, Стефанъ II, на тринадцатомъ году отъ рожденія, и, процарствовавъ семнадцать лѣтъ, онъ сошелъ съ исторической сцены, не оставивъ никакихъ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ. Такъ какъ Стефанъ II былъ бездѣтенъ, то его замѣстилъ на тронѣ сынъ Альмоша, Бела II Слѣпецъ, но и этотъ, казалось, взялъ верховную власть въ руки для того, чтобы залить страну невинной кровью. Подозрѣвая всѣхъ въ соучастіи въ совершеніи надъ нимъ Коломаномъ гнуснаго поступка, этотъ король-Слѣпецъ сдѣлался необыкновенно жестокимъ, и въ одинъ изъ такихъ приступовъ подозрѣнія онъ приказалъ на сеймѣ въ Арадѣ (1132) убить шестьдесятъ восемь человѣкъ, настроенныхъ якобы враждебно ему. Онъ умеръ, пробывъ на престолѣ только десять лѣтъ и оставивъ послѣ себя трехъ сыновей, Гейзу, Владислава и Стефана. Гейза II наслѣдовалъ своему отцу, Белѣ II, тоже малолѣтнимъ; ему было едва только десять лѣтъ; но, получивъ воспитаніе у матери своей, бывшей сербской принцессы и нынѣ вдовствовавшей венгерской королевы Елены, которая отличалась необыкновеннымъ умомъ, онъ пріобрѣлъ высокія качества и возвысился надъ своими двумя предшественниками. Однимъ изъ выдающихся актовъ въ его царствованіи считается разрѣшеніе, данное имъ саксонцамъ, поселиться въ Трансильваніи и основать тамъ свою колонію. Этотъ политическій актъ короля Гейзы II имѣлъ въ исторіи Венгріи чрезвычайно благопріятныя послѣдствія; заселеніе Трансильваніи народомъ германскаго происхожденія могло только способствовать вну-

треннему расцвѣту страны. Саксонцы занялись земледѣліемъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ; они образовали также сразу въ этой, до того малокультурной и малозаселенной области, двадцать четыре города. Вообще надо сказать, что культурный, экономическій и политическій прогрессъ совершался въ Венгріи благодаря постояннымъ сношеніямъ и столкновеніямъ съ европейскими народами. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, крестовые походы сыграли здѣсь немаловажную роль; было замѣчено, что въ эпоху перваго и слѣдующихъ крестовыхъ походовъ, внутренняя жизнь венгерцевъ начинаетъ пульсировать гораздо сильнѣе. Учреждаются новыя ярмарки, устраиваются города, и на внутреннемъ рынкѣ появляются чужеземные товары.

Но мы сказали выше, что двѣнадцатое столѣтіе въ исторіи Венгріи занято больше всего внѣшней политикой. Еще Коломанъ велъ войну съ русскими, населявшими тогда Галицію, и въ 1127 г. одинъ изъ самыхъ главныхъ городовъ, Пржемыслъ, находился въ рукахъ венгерцевъ. Гейза II, вмѣстѣ съ великимъ княземъ кіевскимъ, ведетъ войну противъ суздальскихъ князей, а король Бела III овладѣваетъ Галиціей и ставитъ тамъ на тронѣ своего сына Андрея, изгнаннаго впослѣдствіи поляками. Но съ тѣхъ поръ Венгрія не перестаетъ предъявлять своихъ правъ на Галицію, а Андрей II (1204—1235) при коронованіи принимаетъ титулъ короля Галиціи и Лодомеріи. Тѣмъ временемъ венеціанцы, не могущіе примириться съ мыслью объ отнятіи у нихъ Кроаціи и Далмаціи, продолжаютъ свои военныя дѣйствія. Въ ихъ руки переходятъ вновь главные города адріатическаго побережья: Зара, Себенико и Спалато, а Бѣлградъ, въ которомъ короновался Коломанъ, подвергается полному разрушенію. Въ концѣ концовъ, венеціанцы оказались побѣжденными и вынуждены были съ Белой III заключить миръ (1181). Что касается сосѣдей съ Запада, то отношенія съ ними венгерцевъ были налажены, такъ какъ германцы и французы попрежнему нуждались въ Венгріи для переправки черезъ нее паломниковъ и крестоносцевъ ко гробу Господню. Такимъ образомъ, къ началу XIII столѣтія значеніе Венгріи какъ могущественной и хорошо организованной державы увеличивается, и она вызываетъ даже зависть у своихъ сосѣдей. Констатируя чрезвычайно быстрое

развитіе венгерскаго государства, его культурный и экономическій прогрессъ, совершившійся въ такое короткое время, какъ три протекшія столѣтія со дня коронованія Св. Стефана, учитывая тѣ явленія, которыми характеризуются процессъ внѣдренія христіанскаго начала въ древней, варварской цивилизаціи мадьяръ и переходъ послѣднихъ отъ язычества въ лоно европеизма, мы можемъ, вмѣстѣ съ германскимъ хроникеромъ XII столѣтія, Оттономъ Фрейзингенскимъ, сказать слѣдующее характерное изреченіе: „Можно проклинать судьбу или удивляться терпѣнію Всевышняго, Который далъ этимъ монстрамъ (такъ называлъ Оттонъ Фрейзингенскій въ то время венгерцевъ) такую великолѣпную страну“!

ГЛАВА II.

Золотая Булла Андрея II.—Нашествіе монголовъ на Венгрію.

Вступая въ тринадцатое столѣтіе, Венгрія настолько удаляется отъ той картины, которая представлялась намъ при основаніи мадьярскаго царства, она становится такъ похожей на остальныя европейскія государства, какъ со стороны внѣшней, такъ и своею внутреннею, подвергнувшеюся такимъ частнымъ реформамъ, жизнью, что перестаетъ уже считаться государствомъ варварскаго народа и пріобрѣтаетъ значеніе не меньшее, чѣмъ государства Гогенштауфеновъ и Габсбурговъ. „Новыя отношенія, идеи и учрежденія—говоритъ венгерскій историкъ Бела Грюнвальдъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Старая Венгрія"—развиваются и съ теченіемъ времени образовываютъ прочный правовой порядокъ. Европейскіе принципы, принимая у насъ индивидуальную форму, сохраняютъ, однако, признакъ общаго происхожденія". Это общее происхожденіе европейскихъ принциповъ сказалось въ двухъ факторахъ средневѣковой исторіи, во вліяніи папской власти на свѣтскую и въ развитіи феодализма, которые, какъ мы видѣли, играли главную роль въ Венгріи, со дня основанія тамъ государства на христіанскихъ началахъ. Въ первую четверть XIII вѣка Венгрія переживаетъ событіе чрезвычайной важности,—событіе, показывающее, что политическія воззрѣнія націи не застываютъ въ этой чуждой ей атмосферѣ и готовы вылиться въ самостоятельную, „индивидуальную" форму. Исторія выдвинула здѣсь на авансцену новаго короля-законодателя, новаго „великаго" преобразователя, „который имѣлъ честь, вопреки своей волѣ, связать свое имя съ выдающимся конституціоннымъ актомъ".

Послѣ смерти Белы III остались два сына: Эмерикъ, правящій венгерскимъ королевствомъ съ 1196 г. по 1205 г., и Андрей II, процарствовавшій тридцать лѣтъ (1205—1235). Оба они жили недружелюбно, и Андрей II еще при жизни своего старшаго брата, который по праву считался прямымъ наслѣдникомъ своего отца Белы III, оспаривалъ у него корону. Странѣ грозила ужасная гражданская война, такъ какъ у обоихъ принцевъ были приверженцы, но, очевидно, сама судьба пощадила ее отъ такихъ тяжелыхъ испытаній. Прошло всего нѣсколько лѣтъ, и Эмерикъ сошелъ въ могилу, разрѣшивъ своею смертью самый ненормальный, самый печальный вопросъ въ исторіи всѣхъ странъ: наслѣдственное право на корону. Венгрія, со дня основанія династіи Арпадовъ, считалась страной, отличительныя качества которой состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, что король не просто наслѣдовалъ своему предшественнику, на основаніи династическихъ правъ, а и з б и р а л с я на престолъ самой націей. Этотъ обычай, сдѣлавшись впослѣдствіи базисомъ венгерской конституціи и послужившій столько разъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ орудій борьбы для націи противъ незаконныхъ дѣйствій королевской власти, это историческое право, выдвинутое мадьярами въ одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ, въ революція 1848 г., какъ ultima ratio ихъ политическаго существованія, было теперь забыто и уступило силѣ оружія. Андрей II и другіе его предшественники не считались съ волею всего народа, они шли по стопамъ „дерзкаго новатора“ и, узурпируя свою власть, приказывали ему относиться къ совершавшемуся факту какъ къ непреложному историческому явленію.

Спокойствіе страны, однакоже, зависѣло въ этотъ разъ не столько отъ прекращенія междоусобицъ, какъ слѣдовало ожидать, сколько отъ тѣхъ причинъ, которыя сдѣлались въ Венгріи постоянными, превратились, такъ сказать, въ хроническую болѣзнь. Присутствіе при королевскомъ дворѣ иностранцевъ (составляющихъ какъ бы особую свиту королевы, по обыкновенію принадлежащей къ какой-нибудь извѣстной европейской династіи и пріобрѣтавшей въ большинствѣ случаевъ огромное вліяніе на своихъ вѣнценосныхъ супруговъ), иностранцевъ, которые то и дѣлали, что заботились о

водворенiи своихъ порядковъ въ чужой странѣ, являлось почти всегда той каплей, которая переполняла чашу народнаго терпѣнія. Андрей II женился на дочери герцога меранскаго (Тироль), Гертрудѣ, и эта женщина съ первыхъ дней пребыванія на венгерскомъ престолѣ ухитрилась возстановить противъ себя и противъ своего супруга весь народъ. Первымъ ея актомъ, вызвавшимъ всеобщее негодованіе, было назначеніе ея брата Бертольда епископомъ въ Калочѣ; онъ пользовался такой плохой репутаціей, что даже папа Иннокентій III не рѣшался утвердить его въ этой должности. Но этого было мало, Бертольдъ вмѣстѣ съ сестрой своей и придворной кликой добивался занять въ странѣ второе мѣсто послѣ короля. Онъ хотѣлъ сдѣлаться баномъ Славоніи и правителемъ (воеводой) Трансильваніи и уже запустилъ руку въ государственную казну, требуя десятую часть денежныхъ доходовъ. Негодованіе противъ королевы росло съ каждымъ часомъ, такъ какъ ее обвиняли не только въ содѣйствіи своему брату, но и въ расхищеніи національныхъ богатствъ и въ чрезмѣрной роскоши. Андрей II отсутствовалъ; онъ былъ въ Галиціи, гдѣ былъ занятъ войной, и это обстоятельство благопріятствовало тому, чтобы противъ королевы и ея брата былъ составленъ заговоръ. Душой этого національнаго движенія, направленнаго противъ чужеземной хищнической опеки, былъ палатинъ королевства, Банкъ. Королева была убита, а дѣти ея и Бертольдъ едва спаслись бѣгствомъ, и по возвращеніи своемъ въ Венгрію Андрей II засталъ картину полной анархіи, не говоря уже о постигшемъ его лично несчастіи.

Успокоивъ страну, Андрей II женился вторично на принцессѣ Іоландѣ де-Куртенэ, близкой родственницѣ латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ, и принялся за осуществленіе оставленнаго ему его отцомъ, Белой III, завѣщанія: предпринять самостоятельно крестовый походъ въ святую землю. Мѣстомъ отправки былъ назначенъ городъ на Адріатическомъ морѣ, Спалато, но такъ какъ необходимо было снарядить флотъ, то Андрей II обратился къ венеціанцамъ, которые доставили ему необходимые корабли. За эту услугу венеціанцы добились у Андрея II ни болѣе, ни менѣе какъ права владѣть однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и торговыхъ

городовъ адріатическаго побережья, Зарой, на вѣчныя времена и права безпошлиннаго ввоза въ Венгрію всѣхъ ихъ товаровъ. Но подготовляемый Андреемъ II крестовый походъ требовалъ еще бо́льшихъ жертвъ; нужны были крупныя деньги, и король прибѣгъ къ обременяющимъ страну займамъ и къ увеличенію налоговыхъ обязанностей съ народа. Кадры крестоносцевъ пополнялись почти исключительно иностранцами, такъ какъ сами венгерцы не сочувствовали этому предпріятію. Флотъ Андрея II отплылъ изъ Спалато въ 1217 году, но, достигнувъ острова Кипра, онъ вынужденъ былъ отправиться назадъ, такъ какъ дорога въ Палестину была неблагопріятна и, вслѣдствіе частыхъ тумановъ, опасна.

Тѣмъ временемъ, страна, оставленная безъ правителя и брошенная на произволъ судьбы, распарывалась по всѣмъ швамъ своей общественно-политической организаціи. Тѣ, кто ссужалъ короля деньгами, старались захватить въ свои руки лучшіе источники государственныхъ доходовъ, военная сила страны ослабла, между сословіями и общественными классами начались крупный антагонизмъ и общее паденіе; правительственный крахъ былъ неминуемъ. Здѣсь сказались всѣ отрицательныя стороны учрежденій Св. Стефана, и главные элементы феодализма пріобрѣли необыкновенную жизнеспособность. Изъ огромнаго количества дворянъ и людей, пользующихся особыми привилегіями въ странѣ, выдѣлилась небольшая кучка высшей аристократіи, знать изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользующаяся громкимъ именемъ jobbagyones regni, и стала водворять „порядокъ", облеклась правительственною властью. Прежде всего, олигархія высшаго дворянства позаботилась о своемъ обогащеніи за счетъ народныхъ средствъ, и уже въ 1219 году Андрей II жалуется папѣ Гонорію III на необыкновенное уменьшеніе королевскихъ доходовъ. Но печально сложившіяся обстоятельства, вызванныя постояннымъ расхищеніемъ страны, то придворными фаворитами, то алчными кредиторами правительства, сдѣлали его жертвой этой олигархіи, игрушкой въ рукахъ помѣстнаго дворянства. Все королевство Св. Стефана представляло собой уже конгломератъ множества отдѣльныхъ вотчинъ, въ которыхъ магнаты, эти венгерскіе феодальные бароны и сеньеры, являлись полновласт-

ными маленькими правителями, власти коихъ подчинялись всѣ остальные слои мѣстнаго населенія. Нужна была счастливая рука сѣятеля, здоровое зерно и плодородная почва, чтобы въ одно благопріятное время разомъ пышно расцвѣли тѣ учрежденія, которыя такъ настойчиво насаждались Св. Стефаномъ въ своемъ королевствѣ, и которыя съ такою любовью взращивались его преемниками. Если мы присоединимъ ко всему этому роль духовенства, занявшаго всѣ выгодныя свѣтскія должности и административныя управленія и безцеремонно овладѣвавшаго всѣми пустующими земельными участками, если мы напомнимъ, что національный совѣтъ или сеймъ прекратилъ свое существованіе, и воцарилось полное безправіе, насиліе надъ личностью и опека надъ имуществомъ—то получится яркая картина торжествующей олигархіи, родившейся въ нѣдрахъ излюбленной средневѣковыми монархами Венгріи феодальной системы.

Въ душѣ народа росло сильное негодованіе. Всѣ слои общества, начиная съ низшихъ дворянъ, которые по выраженію одного національнаго историка, являлись „ядромъ націи“ и, кончая простымъ ремесленникомъ, крестьяниномъ или рабомъ, были возмущены королемъ за попустительство, допущенное имъ въ своемъ государствѣ. Создалась даже крупная политическая партія, такъ называемая „партія реформъ“, во главѣ которой стоялъ старшій сынъ Андрея II, принцъ Бела, возмущенный диктатурой аристократической олигархіи и искренно желавшій спасти свою страну отъ окончательной гибели и внутренняго разложенія. Народное негодованіе имѣло теперь болѣе серьезныя и глубокія основанія, чѣмъ ненависть къ чужеземцамъ и европейскимъ порядкамъ; оно исходило изъ того историческаго момента, когда рукой законодателя были начерчены главные признаки общественнаго различія. Низшіе классы не могли уже болѣе согласиться съ установленными феодальными порядками, съ королевскимъ поощреніемъ развитію крупной земельной собственности, столь гибельно отразившемуся на экономическомъ положеніи народа. Они негодовали еще и потому, что вся невыносимая тяжесть государственныхъ налоговъ легла исключительно на ихъ плечи. Когда же Андрей II вмѣшался въ эту борьбу общественныхъ классовъ, стараясь замѣнить бѣзчинства, учиненныя олигар-

хіей, какой-нибудь крупной реформой, то возставшій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и низшее дворянство требовали немедленнаго уничтоженія аристократическихъ привилегій, возстановленія древнихъ національныхъ правъ и неотложнаго созыва королевскаго сейма. Въ 1222 году Андрей II, подъ вліяніемъ такого, небывалаго еще въ исторіи Венгріи, общественнаго движенія, созываетъ сеймъ, на которомъ была обнародована венгерская „Великая Хартія вольностей", Золотая Булла (Bulla Aurea). Она начинается слѣдующимъ характернымъ вступленіемъ:

„Такъ какъ свобода знатныхъ лицъ, а также и другихъ въ нашемъ королевствѣ, установленная королемъ Стефаномъ, въ значительной степени была уничтожена могуществомъ нѣкоторыхъ королей, дѣйствовавшихъ или изъ личныхъ враждебныхъ чувствъ, или подъ вліяніемъ вѣроломныхъ совѣтовъ негодныхъ и искавшихъ только своей выгоды людей, то знать много разъ обращалась сама къ нашей свѣтлости и къ ихъ свѣтлости королямъ, намъ предшествовавшимъ, съ просьбами и многочисленными челобитными по поводу реформы нашего королевства. Посему, желая въ мѣру нашихъ обязанностей удовлетворить ихъ требованіе, особенно во вниманіе тѣхъ большихъ огорченій, которыя возникали по этому случаю между нами и вами, а этого надлежитъ избѣгать для болѣе полнаго сохраненія королевскаго достоинства, ибо послѣднее лучше всего можетъ сохраняться при ихъ же помощи,—посему мы даруемъ, какъ имъ, такъ и другимъ свободнымъ людямъ нашего королевства, свободу, пожалованную святымъ королемъ, и предписываемъ, кромѣ того, касательно переустройства нашего королевства слѣдующія другія спасительныя мѣры".

Эти „спасительныя мѣры" заключались въ тридцать и одной статьѣ, содержаніе которыхъ было таково: королевскій сеймъ долженъ обязательно созываться ежегодно, „по крайней мѣрѣ, если не воспрепятствуетъ какое-нибудь очень важное дѣло или болѣзнь", и „всѣ знатныя лица, кто только хочетъ, могутъ свободно туда собраться". Затѣмъ, никакой дворянинъ, ни крупный, ни мелкій, не можетъ быть заключенъ въ тюрьму. „Мы хотимъ также, чтобы ни мы, ни наши преемники не могли бы въ угоду какому-нибудь

магнату схватить и предать наказанію кого-нибудь изъ знатныхъ лицъ, если они не были привлечены къ отвѣтственности и изобличены въ обычномъ судебномъ порядкѣ“ (Ст. II). Знать и духовенство освобождаются отъ взносовъ податей, ихъ жилища считаются неприкосновенными, и королевская власть можетъ появиться въ ихъ домахъ и помѣстьяхъ только съ ихъ приглашенія (Ст. III). Запрещается высшимъ князьямъ (comites parochiani) вмѣшиваться въ имущественныя отношенія дворянства; князьямъ дается право творить судъ и расправу въ своемъ замкѣ надъ лицами, имъ подчиненными (Ст. V). Судитъ всѣхъ свободныхъ людей королевскій намѣстникъ (палатинъ), но, „когда требуется казнь знатныхъ лицъ или конфискація ихъ имуществъ, дѣло можетъ рѣшаться только по соглашенію съ королемъ“ (Ст. VIII). Сыновья магнатовъ наслѣдуютъ „высокое мѣсто“ своихъ отцовъ, сыновья же просто дворянъ получаютъ знатное достоинство „по усмотрѣнію короля“ (Ст. X). Безъ согласія королевскихъ совѣтовъ иностранцы не могутъ быть назначаемы на отвѣтственные посты (Ст. XI). Церковныя десятины должны отнынѣ сбираться не деньгами, а натурой (Ст. XX). „Никакія земельныя владѣнія не могутъ быть отдаваемы иностранцамъ“ (Ст. XXVI). „Князья пользуются только доходомъ, связаннымъ съ должностью, ими занимаемою; король получаетъ всѣ остальные сборы, которые принадлежатъ ему...“ (Ст. XXIX). И, наконецъ, тридцать первая статья: „такъ знатные будутъ пользоваться своими вольностями и оставаться вѣрными намъ и нашимъ преемникамъ, не отказывая въ законномъ повиновеніи королевской коронѣ. Если же мы, или кто-нибудь изъ нашихъ преемниковъ, захотимъ когда-нибудь нарушить эти установленія, то епископы и другіе, бароны и всѣ знатные нашего королевства, настоящіе и будущіе, всѣ вмѣстѣ или отдѣльно другъ отъ друга, именно въ силу этихъ установленій и не нарушая клятвы вѣрности, имѣютъ полное право стать противъ насъ и сопротивляться намъ и нашимъ преемникамъ“.

Этой буллой, какъ мы видимъ, былъ нанесенъ окончательный ударъ аристократической олигархіи, и отнынѣ низшіе дворяне получаютъ равное съ магнатами право на участіе въ государственныхъ

дѣлахъ. Установленіемъ періодичности королевскаго сейма или парламента устраняется всякая возможность безконтрольнаго господства „негодныхъ и искавшихъ только своей выгоды людей". А послѣдняя статья, дающая право націи возстать противъ незаконныхъ дѣйствій короля, кладетъ разъ на всегда конецъ монаршей тираніи и самовластію. Въ общихъ же чертахъ своихъ Золотая Булла „не уничтожила существовавшій въ Венгріи феодальный режимъ и даже не затормозила его развитія". Помимо тѣхъ вольностей, которыя предоставляются этой хартіей венгерской знати и свободнымъ людямъ, къ которымъ относятся жители вольныхъ городовъ и даже иностранцы, остальные классы населенія, какъ крестьяне, ремесленники, остаются совершенно незамѣченными законодателемъ, и жизнь ихъ не подвергается никакому измѣненію, ни въ правовомъ, ни въ экономическомъ смыслѣ. Кажется, что объединенное Золотой Буллой венгерское дворянское сословіе (хотя образовавшаяся въ эту эпоху аристократической олигархіи дифференціація знати на магнатовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и низшихъ дворянъ, мелкопомѣстныхъ, а то и вовсе безземельныхъ, является „индивидуальной" особенностью венгерской исторіи вплоть до настоящихъ дней) пріобрѣтаетъ всѣ гарантіи необходимой ему политической свободы для того, чтобы въ послѣдующіе періоды сдѣлаться могущественнымъ классомъ въ странѣ и, благодаря этому, съ успѣхомъ закрѣпощать трудовые слои населенія.

На Золотую Буллу многіе смотрятъ какъ на хартію, открывающую новую эру въ исторіи Венгріи, но мы уже видѣли, что по существу своему, по своему внутреннему содержанію она не представляетъ глубокаго интереса; ея историческое значеніе состоитъ въ томъ, что она устанавливаетъ договоръ между націей и королевской властью и даетъ первой извѣстныя гарантіи на случай, если послѣдняя выступитъ изъ границъ, опредѣленныхъ законами страны. Въ этомъ отношеніи выражается ея тождество и даже близкое родство съ Великой Хартіей вольностей, изданной въ Англіи въ 1215 г., т.-е. предшествующей Золотой Буллѣ на семь лѣтъ. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности произвести здѣсь детальную оцѣнку этихъ двухъ выдающихся документовъ тринад-

цатаго столѣтія, имѣющихъ между собой столько общихъ чертъ, но несомнѣнно, что общественное движеніе въ Англіи, принудившее короля Іоанна Безземельнаго сдѣлаться на Руннимидскомъ полѣ плѣнникомъ націи, не было чуждо венгерцамъ и открыло имъ новый планъ борьбы. Въ развитіи конституціоннаго права Венгріи Золотая Булла является „первоисточникомъ національной свободы", она служитъ первымъ камнемъ въ фундаментѣ, на которомъ построилось современное зданіе политической и правовой жизни мадьяръ. Можно поэтому, отрицая все плодотворное значеніе Bullae Aureae, которое она имѣла бы въ томъ случаѣ, если бы содержала въ себѣ еще и новыя условія соціальной и политической жизни для всѣхъ классовъ націи, а не для отдѣльнаго сословія дворянъ и свободныхъ людей, признать ее все-таки выдающимся актомъ своей эпохи.

Возникшее въ царствованіе Андрея II общественное движеніе разлилось во всѣ стороны и охватило даже саксонцевъ, поселившихся въ Трансильваніи, гдѣ жили также въ огромномъ количествѣ румыны, не говоря уже о секлерахъ, причисляющихъ себя къ настоящимъ мадьярамъ. Если произволъ, царившій въ центральной Венгріи въ отсутствіе монарха, вызвалъ національную оппозицію, заставившую Андрея II дать Золотую Буллу, т.-е. формулировать болѣе или менѣе точно права націи и предѣлы правительственной власти, то тѣ же самыя причины диктатуры аристократической олигархіи на окраинѣ породили движеніе въ пользу широкаго мѣстнаго политическаго самоуправленія. Для спокойствія страны и для будущей цѣлости, интегральности государства короны Св. Стефана Андрей II далъ въ 1224 году особую хартію Трансильваніи, въ которой и положены начала мѣстной конституціи. Прежде всего, Трансильванія, заселявшаяся раньше иностранными колонистами въ трехъ частяхъ, каждая изъ которыхъ была въ административномъ отношеніи самостоятельна, была нынѣ объединена, собрана въ одно компактное цѣлое политическое тѣло. Согласно Хартіи 1224 года, саксонцы объявлялись независимыми, но только королевская власть должна быть здѣсь обязательно представлена намѣстникомъ. Они сами выбираютъ свое духовенство и своихъ судей. Взамѣнъ этого они должны были платить королю поземельный налогъ и доставлять

извѣстный контингентъ солдатъ. Въ общій королевскій сеймъ саксонцы должны были посылать своихъ представителей въ опредѣленномъ количествѣ.

Все это произошло, какъ мы видѣли, подъ сильнымъ давленіемъ общественнаго движенія. Молодой принцъ и будущій вѣнценосный правитель Венгріи, Бела, задался цѣлью не только уничтожить всякое воспоминаніе объ олигархіи, но и вернуть странѣ тѣ земельныя владѣнія, которыя были расхищены въ „горячую минуту“ магнатами и высшимъ духовенствомъ. Благодаря своему положенію, онъ могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Это страшно не нравилось тогдашнимъ „власть имущимъ“, помѣстной знати, и Бела, вдохновитель своего отца и энергичный руководитель „партіи реформъ“, пересталъ быть популярнымъ въ той степени, въ какой былъ до своего активнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла королевства. Андрей II, хотя и подписалъ „великій“ актъ своей эпохи, тѣмъ не менѣе, не былъ убѣжденнымъ сторонникомъ крутыхъ мѣръ противъ высшаго сословія и поддавался вліянію своихъ придворныхъ совѣтниковъ, въ родѣ палатина Дени (Denys) и казначея Николая. Эти послѣдніе старались воскресить нѣкоторые порядки, существовавшіе до изданія Золотой Буллы, и подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо доставить государству его прежніе доходы, стали вводить все новые и новые налоги. Сбираніе государственныхъ налоговъ они поручили откупщикамъ, евреямъ и мусульманамъ, которые, не разбирая экономическаго положенія различныхъ общественныхъ классовъ, подвергали всю націю однимъ и тѣмъ же обязательствамъ. Понятное дѣло, что низшіе слои, безземельные, совершенно несправедливо причислялись къ крупной и мелкопомѣстной знати, и если послѣдняя была недовольна системой поголовнаго обложенія, такъ какъ она на правахъ своихъ старыхъ привилегій стремилась всегда къ выдѣленію себя изъ общей массы налоговыхъ плательщиковъ, то первые съ еще большимъ правомъ могли возмущаться новой, возложенной на нихъ обузой. Уже это одно было достаточной причиной, чтобы негодующая масса рѣшилась убивать сборщиковъ податей, этихъ настоящихъ вампировъ, не отличающихъ богатыхъ отъ бѣдныхъ. Къ этому присоединился еще

протестъ аристократическаго сословія противъ притѣсненій и черезчуръ свободной расправы съ нимъ за старые грѣхи принца Белы. И то и другое, вызванныя противоположными причинами и имѣющія различныя тенденціи, слились въ одинъ потокъ національнаго движенія, приведшій всю страну въ прежнее смутное положеніе. Обѣ стороны обвиняли Андрея II въ слабости, въ выборѣ плохихъ совѣтниковъ и требовали введенія новыхъ порядковъ. Это было въ 1231 году, и Андрей II вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ изданной уже Золотой Буллѣ. Главное изъ нихъ заключается, по мнѣнію современныхъ историковъ венгерскаго конституціоннаго права, въ введеніи принципа отвѣтственности королевскаго ставленника или, позднѣе, министра. „Если намѣстникъ нашъ—говорится въ новой дополнительной хартіи—управляетъ дурно страной, то сословія сами имѣютъ право выбрать другого, болѣе достойнаго“. Затѣмъ въ королевскій сеймъ приглашаются отнынѣ депутаты и отъ духовенства; тѣ же, кто лишился въ 1222 г. своихъ владѣній не на законномъ основаніи, могутъ теперь требовать возстановленія своихъ правъ. Наконецъ, этой хартіей запрещается евреямъ или мусульманамъ (сарацинамъ) исполнять какія бы то ни было публичныя обязанности.

Въ 1235 году Андрей II умеръ. Его преемникъ Бела IV былъ уже извѣстенъ странѣ какъ энергичный и строгій принцъ, не щадившій ни бѣднаго, ни знатнаго сеньера въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ шелъ о высшихъ интересахъ государства. Для него цѣль государства состояла не въ раздачѣ національныхъ богатствъ въ видѣ награды за „особыя услуги“ аристократическому сословію, а въ упроченіи его могущества, какъ въ смыслѣ расширенія границъ земельныхъ владѣній, такъ и въ обладаніи большой военной силой. Окруженный внутренними врагами, ибо венгерская аристократія презирала этого надменнаго короля, Бела IV не имѣлъ спокойнаго царствованія ни въ началѣ, ни послѣ, во время монгольскаго нашествія. Онъ былъ окруженъ также врагами внѣшними и въ 1236 году вступилъ въ войну съ Фридрихомъ II Сварливымъ, который предъявилъ свои сюзеренныя права къ Венгріи. Къ счастью, война эта окончилась полной побѣдой короля Белы IV, но черезъ пять лѣтъ на его долю выпала

историческая роль явиться спасителемъ всей Европы отъ грозившаго ей нашествія монголовъ. Венгрія въ царствованіе Белы IV сдѣлалась оплотомъ цивилизованнаго міра противъ восточныхъ варваровъ, такъ какъ она геройски отразила страшнаго врага, разорившаго такое великое царство, какъ государство россійское.

Монголы пришли въ Венгрію послѣ покоренія Руси, Галиціи и Польши; громадными полчищами они спускались во главѣ съ храбрымъ ханомъ Батыемъ по Карпатскимъ горамъ и раскинули свои первые шатры въ долинахъ Тиссы. О существованіи этихъ грозныхъ варваровъ Бела IV зналъ раньше нашествія на Венгрію, такъ какъ ему пришлось столкнуться съ монголами при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ виду того, что венгры когда-то жили въ области рѣки Волги, Бела IV послалъ туда спеціальныхъ людей для изученія быта мѣстныхъ народностей съ цѣлью выяснить, насколько между этими народностями и мадьярами существуетъ племенная близость. Какъ мы видимъ, задача весьма почтенная, указывающая на высокія качества новаго венгерскаго монарха. Эта, своего рода научная экспедиція встрѣтилась здѣсь съ монгольской ордой, уже свободно распоряжавшейся судьбами великой Руси. Черезъ Юліана, находившагося въ этой экспедиціи венгерскаго монаха, Батый, внукъ грознаго Чингисъ-Хана, послалъ королю Белѣ IV собственноручное письмо, въ которомъ онъ поставилъ ему слѣдующій ультиматумъ. „Я—Батый,—говорилось въ этомъ посланіи—намѣстникъ небеснаго царя, который далъ мнѣ власть возвысить тѣхъ, кто мнѣ покорится, и убивать тѣхъ, кто окажетъ мнѣ сопротивленіе. Я удивляюсь, что ты, такой ничтожный король Венгріи, не отвѣтилъ ни на одно изъ тридцати моихъ посланій. Я узналъ, что ты принялъ кумановъ, моихъ рабовъ; я приказываю тебѣ не держать ихъ болѣе въ твоемъ королевствѣ. Со своими шатрами они еще могутъ спастись бѣгствомъ, но ты, у котораго имѣются дома, дворцы и города, какимъ образомъ ты сможешь скрыться бѣгствомъ отъ меня“? Бела IV дѣйствительно далъ въ своей странѣ убѣжище спасавшимся отъ монголовъ куманамъ и, не желая истощать Венгрію частыми войнами, онъ предложилъ куманамъ заселить свободныя мѣста, вмѣсто того, чтобы призвать мадьяръ къ оружію и приняться за безплодное избіеніе чужеземцевъ.

Вызовъ, брошенный Батыемъ, былъ принятъ венгерскимъ королемъ, но, къ несчастію, государство венгерское въ это время не стояло на высотѣ своего былого могущества. Недавно пережитая имъ пертурбація, вызванная кратковременнымъ, но вреднымъ существованіемъ олигархіи, и затѣмъ война съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ II истощили окончательно всѣ наличныя силы правительства и, чтобы пойти навстрѣчу такому чудовищному врагу, какъ покоритель всей восточной части Западной Европы, нужно было обладать, по крайней мѣрѣ, равнымъ количествомъ войска. Въ этомъ какъ-разъ и ощущался большой недостатокъ у венгерскаго короля Белы IV, и мы увидимъ, какъ впослѣдствіи, когда дѣйствительно монгольская орда стала овладѣвать Венгріей и наступать на центральную Европу, на помощь мадьярамъ вынуждены были придти европейскія войска и даже самъ Фридрихъ II, стоявшій дотолѣ въ враждебномъ отношеніи къ Белѣ IV, ибо паденіе Венгріи означало тогда паденіе всей Европы. Батый сталъ приближаться къ венгерскому королевству со своими огромными полчищами (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, монголы двигались на Венгрію въ количествѣ 500000 человѣкъ) съ конца 1240 года со стороны Трансильваніи. Монголы были хорошо вооружены, такъ какъ при нашествіи на Китай они захватили тамъ въ огромномъ количествѣ оружіе, и, кромѣ того, они имѣли всегда съ собой нѣсколько, колоссальной величины, машинъ для осады городовъ или крѣпостей. Эти язычники, предки пріобщившихся къ христіанскому міру венгровъ, съ особенною яростью стремились уничтожить ихъ и стереть съ лица земли королевство Св. Стефана; они видѣли въ этомъ какую-то историческую миссію, ибо ничто не возмущало ихъ такъ сильно, какъ отреченіе отъ своего прошлаго, отъ своихъ языческихъ боговъ. Венгерцы по отношенію къ монголамъ занимали нынѣ такое же положеніе, какъ европейцы по отношенію къ нимъ въ эпоху ихъ языческой жизни. Венгрія должна была готовиться къ оборонительной борьбѣ, должна была защищать христіанскую цивилизацію отъ эксцессовъ звѣроподобныхъ язычниковъ, она должна была оберегать тѣ государственныя учрежденія Св. Стефана и его преемниковъ, которыя стоили уже столько народной крови и которыя только теперь оформились и вступили въ законную силу.

Монголы вторгнулись въ предѣлы Венгріи скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, и первой ихъ добычей было завоеваніе крупнаго венгерскаго города Ваца (Waizen), откуда они грозили Пешту. Тогда именно Бела IV обратился за помощью къ Фридриху II; но смятеніе въ венгерскомъ населеніи было ужасное, а главнымъ образомъ потому, что куманы, которымъ Бела IV такъ гостепріимно открылъ доступъ въ свое государство и спасъ ихъ этимъ отъ трагической участи, перешли на сторону монголовъ и содѣйствовали имъ тутъ, внутри уже венгерскаго государства въ избіеніи не подчинившихся мадьяръ и въ занятіи выгодныхъ позицій. Встрѣча венгровъ съ монголами произошла у береговъ одного изъ притоковъ Тиссы (Сайо); въ этой битвѣ, которая превосходила по своимъ размѣрамъ и по своей жестокости всѣ бывшія до сихъ поръ сраженія, погибло до ста тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, и почти вся верхняя Венгрія находилась уже въ рукахъ Батыя. Палъ цѣлый рядъ городовъ, самыхъ большихъ и цвѣтущихъ, какъ Пештъ, Варадъ, Чанадъ и другіе; монголы шли все дальше и вглубь и остановились у границъ Кроаціи, гдѣ произошло новое большое сраженіе. Бела IV вынужденъ былъ обратиться въ бѣгство, но, довѣрившись Фридриху II, онъ видѣлъ, что рискуетъ потерять послѣднюю пядь родной земли, такъ какъ Фридрихъ II, несмотря на такое смутное и опасное для всего цивилизованнаго міра время, помышлялъ о томъ, чтобы завладѣть со стороны Австріи близлежащими венгерскими областями и оттуда уже какъ-нибудь, соединенными силами, изгнать монголовъ и остаться властелиномъ новаго королевства. Борясь за цѣлость своего отечества, Бела IV поспѣшилъ избавиться отъ такого союзника и нашелъ себѣ убѣжище въ Кроаціи, въ той самой Кроаціи, у границъ которой стояла монгольская орда. Въ такое время, когда на чашку вѣсовъ брошены судьба Венгріи и всесокрушающій мечъ язычниковъ, трудно сказать, въ какую сторону будетъ нарушено равновѣсіе, и король Бела IV сознавалъ вполнѣ безвыходность своего положенія; поэтому онъ попрежнему дѣлаетъ попытки обратиться къ Европѣ и найти тамъ необходимую поддержку. Въ этотъ разъ всколыхнулись всѣ христіанскіе народы; папа проповѣдывалъ крестовый походъ, а на призывъ чешскаго

короля Вацлава: „къ оружію!“ отозвалось множество монарховъ и принцевъ. Въ это время наступила зима, Дунай покрылся льдомъ, и Батый со своимъ войскомъ и со всей своей „легкой“ и „тяжелой“ артиллеріей переправился черезъ рѣку, чтобы пойти дальше, къ берегамъ Адріатическаго моря. По мѣрѣ того, какъ гроза эта проносилась по новымъ городамъ и областямъ венгерскаго государства, опустошая и уничтожая все положительно, Бела IV продолжалъ свое бѣгство, сначала въ Далмацію изъ Кроаціи, затѣмъ заперся въ городѣ Спалато, а когда и этотъ оказался ненадежнымъ въ смыслѣ безопасности, то онъ скрылся въ Трогирѣ. Монголы слѣдовали за Белой IV по пятамъ его, задавшись цѣлью непремѣнно доставить своему хану голову этого ловкаго и не поддающагося покоренію венгерскаго короля. Здѣсь на помощь венгерцамъ пришли славяне и итальянскіе поселенцы, которые съ такой энергіей тѣснили варваровъ, что тѣ принуждены были отступить къ Дубровнику и считать своихъ жертвъ, павшихъ подъ ударами соединенныхъ европейскихъ войскъ. Къ счастью, въ это время Батый, боясь ли ослабѣть, въ виду огромныхъ потерь, которыя онъ понесъ въ Венгріи, и которыя ему еще предстояли, если бы онъ, въ концѣ концовъ, покорилъ ее, или по другимъ причинамъ, но тѣсно связаннымъ съ предпринятой войной, внезапно оставилъ Венгрію и отправился назадъ, въ Азію. Этимъ и закончилась страшная, стоившая огромныхъ жертвъ война венгерцевъ съ монголами, и съ европейскихъ государствъ спала пелена бѣдствія и сокрушенія.

Тотчасъ, какъ послѣдній монголъ переступилъ границы Венгріи, энергичный и дѣятельный Бела IV принялся за возстановленіе своего разрушеннаго королевства. Онъ приказалъ всѣмъ жителямъ вновь отстроить дома, призвалъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, германцевъ, для заселенія опустошенныхъ мѣстностей и ввелъ мѣдныя монеты въ обращеніе, вмѣсто прежнихъ серебряныхъ и золотыхъ, для поднятія земледѣлія и торговли. Куманы же были прощены и опять получили отъ Белы IV право селиться въ Венгріи, но теперь имъ уже были отведены спеціальныя области на востокъ отъ Дуная, извѣстныя и понынѣ подъ именемъ Великой и Малой Куманіи. Города укрѣплялись и обносились высокими стѣнами; работа закипѣла, и изъ го-

рячаго еще пепла отъ погибшихъ въ пожарищахъ лучшихъ областей возрождался новый исполинъ, новое венгерское государство.

Война съ монголами явилась для Венгріи пробнымъ камнемъ, она еще разъ убѣдила Европу въ томъ, что государство „хорошо дисциплинированныхъ варваровъ“ является самымъ сильнымъ оплотомъ для христіанскаго міра. Мы уже видѣли, что Фридрихъ II не переставалъ думать о завоеваніи этой страны, и, воспользовавшись нашествіемъ на Венгрію монголовъ, онъ захватилъ въ свои руки три венгерскихъ комитата. Бела IV, избавившись отъ одного врага, пошелъ противъ другого, противъ австрійскаго короля, чтобы отвоевать у него похищенныя во время общаго смятенія области и отдѣлаться отъ назойливыхъ притязаній Фридриха II. Встрѣча произошла у рѣки Лейты, протекающей между Вѣной и Пресбургомъ; въ этомъ сраженіи Фридрихъ II погибъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибъ послѣдній отпрыскъ Бабенбергскаго дома. Онъ пользовался настолько плохой репутаціей, что даже его подданные, австрійцы, говорили о немъ послѣ его смерти: „Это былъ жестокій человѣкъ, безчеловѣчный въ своихъ рѣшеніяхъ, героическій въ своихъ войнахъ, жадный и хищный. Онъ внушалъ ужасъ своимъ друзьямъ и сосѣдямъ; никто не любилъ его, всѣ его боялись“.

Но событіе 15 іюня 1246 года у рѣки Лейты вызвало серьезныя осложненія въ той части европейскаго материка, которая была занята государствами Австріи, Штиріи, Чехіи и Венгріи. Послѣ смерти Фридриха II австрійскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, и между Чехіей и Венгріей затѣялся споръ относительно того, кому должны принадлежать права въ этой странѣ. Одинъ изъ самыхъ тщеславныхъ великихъ монарховъ, какихъ когда-либо имѣла Чехія, Оттокаръ II, предъявлялъ на Австрію, такъ сказать, законныя права, такъ какъ онъ былъ женатъ на Маргаритѣ Австрійской, и Бела IV вынужденъ былъ уступить ему это право. Самъ же онъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ Штиріи, которая при Бабенбергахъ была подчинена Австріи, началось движеніе въ пользу независимости, овладѣлъ ею и посадилъ тамъ на тронѣ своего сына Стефана. Однако, это еще не обѣщало мира, и Оттокаръ, который хотѣлъ владѣть Австріей со всѣми прилегающими къ ней землями, открылъ войну

противъ венгерцевъ въ 1260 году. Въ этой борьбѣ Венгрія не имѣла успѣха, она была оттѣснена вплоть до Пресбурга, но умный Оттокаръ самъ прекратилъ эту войну, сказавъ: „я не хочу, ослабивъ великое венгерское королевство, открыть снова монголамъ свободный доступъ въ оба государства“. Онъ заключилъ съ Белой IV миръ: Штирія отошла опять къ Австріи, а Оттокаръ, разведшись со своей женой, Маргаритой Австрійской, женился на одной изъ дочерей Белы, чѣмъ и скрѣпилъ окончательно свои миролюбивыя отношенія къ старинному дому Арпадовъ. Король Бела IV, проведшій свое царствованіе въ перекрестномъ непріятельскомъ огнѣ, ослабѣлъ; его физическая и духовная комплекція, приспособленная, какъ казалось, къ постояннымъ „Sturm und Drang“, сломилась, и уже достаточно было ему одного огорченія, смерти любимаго младшаго сына, чтобы сойти въ могилу своихъ доблестныхъ предковъ.

Его сынъ Стефанъ V пробылъ на тронѣ недолго, только два года (1270—1272), и установившіяся мирныя отношенія къ Оттокару II были нарушены новой войной все изъ-за той же Штиріи, но безуспѣшной, такъ какъ чешскій король владѣлъ огромной военной силой и могъ легко справиться съ любымъ европейскимъ врагомъ. Положеніе вещей рѣзко измѣнилось, когда послѣ смерти Стефана V королемъ Венгріи сдѣлался его старшій сынъ Владиславъ IV, по прозванію „Куманъ“. Этотъ послѣдній вовсе не думалъ возстановлять старыхъ добрыхъ отношеній къ Оттокару; напротивъ, соперничество между обоими монархами изъ-за гегемоніи надъ тѣми областями, которыя со смертью послѣдняго Бабенберга остались безъ законнаго повелителя, обострилось еще въ большей степени и перешло уже въ ненависть мадьяръ къ славянской расѣ. Этимъ случаемъ воспользовался избранный въ 1273 году римскимъ королемъ Рудольфъ Габсбургскій, нашедшій во Владиславѣ IV надежнаго союзника противъ Оттокара, у котораго германцы, въ свою очередь, стремились отнять наслѣдіе Фридриха II. 14 августа 1278 года Владиславъ IV вмѣстѣ съ венгерцами и куманами присоединился на марховомъ полѣ къ войску Рудольфа, и черезъ нѣсколько дней произошло при Дюрренкрутѣ большое сраженіе, въ которомъ погибъ Оттокаръ, дравшись „съ мужествомъ гиганта и

какъ неукротимый левъ". Послѣ этого могущественная держава Премысловичей была раздроблена: къ германцамъ отошли Австрія, Штирія и Каринтія, но послѣдняя была отдана Рудольфомъ тирольскому графу, Мейнгарту; мадьяры же въ этой войнѣ ничего не выиграли, они только получили, такъ сказать, нравственное удовлетвореніе въ томъ, что уничтожили своего стараго и ненасытнаго врага. Но битва при Дюрренкрутѣ имѣетъ историческое значеніе для Венгріи, такъ какъ, вмѣстѣ съ пораженіемъ Оттокара II, „совершилось одно изъ самыхъ великихъ событій конца Среднихъ Вѣковъ: было основано владычество Габсбурговъ и основано, главнымъ образомъ, самими венгерцами".

Династія Арпадовъ скоро должна была прекратиться, такъ какъ у Владислава IV дѣтей не было, а оставленный имъ наслѣдникомъ престола его двоюродный братъ Андрей считался уже послѣднимъ отпрыскомъ этого стараго національнаго дома. Тѣмъ временемъ Рудольфъ Габсбургскій начинаетъ постепенно накладывать свою руку и на Венгрію. Спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ союзной войны противъ Оттокара, войны, въ которой главную роль сыграла 56-титысячная армія Владислава IV, такъ какъ армія римскаго императора была слишкомъ ничтожна, Рудольфъ предъявляетъ свои права на тронъ Св. Стефана. Но послѣ серьезной оппозиціи, оказанной мадьярами новому опекуну, онъ долженъ былъ уступить. Воцаряется Андрей III (1290—1301), царствованіе котораго также проходитъ въ постоянныхъ препирательствахъ то съ Рудольфомъ, то съ его сыномъ Альбертомъ, который наслѣдовалъ отцу въ 1293 году. Еще при жизни Андрея III папа Бонифацій VIII намѣтилъ наслѣдника на венгерскій престолъ. Это былъ представитель анжуйской династіи, Карлъ-Робертъ, сынъ неаполитанскаго короля Карла, династіи, которой суждено было сыграть рѣшающую роль въ дальнѣйшемъ развитіи венгерской культуры и венгерскихъ правовыхъ учрежденій.

Но прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ слѣдующей, анжуйской эпохи, наступившей послѣ окончательнаго прекращенія въ Венгріи династіи Арпадовъ, этихъ первыхъ строителей настоящей исторической жизни мадьяръ, необходимо подвести итогъ тѣмъ пере-

мѣнамъ во внутренней жизни этого народа, которыя, совершаясь въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ, явились какъ бы неизбѣжными предпосылками крушенія старой цивилизаціи и наступленія новой, своеобразной эры. Прежде всего, съ внѣшней стороны Венгрія къ концу XIII столѣтія производила граціозное впечатлѣніе; ея короли носили титулъ правителей Венгріи, Сербіи, Босніи, Галиціи, Лодомеріи и Болгаріи, не считая Кроаціи и Трансильваніи, которыя составляли вполнѣ автономныя части венгерскаго королевства. И несомнѣнно, что такое государство привлекало къ себѣ вниманіе самыхъ могущественныхъ императоровъ Европы. Вотъ почему родоначальникъ анжуйской династіи въ Венгріи, неаполитанскій король Робертъ, „внимательно слѣдилъ за ходомъ событій въ Венгріи“ и всячески помышлялъ о завоеваніи ея. Внутренняя же жизнь мадьяръ развивалась вглубь и вширь пропорціонально географическому росту ихъ страны. Основной чертой феодальной Венгріи, какъ мы видѣли, является дѣленіе общества на классы. Къ концу XIII вѣка мы видимъ уже здѣсь образованіе настоящей феодальной іерархіи, причемъ дифференціація общества шла не только сверху внизъ, но и въ нѣдрахъ обособившагося отъ всѣхъ прочихъ классовъ дворянскаго сословія. Въ этомъ послѣднемъ замѣчается внутренній антагонизмъ на почвѣ чисто-экономической,—антагонизмъ, который проходитъ потомъ черезъ всю исторію венгерскаго королевства. Дворянское сословіе распадается въ XIII вѣкѣ въ Венгріи на магнатовъ или крупныхъ землевладѣльческихъ дворянъ и на низшихъ дворянъ или мелкопомѣстныхъ. Между этими двумя категоріями высшаго сословія идетъ постоянное соперничество, создается взаимное недовѣріе, которое къ 1267 году приводитъ къ открытому столкновенію и политическому даже отмежевыванію одной части дворянства отъ другой. Низшее венгерское дворянство, начинающее съ этого момента играть во внутренней исторіи своей страны роль французскаго tiers-état или англійскаго gentry, требуетъ уже отдѣльнаго представительства въ королевскомъ сеймѣ, а также права своего участія, какъ самостоятельной куріи, въ назначеніи палатина и другихъ государственныхъ сановниковъ Въ 1298 г. отношенія эти до того обостряются, что низшіе дворяне хлопочутъ объ окончательномъ

удаленіи магнатовъ отъ участія въ собраніяхъ сейма. Эта междуклассовая борьба повела къ тому, что, вскорѣ послѣ ея окончательнаго обнаруженія, королевская власть узаконяетъ такое положеніе вещей учрежденіемъ двухъ палатъ въ національномъ представительствѣ: совѣтъ короля или палата магнатовъ и прелатовъ и палата депутатовъ или представительство низшихъ дворянъ. Однако, нельзя сказать, чтобы это дробленіе, это расчлененіе одного цѣлаго и могущественнаго сословія, принесло большой вредъ государственной власти. Правда, классъ магнатовъ съ теченіемъ нѣкотораго времени значительно ослабѣваетъ, но зато выростаютъ и укрѣпляются значеніе и сила низшихъ дворянъ, на которыхъ эта государственная власть опирается въ Венгріи еще и понынѣ. Въ эту же эпоху, въ силу особаго вліянія на ходъ политической жизни страны низшаго дворянства, мѣстныя учрежденія въ Венгріи развиваются и пріобрѣтаютъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Низшіе дворяне, группирующіеся въ комитатахъ, добиваются учрежденія чего-то въ родѣ мѣстныхъ сеймовиковъ, конгрегацій, которыя на протяженіи всей послѣдующей исторіи Венгріи играютъ крупную роль. Конгрегаціи собирались довольно часто, каждые три мѣсяца, исключая экстраординарныхъ случаевъ; на нихъ производились выборы мѣстной магистратуры. Главное же ядро этихъ „сеймовиковъ" составляли низшіе дворяне. Здѣсь, въ конгрегаціяхъ, обсуждались не только вопросы, имѣющіе мѣстный характеръ, но и общегосударственный, формулировались требованія народа, и отсюда отсылались въ королевскій сеймъ готовые законопроекты. Въ дальнѣйшей эволюціи это учрежденіе расширяетъ все болѣе и болѣе свои права и свою компетенцію. Такъ, напримѣръ, оно рѣшаетъ вопросъ о выставленіи кандидатуры и объ избраніи въ королевскій сеймъ комитатскихъ представителей, издаетъ статуты, дѣйствующіе въ предѣлахъ комитата, и, наконецъ, оно опредѣляетъ размѣръ мѣстныхъ налоговъ. Послѣднее право является самымъ сильнымъ орудіемъ борьбы низшаго дворянства въ Венгріи съ правительственною властью. Во многихъ случаяхъ, когда возникалъ конфликтъ между націей и королемъ, не желавшимъ уступать какимъ-нибудь требованіямъ, выставленнымъ на конгрегаціяхъ, достаточно было низшимъ дворянамъ отказаться отъ вотированія мѣстныхъ налоговъ, какъ вся государствен-

ная система пріостанавливалась и теряла свою силу. Это пассивное сопротивленіе еще и по сіе время является главнымъ козыремъ въ рукахъ низшихъ дворянъ, сдѣлавшихся, въ концѣ концовъ, единственнымъ господствующимъ классомъ въ странѣ. Въ борьбѣ же венгерской націи съ чужеземными династіями, въ особенности съ габсбургской, комитаты съ ихъ конгрегаціями сдѣлались „неприкосновеннымъ и несокрушимымъ гнѣздомъ патріотизма".

Помимо низшихъ дворянъ, значительно поднялся въ XIII столѣтіи въ Венгріи классъ городскихъ жителей, главнымъ занятіемъ котораго были промышленность и торговля. Но надо отмѣтить, что сами мадьяры составляли ничтожный элементъ этого городского сословія, которое образовалось здѣсь исключительно изъ пришлаго населенія. Всѣми венгерскими монархами, направлявшими экономическое и политическое развитіе страны по образцу западно-европейскихъ государствъ, сознавалась необходимость въ устройствѣ возможно большаго количества городовъ. Они являлись въ средніе вѣка центростремительной силой всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и, вслѣдствіе этого, мы встрѣчаемъ въ законодательныхъ актахъ Венгріи средневѣкового періода чрезвычайно много льготъ, дарованныхъ иностранцамъ, этимъ главнымъ строителямъ здѣсь городскихъ коммунъ. Еще въ раннюю пору развитія въ Венгріи промышленной жизни мы встрѣчаемъ здѣсь много евреевъ, поселившихся съ цѣлью заняться торговымъ промысломъ. Въ царствованіе королей Белы IV и Андрея III евреи уравниваются въ правахъ съ прочими жителями государства венгерскаго, а ихъ школы объявляются находящимися подъ защитой общихъ законовъ. Въ области юридическихъ правъ, которыми пользовались въ средніе вѣка власть имущіе классы для эксплуатаціи и угнетенія низшихъ классовъ или чужеземцевъ, евреи были также ограждены. Такъ, законъ страны запрещаетъ судить лицо іудейскаго вѣроисповѣданія на основаніи только показанія христіанина, или еврею разрѣшалось ссужать деньгами подъ залогъ, и никто не имѣлъ права лишать его этого залога, исключая только тѣхъ случаевъ, когда онъ обвинялся въ оскорбленіи величества (lèse-majestè). „Столько привилегій, утвержденныхъ въ пользу одной расы, преслѣдуемой въ другихъ странахъ,—говоритъ по этому поводу Сею,—можетъ быть объяснено только желаніемъ привлечь въ

королевство народность, одаренную коммерческимъ геніемъ". То же самое мы наблюдаемъ по отношенію и къ другимъ націямъ: къ германцамъ, итальянцамъ и т. д. Однимъ изъ главныхъ продуктовъ вывозной промышленности Венгріи, а также главнымъ потребленіемъ внутренняго рынка въ описываемую эпоху является вино. Дунай и Адріатическое море служатъ главными и самыми большими путями сообщенія.

Общій подъемъ страны отразился и на процвѣтаніи венгерской культуры. Къ концу XIII вѣка университеты Парижа и Болоньи привлекаютъ къ себѣ венгерскую молодежь, которая съ увлеченіемъ изучаетъ юридическія науки и въ частности каноническое право, отпечатокъ котораго лежалъ тогда на всей западно-европейской цивилизаціи. Въ самой Венгріи открывается книжный рынокъ, и книга вообще становится достояніемъ уже болѣе обширной публики. Несмотря на то, что латинскій языкъ является въ венгерскомъ государствѣ въ то время господствующимъ и даже единтвеннымъ литературнымъ языкомъ, такъ какъ онъ употребляется какъ въ законодательныхъ актахъ королевской власти, такъ и въ административномъ управленіи, тѣмъ не менѣе, дѣлается довольно удачная попытка замѣнить этотъ языкъ мадьярскимъ, какъ символъ національнаго единства. И, дѣйствительно, вскорѣ мадьярскій языкъ вводится и въ собраніяхъ сейма, и при дворѣ и наполняетъ всю національную поэзію. Передъ наступленіемъ періода анжуйской династіи, Венгрія, какъ мы видимъ, успѣваетъ преобразоваться; но то, что было сдѣлано національными королями, потомками Арпада, для возведенія своей страны въ рангъ культурнаго европейскаго государства, подвергается при слѣдующей династіи новому, еще болѣе коренному измѣненію. Пережитки древней полуязыческой цивилизаціи идутъ окончательно на смарку, разрушаются до основанія, а къ насажденнымъ феодальнымъ учрежденіямъ дѣлаются существенныя дополненія, возводится колоссальная надстройка. Въ слѣдующей главѣ мы займемся изученіемъ анжуйскаго періода венгерской исторіи, этой переходной ступени отъ старой, независимой Венгріи къ Венгріи, подпавшей подъ управленіе и вліяніе чужеземныхъ династій.

ГЛАВА III.

Эпоха анжуйской династіи. — Первое нашествіе турокъ. — Царствованіе Сигизмунда Люксембургскаго и Пресбургскій сеймъ 1435.

Анжуйская династія, воцарившаяся въ Венгріи съ начала XIV столѣтія, имѣетъ свою исторію. Анжуйскій графъ Карлъ, братъ французскаго короля Людовика IX Святого, предпринялъ, по совѣту папы Урбана IV, походъ съ цѣлью завоеванія королевства обѣихъ Сицилій. Основавшись окончательно въ Неаполѣ, онъ задался цѣлью овладѣть королевствомъ Венгріи, чтобы быть единственнымъ властелиномъ всѣхъ государствъ, лежащихъ вокругъ Адріатическаго моря. Но такъ какъ война съ Венгріей являлась въ то время слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ, то дальновидный анжуецъ Карлъ сдѣлалъ попытку вступить въ близкія отношенія съ этой страной путемъ чисто-дипломатическимъ. Онъ заключилъ еще съ старой династіей Арпадовъ двойной союзъ: во-первыхъ, онъ выдалъ свою дочь Изабеллу за венгерскаго короля Владислава Кумана, а, во-вторыхъ, сынъ его, будущій неаполитанскій король, Карлъ Хромой, женился на Маріи, дочери Стефана V (1270—1272). Такимъ образомъ, династія французской линіи могла надѣяться, что когда-нибудь, во время ли внутренняго замѣшательства страны, или въ случаѣ объявленія престола Св. Стефана вакантнымъ, она будетъ имѣть достаточно историческихъ правъ, чтобы безъ особаго усилія водвориться въ Венгріи. Такой случай оказался, когда Владиславъ Куманъ, не имѣвшій своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, передалъ право на венгерскій престолъ внуку Андрея II, царствовавшему подъ именемъ Андрея III. Сестра

Владислава, Марія, требовала тогда, чтобы наслѣдникомъ венгерскаго престола былъ объявленъ ея сынъ, Карлъ Мартелъ; она опиралась на поддержку папы и, надо сказать, внесла большую смуту во внутреннія дѣла Венгріи. Карлъ Мартелъ устремился даже въ Далмацію, чтобы съ покореніемъ этой области ослабить Венгрію и открыть себѣ доступъ вглубь страны; но преждевременная смерть его (1295) положила ненадолго конецъ этой распрѣ между династіями Арпадовъ и анжуйцевъ, хотя агитація въ пользу династіи послѣднихъ шла попрежнему въ скрытой формѣ.

Въ самомъ началѣ четырнадцатаго столѣтія умеръ Андрей III (1301), послѣдній изъ Арпадовъ, и тогда прежнее соперничество между кандидатами на престолъ Венгріи вновь воскресло и приняло довольно бурный характеръ. Новый папа Бонифацій VIII, который прославился своей упорной борьбой съ французскимъ королемъ Филиппомъ Прекраснымъ,—борьбой, въ которой шелъ вопросъ объ ограниченіи прерогативъ римскаго престола, сталъ во главѣ движенія въ Венгріи въ пользу анжуйской династіи и, несмотря на протесты и на избраніе новаго короля Венцеслава Богемскаго, приказалъ считать внука Маріи, Карла-Роберта, правителемъ венгерскаго государства. Въ то время, когда нація присягала уже новому монарху Венцеславу III, въ Эстергомѣ (Гранъ) происходило коронованіе Карла-Роберта на венгерскій престолъ. Такое положеніе привело къ междоусобной войнѣ, хотя самъ народъ стоялъ въ сторонѣ отъ происходящихъ событій, ибо еще свѣжа была память о національныхъ короляхъ, вышедшихъ изъ шатровъ семи племенъ, кочевавшихъ подъ высшимъ руководительствомъ Арпада, заложившихъ фундаментъ будущаго мадьярскаго государства и мадьярской цивилизаціи. Руководителями этой борьбы были дворяне и магнаты, въ виду личныхъ интересовъ расколовшіеся на двѣ партіи: сторонниковъ анжуйской династіи и династіи богемской. Все остальное населеніе было равнодушно потому, что оно вообще относилось безъ всякаго довѣрія и даже враждебно къ чужеземцамъ, которыхъ считало инспираторами и прямыми виновниками многихъ несчастій, обрушивавшихся въ разныя эпохи на Венгрію. Венцеславъ двинулся съ войсками на Эстергомъ и, завое-

вавъ его, короновался тамъ въ присутствіи епископа изъ Калоча. Но, повидимому, сама судьба покровительствовала анжуйцамъ, такъ жадно набросившимся на престолъ Св. Стефана, ибо въ 1305 г. умираетъ чешскій король Венцеславъ II, и сынъ его долженъ былъ отказаться отъ Венгріи, чтобы перенять наслѣдіе своего отца. Венцеславъ III становится правителемъ своей родной страны, мало заботясь о судьбѣ столь привлекательной, казалось, для него Венгріи. Но этимъ еще не закончилась борьба анжуйцевъ за мадьярскій престолъ: кандидату Карлу-Роберту жители Трансильваніи, саксонцы, выставили соперника въ лицѣ баварскаго герцога Оттона. Прошло еще нѣсколько лѣтъ междоусобной борьбы, пока, наконецъ, въ 1310 году двадцатидвухлѣтнему Карлу-Роберту удалось окончательно получить венгерскую корону и водрузить на старинномъ королевскомъ замкѣ Арпадовъ свой анжуйскій гербъ.

Характеристика короля Карла-Роберта не блещетъ обиліемъ благородныхъ качествъ. Онъ былъ мстителенъ, жестокъ и къ тому же развратенъ; онъ не признавалъ никакой иной власти, кромѣ королевской, и пренебрегалъ мадьярскими вольностями, которыя, по его мнѣнію, только компрометируютъ престижъ монарха. Онъ боролся также и противъ всякой національной независимости, почему принялся жестоко усмирять трансильванцевъ, когда тѣ устроили оппозицію новому королю, внесшему во внутреннюю жизнь государства новые порядки. При Карлѣ-Робертѣ духовенство получаетъ большую свободу въ Венгріи, такъ какъ римская курія оказала содѣйствіе въ томъ смыслѣ, что вела усиленную агитацію въ пользу анжуйскаго кандидата на венгерскій престолъ. Дворянство же при немъ обуздывается и подчиняется личному контролю монарха. Большую способность и дальновидность проявилъ Карлъ-Робертъ въ области внѣшней политики. Съ Италіей его связывали родственныя чувства; сынъ его Андрей былъ женатъ на дочери калабрскаго принца, Іоаннѣ, которая впослѣдствіи умертвила своего мужа; съ знаменитой же Венеціанской республикой онъ заключилъ коммерческій трактатъ, очень выгодный для Венгріи. Но главной мечтой его было присоединеніе Польши къ Венгріи. Женившись на дочери польскаго короля Владислава Локотока (1320), онъ стремился

такимъ путемъ вступить въ интимныя сношенія съ польскимъ дворомъ, чтобы заставить короля Казиміра III признать наслѣдникомъ престола въ Польшѣ своего сына Людовика. Всѣ эти перспективы обѣщали Венгріи одно изъ самыхъ выдающихся положеній въ Европѣ.

Самымъ интереснымъ изъ всѣхъ правителей анжуйскаго дома, на царствованіи котораго слѣдуетъ остановиться, былъ Людовикъ Великій. Пребываніе этого короля у власти (1342—1382) замѣчательно тѣмъ, что Венгрія увеличиваетъ сферу своего вліянія на Европу, раздвигаетъ свои географическія рамки и, кромѣ того, переживаетъ крупный экономическій переломъ и политическія преобразованія. Отъ отца своего, Карла-Роберта, Людовикъ Великій унаслѣдовалъ твердость воли; какъ и онъ, Людовикъ дѣйствовалъ совершенно независимо, въ духѣ неограниченнаго никакими конституціонными законами монарха. Эта реакція, наступившая въ исторіи Венгріи послѣ того, какъ нація добыла свою Великую Хартію вольностей, со знаменитой 31-ой статьей, дающей ей право вооруженнаго возстанія противъ всякаго королевскаго деспотизма, это воцареніе абсолютныхъ монарховъ-анжуйцевъ объясняется тѣмъ, что послѣ прекращенія національной династіи Арпадовъ страна находилась въ полномъ политическомъ упадкѣ. При тѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, которыя развились изъ насажденныхъ феодальныхъ учрежденій Св. Стефана, Венгріи предстояла одна лишь дилемма: либо вернуться къ аристократической олигархіи съ той внутренней, разлагающей всю государственную систему анархіей, которая является неизбѣжнымъ ея спутникомъ, либо признать необходимость твердой власти ограниченной монархіи, но предохраняющей, такимъ образомъ, страну временно отъ неминуемаго разрушенія. Выступившее еще въ предшествующую эпоху,—въ эпоху, слѣдующую за обнародованіемъ Золотой Буллы, на политическую сцену мелкопомѣстное дворянство согласилось на послѣднее, какъ на меньшее изъ двухъ золъ.

Людовикъ Великій, какъ и его предшественникъ, основатель въ Венгріи анжуйской династіи, поддерживалъ самыя лучшія отношенія съ римской куріей. Въ то время, когда папская власть

пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и была, такъ сказать, вершителемъ всѣхъ политическихъ дѣлъ на европейскомъ континентѣ, для королевской власти было чрезвычайно выгодно не вступать съ ней ни въ какія препирательства. Анжуйскій домъ достигъ этимъ союзомъ не только покровительства „всемогущаго“ папы всѣмъ своимъ предпріятіямъ, но и того, что римскій престолъ не противился обложенію въ Венгріи духовенства высокими налогами. Съ другой стороны, Людовикъ Великій воздавалъ должное дворянскому сословію, хотя строго отграничивалъ королевскую власть отъ прерогативъ магнатовъ, такъ какъ понималъ, что для упроченія своей династіи необходимо опираться на высшіе слои общества, истинныхъ руководителей тогдашней внутренней политики. Обезпечивъ страну относительнымъ спокойствіемъ и достигнувъ черезъ посредство римской куріи внѣшней славы, Людовикъ Великій предпринялъ свой первый блестящій походъ въ Италію. Предлогомъ для этого послужила смерть его брата Андрея, павшаго отъ руки неаполитанской королевы, „склонной къ нравственной распущенности“, Іоанны (18 сентября 1345 г.). Людовику Великому ничего не стоило побѣдить неаполитанское королевство (1347) и утвердить тамъ свою власть, но свирѣпствовавшая по всей Италіи въ 1348 г. моровая язва заставила его покинуть эту страну. Спустя два года, онъ опять возобновилъ войну съ Неаполемъ, и опять предстояло ему захватить тамъ въ свои руки правительственную власть, но въ дѣло вмѣшался папа, который покровительствовалъ и Людовику Великому и Іоаннѣ и послѣ произведеннаго имъ вторично слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Андрея, признавъ послѣднюю невиновной, примирилъ обѣ враждующія стороны.

Эта война оказала весьма благотворное вліяніе на внутреннюю жизнь Венгріи. Въ средніе вѣка, когда пути сообщенія были сравнительно мало развиты, а торговыя сношенія были едва въ зачаточномъ состояніи, общественная жизнь какого-нибудь государства могла получать для своего пробужденія весьма рѣдкіе и неравномѣрные толчки извнѣ. Такими толчками были, напримѣръ, крестовые походы, приведшіе въ движеніе, смѣшавшіе всѣ народы Запада и Востока Европы, затѣмъ войны. Послѣднія играли еще болѣе важную роль

въ дѣлѣ насажденія цивилизаціи: онѣ сталкивали два народа, два совершенно различныхъ государства, и та изъ воюющихъ сторонъ, которая владѣла бо́льшимъ запасомъ матеріальной силы, оказывалась побѣдительницей и пріобрѣтала возможность болѣе или менѣе продолжительнаго сожительства рядомъ съ покоренными народомъ. Продолжительное сожительство „эллина и іудея“, даже искусственно поддерживаемое силою побѣдоноснаго оружія, и является положительнымъ качествомъ средневѣковыхъ войнъ, ибо способствуетъ при взаимномъ воздѣйствіи процвѣтанію творческихъ началъ національной цивилизаціи. Наша мысль яснѣе всего можетъ быть подкрѣплена примѣромъ Венгріи, которая отъ всякаго крупнаго предпріятія, какъ походъ въ чужеземныя страны, извлекала для себя большія выгоды и подвигалась гигантскими шагами по пути прогресса умственнаго и матеріальнаго. Вспомнимъ, какое вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціально-политическихъ учрежденій старой Венгріи оказало нашествіе мадьяръ на Дунайскую область и покореніе жившихъ тамъ славянъ, или какой высоты достигло венгерское государство съ тѣхъ поръ, какъ короли династіи Арпадовъ раздвигали географическое положеніе своей страны и заселяли ее новыми народами завоеванныхъ государствъ, прилегающихъ къ южной полосѣ венгерскаго королевства: Кроація, Далмація, Славонія, Дубровникъ и другія. Предпринятый дважды Людовикомъ Великимъ походъ въ Италію совпалъ съ такимъ моментомъ, когда средневѣковая цивилизація приближалась къ своему паденію, и на фонѣ общаго всѣмъ европейскимъ государствамъ общественнаго застоя проглядывали первые и едва замѣтные проблески Возрожденія, итальянскаго гуманизма, одухотворившаго и напоившаго новою мыслью всю Европу. „Аристократическій характеръ“ того переворота въ умственной жизни Италіи, который происходилъ въ первую половину XIV столѣтія, какъ нельзя болѣе совпадалъ съ тогдашнимъ настроеніемъ Венгріи. На границѣ прекращенія династіи Арпадовъ и воцаренія анжуйцевъ было уже замѣтно въ венгерскомъ королевствѣ отрицательное отношеніе къ феодальнымъ порядкамъ, которые на протяженіи трехъ—четырехъ столѣтій своего непрестаннаго развитія и укрѣпленія давали результаты исключи-

тельно отрицательнаго свойства. Ни въ сферѣ духовной жизни, ни тѣмъ болѣе въ области матеріальныхъ интересовъ венгерской націи средневѣковый феодализмъ не могъ дать ничего; напротивъ, онъ раскололъ общество на классы, образовалъ между ними антагонизмъ на почвѣ экономическаго неравенства и создалъ для каждаго высшаго сословія отдѣльный культъ почестей и самообожанія. Народъ, или, выражаясь при помощи современной терминологіи, производительныя силы націи, которыя количественно и качественно составляли главную опору венгерскаго государства,—этотъ народъ не получалъ никакого удовлетворенія отъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражалось въ словѣ „могущество" государства.

Пышность и богатство были обычной обстановкой дворцовой жизни анжуйцевъ, и Людовикъ Великій вывезъ изъ Неаполя, въ которомъ сосредоточилось все великолѣпіе итальянскаго искусства, утонченный вкусъ и любовь ко всему изящному, ко всему грандіозному. Эпоха Людовика Великаго въ Венгріи является поистинѣ эпохой всесторонняго творчества, и ничто не заслуживаетъ такого внимательнаго изученія въ ея исторіи, какъ кратковременный, но оставившій глубокіе слѣды періодъ анжуйской династіи. Движеніе умственной жизни, упавшій-было интересъ къ политическимъ и правовымъ вопросамъ, литература получаютъ новый импульсъ, насыщаютъ старую венгерскую культуру жизненными элементами. Даже простонародіе возвышается въ смыслѣ подъема въ немъ чувствъ самосознанія, и если при Людовикѣ Великомъ оно все еще не проявляетъ активнаго вмѣшательства въ дѣла страны и молчаливо принимаетъ его законы о порабощеніи трудовыхъ массъ, то въ XV и въ началѣ XVI вѣка этотъ накопившійся горючій матеріалъ—сознательность—выливается въ бурный стихійный протестъ, въ яркую борьбу верховъ и низовъ венгерскаго общества, которое напоминаетъ современное столкновеніе „труда съ капиталомъ".

Однако, завоевательные замыслы Людовика Великаго не ограничились однимъ только вторженіемъ въ Италію. Стремленіе къ внѣшнему блеску, къ громкой неувядаемой славѣ разжигало въ немъ страсть къ „собиранію земли", и мы видимъ вскорѣ у береговъ

Адріатическаго моря воинственныя полчища венгерской арміи. Людовикъ дѣлаетъ попытку отвоевать у венеціанцевъ городъ Зару и заставляетъ венеціанскую республику вымолить у него унизительный миръ. Съ завоеваніемъ Зары въ рукахъ венгерцевъ остается вся интегральная Далмація, имъ открывается свободный выходъ въ Адріатическое море: Венгрія съ этого времени становится морской державой. Отсюда Людовикъ Великій предпринимаетъ походъ въ Сербію, заставляетъ сербскаго короля возвратить тѣ владѣнія, которыя отошли къ Венгріи еще при его отцѣ Карлѣ-Робертѣ, наводитъ страхъ на жителей Босніи, которые убѣгаютъ въ горы и оставляютъ свою страну пришедшимъ венгерцамъ. Словомъ, „его владѣнія простирались отъ береговъ Лейты и Адріатическаго моря до Чернаго моря и отъ Карпатскихъ горъ почти вплоть до Балканскихъ“.

Но Людовикъ Великій считался еще дѣйствительнымъ наслѣдникомъ польскаго престола, и ему предстояло носить корону двухъ большихъ державъ: Венгріи и Польши. Еще при жизни Казиміра онъ стремился пріобрѣсть въ этой странѣ популярность и при всякомъ удобномъ случаѣ старался показать свою преданность Польшѣ. Такъ, напримѣръ, онъ помогаетъ ей во время войны съ литовцами и татарами, перейдя Карпаты съ многочисленнымъ войскомъ (1354). Въ 1370 году, когда умираетъ Казиміръ, Людовикъ Великій вступаетъ на польскій престолъ, но при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ для него. Къ этому времени въ Польшѣ успѣла образоваться олигархія, требовавшая признанія всѣхъ ея преимуществъ, вплоть до подчиненія ея власти низшихъ классовъ, и для того, чтобы удержаться на польскомъ престолѣ, Людовику Великому оставалось одно только: заключить съ ней договоръ. Въ 1374 году, въ Кашау, новый король и польскіе вельможи пришли къ взаимному соглашенію, извѣстному подъ названіемъ Pacta Conventa, по которому выходило, что „король царствовалъ, но не управлялъ“. Такъ какъ истинными хозяевами въ государствѣ и главными вершителями его судебъ были польскіе дворяне, то пребываніе Людовика Великаго въ Польшѣ не считалось необходимымъ; страна удовольствовалась тѣмъ, что король былъ представленъ въ ней

своей матерью, которой онъ поручилъ управленіе „этой неспокойной и анархической націей“. Однако, пребываніе анжуйской династіи въ Польшѣ, какъ и въ Венгріи, не было продолжительнымъ по той простой причинѣ, что Людовикъ Великій не имѣлъ сыновей, которымъ онъ могъ бы передать право наслѣдованія. Имъ была сдѣлана попытка выставить кандидатомъ на польскій престолъ на случай своей смерти Сигизмунда Люксембургскаго, женатаго на его старшей дочери, Маріи, но польская олигархія отклонила этого „нѣмца“ и провозгласила въ 1382 г. вторую дочь Людовика Великаго, Ядвигу, своей королевой. По предложенію польскихъ вельможъ Ядвига выходитъ замужъ за литовскаго князя Ягелло, принявшаго католичество, и съ тѣхъ поръ пресѣкается въ Польшѣ анжуйская династія, давшая ей только одного своего представителя, Людовика Великаго, находившагося на ея престолѣ всего двѣнадцать лѣтъ.

Но обратимся къ внутреннему состоянію Венгріи, на которое эпоха анжуйской династіи наложила свой своеобразный и глубокій отпечатокъ; прослѣдимъ, какія перемѣны были произведены здѣсь въ области политической и экономической жизни съ высоты престола. Никакіе короли Венгріи, кажется, не заботились столько о своемъ возвышеніи и объ усиленіи престижа королевской власти, какъ анжуйскіе. Въ своемъ постоянномъ стремленіи отмежеваться отъ націи, въ нежеланіи считаться съ ея вольностями и съ ея политическими правами они удалялись настолько отъ истинной монаршей роли, отведенной имъ обычаями и законами этой, по существу демократической страны, что походили скорѣе на самодержцевъ, на восточныхъ деспотовъ, чѣмъ на конституціонныхъ правителей. Карлъ-Робертъ не созывалъ королевскаго сейма, а Людовикъ Великій шелъ еще дальше,—онъ вовсе не признавалъ его. При немъ дворцовые служители стали играть роль первыхъ министровъ и высшихъ совѣтниковъ въ государственныхъ дѣлахъ, а въ числѣ послѣднихъ преобладали епископы и вообще церковные представители. Почетное мѣсто было отведено также высшему дворянству, которое являлось необходимымъ декорумомъ для такихъ, окруженныхъ внѣшнимъ блескомъ королей, какъ анжуйцевъ. Королевская армія была

преобразована; отнынѣ военную службу носили не всѣ „свободные“ жители комитатовъ, а составлялись такъ называемыя бандеріи (banderia) изъ людей, подчиненныхъ каждому сеньеру или прелату, и число поставляемыхъ въ эти бандеріи солдатъ зависѣло отъ величины сеньеріальныхъ доменовъ или отъ условій, заключенныхъ между королемъ и магнатами. Тѣ изъ венгерскихъ сеньеровъ, которые доставляли самое большое число солдатъ, имѣли право сражаться подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Эта реформа повела къ тому, что королевская армія значительно увеличилась; при Людовикѣ Святомъ она достигала 200000 человѣкъ. Кромѣ того, при системѣ составленія войска „бандеріями“ король избавлялся отъ постоянной необходимости испрашивать у сейма позволенія на сформированіе арміи, такъ какъ по стариннымъ венгерскимъ законамъ только одинъ лишь сеймъ могъ рѣшать вопросъ о числѣ поставляемаго войска.

Въ 1342 году король Людовикъ Великій вступилъ на венгерскій престолъ, и въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ онъ правилъ совершенно самостоятельно, въ духѣ полнаго самодержавія. Однакоже, страна переживала въ это время весьма крупныя перемѣны, и на поверхности общественной жизни всплывали вопросы одинъ другого серьезнѣе; требовалась извѣстная регламентація въ сферѣ политической жизни, а въ области соціальныхъ отношеній наблюдались симптомы полной анархіи. Управлять въ такомъ же духѣ страной, привыкшей уже къ тому, чтобы собирались сеймы изъ представителей націи, дальше было нѣсколько рискованно, и Людовикъ Великій, сознавая вполнѣ неотложную необходимость, созываетъ въ 1351 году національный сеймъ. Этотъ сеймъ имѣлъ для экономической жизни Венгріи такое важное значеніе, какое имѣлъ для политической созванный Андреемъ II сеймъ въ 1222 г. Здѣсь были пересмотрѣны окончательно тѣ общественныя отношенія, которыя впервые проявились при Св. Стефанѣ и которыя развились въ обостренной, враждебной другъ другу формѣ. Это произошло благодаря коренному измѣненію хозяйственнаго строя Венгріи, т.-е. благодаря уничтоженію обобществленной земельной собственности, которую мы застаемъ въ раннюю эпоху венгерской исторіи, и замѣнѣ ея частновла-

дѣльческой, латифундарной. Въ самомъ дѣлѣ, венгерское дворянство, находясь въ благопріятныхъ, въ общемъ, правовыхъ условіяхъ, становилось все болѣе и болѣе могущественнымъ собственническимъ классомъ и, какъ таковой, это дворянство нуждалось въ полной свободѣ внутри общественной жизни, происходившей вокругъ его помѣстій или доменовъ. Эта феодальная эволюція экономической стороны венгерской исторіи достигаетъ къ серединѣ XIV столѣтія предѣльной точки, и королевская власть вынуждена была уже констатировать не только такой фактъ помѣщичьяго самовластія, какъ абсолютное господство надъ крестьянами и всѣмъ вообще трудовымъ классомъ, но и какъ крѣпостное право, и не только просто констатировать, но и ввести послѣднее въ законъ. Въ этомъ смыслѣ роль Людовика Великаго является самой отвѣтственной въ исторіи Венгріи, ибо еще его предшественникъ, Карлъ-Робертъ, не рѣшался уничтожить для крестьянъ права свободнаго передвиженія, этого существеннаго признака той или иной степени крѣпостной зависимости, несмотря на настойчивое требованіе помѣстнаго дворянства. При Людовикѣ Великомъ, стремящемся къ окончательному установленію абсолютизма, изданныя законоположенія носили характеръ договора между правительственной властью и господствующимъ дворянскимъ сословіемъ. Послѣднее готово было припасть къ стопамъ самодержавнаго анжуйца, если бы взамѣнъ этой ретивой преданности оно получило право суда надъ крестьянами, право распредѣленія самостоятельнаго между ними налога, короче, право полной и безконтрольной эксплуатаціи. И если мы разсмотримъ внимательно весь тотъ сводъ законовъ, который былъ обнародованъ на сеймѣ 1351 г. и извѣстный какъ Decretum Unicum, то мы увидимъ, что въ немъ ярко проводится межевая черта между „властью помѣщика" и „властью короля".

Сеймъ 1351 г. является именно такимъ моментомъ, когда венгерское дворянство добилось того, чего такъ страстно желало. Прежде всего Людовикъ Великій издалъ законъ о наслѣдственномъ правѣ дворянъ, по которому земельная собственность должна оставаться въ рукахъ только членовъ дворянскаго сословія; переходить же къ другому сословію, въ видѣ продажи или наслѣдства, она не

могла никакимъ образомъ. За отсутствіемъ наслѣдниковъ въ какой-нибудь дворянской семьѣ земля должна была переходить въ собственность короля или, вѣрнѣе, королевской власти. Этотъ законъ былъ введенъ въ видѣ измѣненія четвертой статьи Золотой Буллы, въ которой говорилось, что „если кто-нибудь изъ знатныхъ умираетъ безъ сына, то дочь его получаетъ четверть его достоянія; остальнымъ онъ можетъ располагать, какъ хочетъ“. Цѣль наслѣдственнаго закона Людовика Великаго ясна: онъ имѣлъ тенденцію остановить то разложеніе дворянскаго сословія, которое обнаружилось въ началѣ XIV столѣтія, въ виду часто повторяющихся фактовъ продажи мелкопомѣстными дворянами своихъ владѣній и пріобщенія ихъ къ разряду городскихъ жителей, занимающихся торгово-промышленной дѣятельностью или другими профессіями. Съ другой стороны, обязательствомъ завѣщать земельную собственность только дворянамъ, законъ Людовика предохранялъ ихъ отъ обезземелія, а, стало-быть, отъ потери того вліянія, которое давала имъ, помимо ихъ сословныхъ привилегій, еще и матеріальная обезпеченность. Кромѣ того, Людовикъ согласился на установленіе въ пользу тѣхъ же дворянъ-помѣщиковъ новаго налога въ размѣрѣ $^1/_9$ части со всѣхъ полевыхъ продуктовъ, которую должны были отдавать и безъ того уже довольно отягченные разными другими поборами крестьяне. Этой правительственной мѣрой, да еще запрещеніемъ свободнаго передвиженія и введеніемъ патримоніальной юстиціи начинается настоящее закрѣпощеніе венгерскихъ крестьянъ, побудившее ихъ, какъ мы увидимъ дальше, въ началѣ XVI столѣтія, къ поголовному возстанію и требованію освобожденія изъ подъ опеки дворянъ.

За исключеніемъ сейма 1351 г., Людовикъ Великій до самаго конца своего царствованія (1382) не прибѣгалъ болѣе къ національному представительному совѣщанію; онъ, какъ мы уже упомянули выше, великолѣпно обходился и безъ него. Но стремленіе къ самодержавію этого рѣшительнаго анжуйца не исключало, однако, возможности сосредоточить всю политическую и общественную дѣятельность господствующаго въ экономической жизни дворянскаго сословія на мѣстахъ, въ комитатахъ. И замѣчательно,

что эта эпоха полнаго королевскаго самовластія совпадаетъ съ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ моментовъ венгерскаго мѣстнаго самоуправленія. Этому обстоятельству способствовала, главнымъ образомъ, новая система военной организаціи, бандеріи, для составленія и снаряженія въ походъ которыхъ нужны были совмѣстныя совѣщанія жившихъ въ комитатахъ магнатовъ и дворянъ. А такъ какъ Людовикъ Великій часто велъ войны, то и требовалось частое ополченіе.

Энергичный толчокъ къ дальнѣйшему своему развитію получаютъ и города во время царствованія Людовика. При немъ замѣчается усиленный обмѣнъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, и такъ какъ всякая коммерческая жизнь вліяетъ на политическій и экономическій ростъ государства, то Людовикъ вскорѣ издалъ чрезвычайно важное и полезное постановленіе объ отмѣнѣ налоговъ на обращавшіеся внутри страны иностранные товары. Венгрія заводитъ уже постоянныя сношенія съ извѣстными торговыми домами такихъ городовъ, какъ Вѣна, Венеція, Прага, Данцигъ, Кельнъ, а также ведетъ торговлю съ азіатскимъ Востокомъ черезъ находящіеся на югѣ Трансильваніи большіе города, Кронштадтъ и Германштадтъ. Изъ Азіи привозились въ Венгрію разныя шелковыя ткани, благовонные товары и пряности, а вывозились земледѣльческіе и минеральные продукты, которыми она неизмѣримо богата и понынѣ. „Что касается городовъ и торговли,—говоритъ Сею,—то можно замѣтить, что анжуйскіе короли то и дѣлали, что слѣдовали примѣру искусной національной династіи, имъ предшествующей“.

Нужно отмѣтить еще упорядоченіе Людовикомъ венгерской монетной системы. Страна эта имѣла всегда большіе источники золотоносной руды, но добываніе золота было поставлено весьма плохо; только при анжуйцахъ оно достигаетъ извѣстной планомѣрности и большого успѣха. Въ обращеніи появляются уже золотыя монеты по образцу флорентинскихъ (флорины), а также серебряныя и мѣдныя, которыя со времени монгольскаго нашествія стали менѣе ходкими. Людовикъ Великій былъ первымъ изъ венгерскихъ монарховъ, который обратилъ серьезное вниманіе на финансовыя реформы государства.

7

Характеристика эпохи анжуйской династіи и въ частности сорокалѣтняго царствованія послѣдняго и наиболѣе виднаго ея представителя въ Венгріи, Людовика Великаго, была бы не совсѣмъ полной, если бы мы не упомянули еще о двухъ сторонахъ его дѣятельности. Еврейскій вопросъ, если можно назвать такъ вопросъ о правовомъ положеніи евреевъ въ Венгріи въ средніе вѣка, находился при королѣ Людовикѣ въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Сознавая необходимость въ этой національности, такъ энергично и умѣло развивавшей венгерскую коммерческую жизнь, Людовикъ Великій, по примѣру одного изъ своихъ предшественниковъ, короля Белы IV, не только утвердилъ данныя ей вольности, но и значительно расширилъ ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ далъ евреямъ полное внутреннее самоуправленіе, учредилъ нѣчто въ родѣ Praefectura Judaeorum, въ которой были сосредоточены всѣ дѣла, относящіяся къ нимъ, и даже разрѣшилъ евреямъ имѣть свое спеціальное судопроизводство (justitia Judaeorum), которое отправлялось королевскимъ чиновникомъ по законамъ и обычаямъ іудеевъ. Отношенія венгерскихъ законодателей къ евреямъ не слѣдуетъ, однако, разсматривать какъ проявленіе особой симпатіи къ данной національности; либеральный характеръ венгерскихъ законовъ объ евреяхъ является явленіемъ не частнымъ, а общимъ, проистекающимъ изъ практиковавшихся и твердо установившихся въ древнія времена взглядовъ у венгерскихъ монарховъ на плодотворное значеніе въ экономической жизни страны поселяющихся тамъ чужеземцевъ. Знаменитая сентенція короля Стефана Святого о томъ, что то государство безсильно, которое, кромѣ своего собственнаго языка и своихъ обычаевъ, не признаетъ никакихъ другихъ, выраженная имъ въ завѣщаніи своему сыну, возымѣла дѣйствіе на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, и если здѣсь Людовикъ Великій не могъ проявить полной „самобытности“ анжуйской политики, то онъ, тѣмъ не менѣе, проявилъ очень большую политическую проницательность. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ Венгрія достигла такого положенія, такого внѣшняго могущества и внутренняго общественнаго роста, когда экономическіе интересы государства становятся для правительственной власти интересами примордіальными, пріобрѣтаютъ,

такъ сказать, первостепенную важность. Политическое благосостояніе евреевъ, какъ и другихъ національностей, населявшихъ въ то время Венгрію, зависѣло отъ степени ихъ полезности для матеріальнаго процвѣтанія страны.

Тѣ отношенія, которыя установились между Карломъ-Робертомъ и римской куріей, продолжали быть таковыми и при Людовикѣ. При этомъ королѣ служители церкви не только проникли во дворецъ въ качествѣ королевскихъ совѣтниковъ, но и вообще пріобрѣли большое вліяніе во всѣхъ дѣлахъ государства, а главное сдѣлались обладателями колоссальныхъ богатствъ. Всѣ хроники этого времени указываютъ на то, что церковь получаетъ необыкновенно часто отъ короля дары и недвижимыя имущества, большей частью земельныя собственности. Эта щедрость доходила до того, что дары посылались церквамъ, находящимися и внѣ Венгріи, какъ, напримѣръ, въ Эксъ-ля-Шапелѣ. Перекочевавъ въ 1309 году въ Авиньонъ, намѣстникъ Христа имѣлъ въ Венгріи полную свободу дѣйствій накладывать на церковь налоги, которые достигли грандіозныхъ размѣровъ при Людовикѣ Великомъ. Но взамѣнъ этого Людовикъ не встрѣчалъ со стороны папы никакого протеста въ тѣхъ своихъ предпріятіяхъ, которыя касались свѣтской жизни. Такъ, несмотря на отрицательное отношеніе ко всякаго рода дуэлямъ папы, Людовикъ вводитъ или, точнѣе, подтверждаетъ еще разъ существовавшій въ то время судебный поединокъ.

Царствованіе Людовика Великаго имѣло большое значеніе также и въ развитіи культурной жизни венгерцевъ. Анжуйцы вообще были самыми просвѣтительными монархами своей эпохи и, надо отдать имъ должное, содѣйствовали всячески насажденію въ Венгріи высшаго образованія. Въ согласіи съ папой Урбаномъ V, Людовикъ основываетъ въ Печѣ (Fünfkirchen) въ 1367 году университетъ, гдѣ преподавались всѣ высшія и въ частности юридическія науки, которыя были тогда въ большомъ ходу. Послѣдними руководилъ извѣстный профессоръ болонскаго университета, Гальвано Беттини, спеціально приглашенный для того Людовикомъ Великимъ. Въ умственной жизни Венгріи наблюдалось въ эту время большое оживленіе; появились даже поэтическія произведенія

и другіе литературные шедевры, къ сожалѣнію, не дошедшіе до насъ.

Обыкновенно Людовика Великаго привыкли сравнивать съ его современникомъ, Карломъ IV Богемскимъ. И, дѣйствительно, между этими двумя монархами имѣется много схожихъ чертъ. Карлъ былъ тоже властелиномъ независимымъ, твердымъ въ своихъ намѣреніяхъ, съ первыхъ дней своего царствованія стремящимся къ могуществу, къ расширенію своей власти. Но при всѣхъ этихъ чисто-внѣшнихъ признакахъ сходства Людовикъ Великій все же далеко не походилъ на Карла IV. У Людовика не было того чистосердечія, искренности и прямоты, которыми проникнуты всѣ дѣянія Карла IV; онъ дѣйствовалъ такъ, какъ диктовалъ ему его разумъ, но душой своей онъ былъ чуждъ тому народу, который избралъ его въ свои правители. Чувствовалась какая-то разобщенность между королемъ и подданными его, и если бы Людовикомъ Великимъ не пресѣклась въ Венгріи анжуйская династія, то неизбѣжно было бы вскорѣ ея паденіе, ибо, когда духъ правителя не соотвѣтствуетъ настроенію націи, тогда нарушается то политическое равновѣсіе, которое покоится на этомъ, не всегда замѣтномъ, но постоянно существующемъ взаимномъ договорѣ. Людовикъ Великій могъ, при всей, повторяемъ, самобытности своего характера, пробыть на венгерскомъ тронѣ сорокъ лѣтъ благодаря тому только, что анжуйская династія воцарилась въ эпоху, чреватую всякими дурными послѣдствіями,—въ эпоху, слѣдовавшую за такими внутренними потрясеніями, какъ нашествіе монголовъ и прекращеніе національной династіи, когда страна нуждалась въ сильной власти для подкрѣпленія ея расшатанной правительственной системы. Но какъ только эта опасность миновала, такъ сейчасъ же явственно сталъ обнаруживаться рѣзкій контрастъ между династіей Арпадовъ и анжуйцевъ. Кромѣ того, венгерское помѣстное дворянство, упрочивъ при Людовикѣ Великомъ свое положеніе и достигнувъ полнаго могущества, опять вернулось къ мысли о захватѣ въ свои руки правительственной власти, и конфликтъ на этой почвѣ казался неминуемымъ. „Если бы вступилъ на престолъ какой-нибудь слабохарактерный король,—говоритъ Дени,—если бы представилась необходимость учредить ре-

гентство, или если бы явилось нѣсколько претендентовъ на королевскій престолъ, то дворянство, болѣе прочно организованное, болѣе богатое и болѣе самовластно распоряжавшееся своими рабами, стало бы возставать противъ тѣхъ прерогативъ, которыми король пользовался, повидимому, только благодаря своей хитрой ловкости и благодаря снисходительности своихъ подданныхъ".

Но, повидимому, то обстоятельство, что Венгріи предстояло цѣлыхъ два столѣтія, т.-е. до утвержденія австрійской династіи, испытывать губительное вліяніе междуцарствія, совпавшаго какъ-разъ съ новымъ нашествіемъ азіатскаго врага, турокъ, повлекло за собой чрезвычайно быстрый „упадокъ королевскаго достоинства". Слѣдующій король, замѣстившій на венгерскомъ тронѣ Людовика Великаго, былъ Сигизмундъ Люксембургскій, женатый на Маріи, дочери послѣдняго въ Венгріи анжуйца, не обладавшій ни геніемъ великаго завоевателя, ни достаточнымъ рвеніемъ въ отведенной ему исторіей роли. Современникъ Сигизмунда, извѣстный итальянскій ученый и впослѣдствіи папа (Пій II, 1405—1464), Эней Сильвій, говоритъ о немъ, что онъ обладалъ очень большимъ умомъ, но что онъ былъ слишкомъ честолюбивъ. Несмотря на то, что Сигизмундъ готовился къ вступленію на венгерскій престолъ и даже изучилъ мадьярскій языкъ, венгерскій народъ все-таки отвергалъ сначала его кандидатуру и благодаря тому, что Венгріи неизвѣстенъ былъ еще въ то время салическій законъ, онъ провозгласилъ его супругу и дочь Людовика Великаго Марію своей королевой. Ей были отданы всѣ почести короля, coronata fuit in regem, какъ говорится въ одной хроникѣ того времени, дабы не были возбуждены притязанія на венгерскій престолъ по мужской линіи со стороны другихъ династій. Но трудно было изолировать Венгрію отъ династическихъ заговоровъ и придворныхъ интригъ, которые въ этотъ періодъ мадьярской исторіи являлись главными дѣйствующими силами и внутренней политики страны и внѣшняго ея могущества. Неаполитанскій король, Карлъ Дурадзскій, проникъ въ Венгрію и при содѣйствіи противниковъ женскихъ правъ на престолъ былъ коронованъ венгерскимъ правителемъ, но въ 1386 году народъ возсталъ противъ этого чужеземца, который погибъ заточеннымъ въ Вышеград-

ской цитадели. Это было поистинѣ смутное время, такъ какъ каждая такая пертурбація, каждое появленіе новаго претендента въ Венгріи сопровождалось междоусобной войной и полнымъ разореніемъ страны. За смерть своего отца Владиславъ Неаполитанскій велъ тридцать лѣтъ войну съ Сигизмундомъ, перетянувши на свою сторону провинціи Кроацію и Далмацію.

Дальнѣйшая судьба венгерскаго королевства, терзаемаго такими частыми неурядицами, казалась слишкомъ проблематичной. Чтобы спасти, во всякомъ случаѣ, корону Св. Стефана отъ грозившей ей опасности со стороны тѣхъ, кто добивался имѣть ее, расчищая себѣ путь къ венгерскому престолу огнемъ и мечомъ, экстренно собравшійся національный сеймъ рѣшилъ передать королевскую власть Сигизмунду Люксембургскому. Тѣмъ не менѣе, бѣдствія, наполнявшія страну съ перваго момента прекращенія династіи анжуйцевъ, продолжались, и новому королю пришлось водворять временный порядокъ на грудѣ жертвъ. Подготовленныя венеціанцами волненія и народныя возстанія въ Далмаціи и Кроаціи были немедленно подавлены Сигизмундомъ (1393), и въ столицу Венгріи, въ Буду, были приведены свыше тридцати знатныхъ плѣнниковъ. Всѣмъ имъ на глазахъ у Сигизмунда были сняты головы, и народная молва передала два весьма трогательныхъ эпизода этой кровавой бани. Знаменитый графъ Хедервари, гордо положивъ на плаху свою голову, сказалъ своему палачу: „я часто видѣлъ смерть на такомъ близкомъ разстояніи“. Когда же Сигизмундъ обратился къ оруженосцу Хедервари, къ Чокѣ, со словами: „я позабочусь о твоей судьбѣ“, то тотъ отвѣтилъ ему: „я никогда не буду служить богемскимъ свиньямъ“ (король Сигизмундъ былъ тогда наслѣдникомъ чешскаго престола), и голова Чока легла рядомъ съ головой его господина. Такое жестокосердіе, которое обнаружилъ Сигизмундъ съ начала своего царствованія, не нравилось венгерцамъ, привыкшимъ къ правителямъ кроткимъ и гуманнымъ, да, кромѣ того, онъ скоро возбудилъ противъ себя націю, не одобрявшую его внѣшней политики. Благодаря слабости Сигизмунда, польскій престолъ ускользнулъ изъ его рукъ, и онъ самъ отказался отъ тѣхъ правъ на Галицію, которыя имѣла Венгрія.

Но недовольство этимъ королемъ не могло сдѣлаться въ этотъ разъ острымъ и фатальнымъ для правительственной власти, такъ какъ венгерскому народу грозило еще худшее бѣдствіе, чѣмъ неискусный правитель. Турки завоевали уже Сербію, наводнили Боснію и приближались къ границамъ Венгріи. Передъ такимъ страшнымъ врагомъ забываются всякіе старые счеты, и сеймъ, который находился уже въ раздорѣ съ Сигизмундомъ, собирается вновь по его приглашенію, чтобы принять соотвѣтствующія оборонительныя мѣры. Сначала Сигизмундъ отправился самъ со своими войсками на югъ и подступилъ къ Босніи, чтобы не дать врагу перейти границу. Но турки были настолько сильны, что въ 1394 году они уже имѣли въ своихъ рукахъ всѣ главные города Болгаріи и пробивали себѣ дорогу въ Венгрію черезъ близлежащую Трансильванію. Это обстоятельство опять встревожило всю Европу, въ особенности сосѣднія съ Венгріей германскія государства, и напомнило имъ страшное и всесокрушающее монгольское нашествіе. Сигизмундъ заключаетъ съ греческимъ императоромъ Мануиломъ II оборонительный союзъ и посылаетъ своихъ пословъ къ правителямъ Германіи, Франціи и Бургони, напоминая имъ о томъ, что война съ турками должна быть предпринята сообща въ интересахъ всего христіанскаго міра. Воззваніе Сигизмунда заставляетъ европейскихъ монарховъ объявить крестовый походъ противъ османліевъ, и въ 1396 году собираются подлѣ Никополя (Nicopolis) соединенныя христіанскія войска, гдѣ происходитъ рѣшительное сраженіе съ турецкими полчищами Баязета. Еще въ 1394 году, когда Сигизмундъ получилъ согласіе со стороны европейскихъ монарховъ на поддержку его противъ турокъ, онъ обратился тогда къ Баязету черезъ своихъ пословъ съ требованіемъ отвѣтить ему, по какому праву онъ захватилъ Болгарское царство. Баязетъ, указавъ тогда посламъ Сигизмунда на лежащее передъ ними оружіе, сказалъ: „вотъ по какому праву". И, дѣйствительно, если войны въ Европѣ являлись слѣдствіемъ либо династическихъ раздоровъ, либо той международной политики, которая была извѣстна христіанскимъ государствамъ съ первыхъ моментовъ ихъ географической организаціи, то опустошительныя и ничѣмъ не сдерживаемыя войны

монголовъ и потомъ турокъ не оправдывались никакими историческими положеніями. Это былъ какой-то дикій, стихійный фанатизмъ, какое-то безуміе, которое состояло въ непреклонномъ желаніи залить весь міръ христіанской кровью и утвердить повсюду владычество магометанъ. Ни о какихъ правахъ, понятно, не могло быть и рѣчи на то, чтобы цѣлые города и государства обрекались на разрушеніе отъ руки турецкаго императора, и Баязетъ могъ смѣло сказать, что признаетъ одно только право,—это право оружія.

Составившійся крестовый походъ былъ руководимъ такими лицами, какъ графъ Эскій, маршалъ Бусико, сынъ Бургундскаго герцога, Іоаннъ Безстрашный, пфальцграфъ Робертъ, Германъ II, графъ Цили, Іоаннъ III и многіе другіе рыцари различныхъ орденовъ. Въ числѣ крестоносцевъ, которыхъ было свыше 100000 человѣкъ, можно было встрѣтить фламандцевъ, германцевъ, англичанъ, швейцарцевъ, венеціанцевъ, не говоря уже о венгерцахъ, которые присоединились къ нимъ въ Будѣ. Сраженіе произошло на открытомъ полѣ близъ Никополя 24 и 25 сентября 1396 г. Впереди всѣхъ стояли французы, которые дрались съ неменьшей ожесточенностью, чѣмъ турки, и хотя послѣднихъ было гораздо больше (до 40000 человѣкъ), чѣмъ европейцевъ, тѣмъ не менѣе, окончательная побѣда осталась за Баязетомъ. Единственная причина этой неудачной для всей Европы войны заключалась, какъ выяснилось впослѣдствіи, въ томъ, что въ европейской арміи не было стройной системы, не было заранѣе составленнаго плана. Каждый отрядъ, составленный по національности, имѣлъ своихъ начальниковъ, которые дѣйствовали за свой страхъ и рискъ, бросаясь въ непріятельскій огонь, не думая о томъ, чтобы имѣть во-время поддержку со стороны другихъ отрядовъ. Самъ Баязетъ ликовалъ и удивлялся, что его солдаты съ не защищенными тѣлами побѣдили европейцевъ въ кольчугахъ и со стальными щитами. Но лечь на полѣ брани не такъ страшно и отвратительно, какъ быть растерзаннымъ разъяреннымъ врагомъ у него въ плѣну. На слѣдующій день, послѣ разгрома на никопольской равнинѣ, которая была покрыта трупами, точно падалью,

Баязетъ приказалъ перерѣзать 3000 плѣнниковъ, пощадивъ только знатныхъ особъ, за которыхъ онъ получилъ большой выкупъ. Отпуская Іоанна Безстрашнаго изъ своего плѣна, Баязетъ сказалъ ему съ гордостью, достойной великаго полководца: „Я не хочу, чтобы ты давалъ клятву въ томъ, что никогда не подымешь противъ меня своего оружія; если, возвратясь домой, ты снова рѣшишь воевать со мной, то я всегда готовъ буду встрѣтить тебя на полѣ итвы, ибо я родился для войны и для побѣдъ".

Сигизмундъ едва спасся бѣгствомъ въ Дубровникъ и при помощи венеціанскаго флота былъ доставленъ въ свою страну, гдѣ распространился уже слухъ о гибели, якобы, въ сраженіи при Никополѣ венгерскаго короля. Положеніе Венгріи было самое ужасное, врагъ не только не былъ изгнанъ изъ границъ, но къ нему перешла во владѣніе почти вся нижняя область Дуная, а союзники Сигизмунда поспѣшили убраться во-свояси, такъ какъ удары, полученные ими въ битвѣ съ Баязетомъ, были слишкомъ чувствительны. Къ счастью для Венгріи, послѣ Никопольскаго сраженія турки повернули на югъ, пошли на Византію и Элладу, и послѣ осады Константинополя между ними и монголами произошло столкновеніе, перешедшее въ долголѣтнюю войну. Въ теченіе этого времени Сигизмундъ занялся внутренними дѣлами своей страны, учрежденія которой не то что перестали быть пригодными, а просто потеряли свою силу и значеніе. Послѣ такой встряски, какъ война, истощившая всѣ силы венгерскаго государства, ощущалась крайняя необходимость въ реформахъ политической и общественной жизни. Сеймъ, созванный въ 1397 году въ Темешварѣ, является первой попыткой въ царствованіи Сигизмунда Люксембургскаго рѣшать сообща съ націей или, точнѣе, съ національными представителями отъ высшихъ сословій вопросы соціально-политическаго преобразованія страны. Мы видѣли выше, что при королѣ Людовикѣ Великомъ положеніе низшихъ классовъ, главнымъ образомъ, крестьянъ, слишкомъ усугубилось, что введеніе института крѣпостного права обусловилось взаимными интересами короля и помѣстнаго дворянства. Нынѣ же интересы венгерскаго короля были направлены совершенно въ другую сторону; Сигизмундъ рѣшилъ облегчить положеніе крестьянъ

въ виду того, что они были слишкомъ ожесточены противъ своихъ помѣщиковъ и противъ правительственной власти. Глухое недовольство могло легко перейти въ мятежъ рабовъ, и для страны, пережившей только-что неудачную войну съ турками, это явилось бы окончательной гибелью. Сигизмундъ Люксембургскій отмѣняетъ декретъ Людовика Великаго о воспрещеніи крестьянамъ свободнаго перехода и этимъ палліативомъ вноситъ успокоеніе въ отношенія помѣстнаго дворянства и ихъ крѣпостныхъ.

Но при этомъ королѣ Венгрія переживаетъ еще одну, уже болѣе крупную реформу, которая приближаетъ ее къ парламентарному строю: мы думаемъ—реформу королевскаго сейма. Въ эту эпоху царствованія Сигизмунда, обнимающаго въ общемъ свыше полустолѣтія (1382—1437), начинаютъ оформляться уже тѣ учрежденія, которыя еще при Людовикѣ Великомъ были введены въ довольно яркихъ чертахъ. Вмѣсто прежней одной палаты, въ которой засѣдали исключительно представители аристократическаго сословія, Сигизмундъ учреждаетъ теперь двухпалатную систему, съ нѣкоторымъ расширеніемъ избирательнаго права. Въ виду того, что еще при анжуйцахъ центръ тяжести венгерской политической жизни былъ перенесенъ въ комитаты, эти послѣдніе становятся нынѣ „краеугольнымъ камнемъ конституціи“. Каждый комитатъ пріобрѣтаетъ право посылать въ нижнюю палату четырехъ своихъ представителей, избранныхъ не только тѣми сословіями, которыя имѣютъ своихъ депутатовъ въ верхней палатѣ, но и третьимъ, такъ сказать, элементомъ, куда входятъ городскіе жители и другіе, занимающіе извѣстное общественное положеніе. На ряду съ этимъ устанавливается чрезвычайно интересный обычай, пріобрѣтшій при Сигизмундѣ условіе sine qua non венгерскаго представительнаго учрежденія. Комитаты, посылая въ нижнюю палату своихъ депутатовъ, надѣляли ихъ чѣмъ-то въ родѣ императивнаго мандата. Избранный такимъ образомъ представитель комитата обязывался поддерживать ту политическую программу, которую выдвигало мѣстное дворянство, главнымъ образомъ, низшее дворянство, такъ какъ въ этой избирательной куріи, предназначенной для выборовъ въ curia ordinum, или въ нижнюю палату сословій, преобладала всегда

мелкопомѣстная аристократія. Иными словами, это означало, что, помимо общихъ классовыхъ интересовъ низшаго дворянства, представитель его долженъ былъ защищать еще и тѣ требованія, которыя выдвигались комитатомъ. Вообще надо сказать, что венгерцы очень рано проявили себя въ политической жизни, развивая ее въ сторону демократизма, и то, къ чему другіе народы Европы пришли длиннымъ путемъ развитія такъ называемаго правового порядка, имъ было уже извѣстно въ глубокой давности. Историки конституціонныхъ учрежденій очень часто проводятъ параллели между Англіей и Венгріей и приходятъ къ тому заключенію, что тождество государственнаго строя этихъ обѣихъ странъ заключается въ одновременномъ почти развитіи въ нихъ демократическихъ началъ. При анжуйцахъ значеніе Золотой Буллы было подорвано, и ко времени Сигизмунда Люксембургскаго въ правительственныхъ сферахъ, въ которыхъ попрежнему преобладали иностранцы, на нее смотрѣли какъ на любопытный историческій документъ, годный развѣ для пополненія государственнаго архива. Но, начавъ свои реформы въ области политическаго уклада Венгріи, Сигизмундъ, однако, не могъ оставить Золотую Буллу не замѣченной, тѣмъ болѣе, что тогдашняя „аристократическая демократія", гнѣздившаяся въ комитатскихъ сеймикахъ, стала опять требовать гарантіи политическаго народоправства. Она же и заставила Сигизмунда не только оживить хартію Андрея II, но и присягнуть ей въ вѣрности. Послѣ этого, король Сигизмундъ сразу заслужилъ у мадьярскаго населенія большое къ себѣ довѣріе, и это послужило ему только въ пользу. Такъ, напримѣръ, помышляя о будущихъ войнахъ и, главнымъ образомъ, о возможности вновь встрѣтиться съ турками у границы Венгріи, Сигизмунду необходимо было реорганизовать государственное ополченіе на совершенно иныхъ основаніяхъ. Для этого требовалось согласіе комитатовъ, а равно и изысканіе новыхъ денежныхъ средствъ, что и было сдѣлано дворянствомъ, жившимъ первое время, повидимому, въ полномъ согласіи со своимъ королемъ изъ чужеземной династіи. Военная реформа Сигизмунда заключалась въ томъ, что къ оружію была призвана двадцатая часть всего мужского населенія, и эта постоянная милиція

должна была быть готова во всякое время отражать нападавшаго на Венгрію врага; главнымъ образомъ, имѣлось въ виду нашествіе турокъ. Для покрытія военныхъ расходовъ былъ обнародованъ декретъ, по которому церковь обязывалась отдавать половину всѣхъ своихъ доходовъ, а также и десятиннаго налога въ государственную казну.

Но едва только протекло нѣсколько лѣтъ послѣ перваго сейма, созваннаго Сигизмундомъ, какъ внутреннее положеніе страны и установившіяся-было добрыя отношенія между монархомъ и господствующимъ аристократическимъ сословіемъ были вновь нарушены. „Сигизмунда, впрочемъ, нельзя было бы считать умнымъ законодателемъ,—говоритъ историкъ Австро-Венгріи, Луи Леже, — плохой правитель, вѣчно нуждающійся въ денежныхъ средствахъ, своенравный, жостокій, безпрестанно отдающій въ залогъ имущества короны, пропитанный духомъ католицизма и маніей преслѣдованія, онъ не былъ никогда популяренъ среди своихъ венгерскихъ подданныхъ“. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ заключается не только точная характеристика представителя Люксембургской династіи въ Венгріи, но и указаны тѣ причины, которыя мѣшали Сигизмунду быть окруженнымъ величественнымъ ореоломъ первыхъ венгерскихъ королей. Онъ былъ расточителенъ, и для того, чтобы добывать необходимыя средства, онъ продавалъ правительственные домены за безцѣнокъ помѣстнымъ магнатамъ. Мелкіе же дворяне, для которыхъ идея государства связывалась съ идеей его матеріальнаго обезпеченія, и которые противились вообще всякому накопленію земельной собственности въ рукахъ олигархически настроенныхъ магнатовъ, предвидѣли, что если такое положеніе продлится еще нѣкоторое время, то странѣ грозятъ серьезныя несчастія, которыя могутъ выразиться въ безсиліи правительственной власти, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, и противъ короля Сигизмунда былъ устроенъ заговоръ. Неожиданно захваченный въ своемъ дворцѣ коалиціей дворянъ и прелатовъ, среди которыхъ были и магнаты, по совершенно другимъ причинамъ стремившіеся къ смѣщенію этого монарха, онъ былъ препровожденъ въ Вишеградъ (1401 г.). Здѣсь, въ заточеніи, его ожидала неминуемая смерть, но такъ какъ это случилось помимо

6*

народнаго согласія, такъ какъ это была простая дворцовая революція, руководимая лично заинтересованнымъ аристократическимъ сословіемъ, а не государственный переворотъ, произведенный самой націей, то, естественно, вслѣдъ за увозомъ Сигизмунда въ Вишеградъ въ странѣ начались волненія, смуты, напоминающія скорѣе полную политическую анархію, чѣмъ согласованное между всѣми сословіями ниспроверженіе ненавистнаго монарха. Для того, чтобы провести должнымъ образомъ даже и дворцовую революцію, необходимо было имѣть сейчасъ же другого замѣстителя на королевскомъ престолѣ Венгріи, а этого какъ-разъ и не было въ знаменательномъ событіи, открывшемъ собой XV столѣтіе венгерской исторіи. Различныя партіи—поскольку тогда можно было считать партіями различныя группы приверженцевъ тѣхъ или иныхъ претендентовъ на корону Св. Стефана—выдвинули сразу нѣсколькихъ кандидатовъ: Владислава Ягелло, Вильгельма Австрійскаго, Владислава Неаполитанскаго; но никто изъ нихъ не могъ быть избраннымъ націей единодушно. Палатинъ Венгріи, Николай Гара, настоялъ на томъ, чтобы Сигизмундъ былъ освобожденъ и вновь посаженъ на тронъ, подъ условіемъ, конечно, что король дастъ клятву не мстить заговорщикамъ и не учинять противъ нихъ никакихъ репрессій.

Но эти смуты вызвали сильный политическій упадокъ въ Венгріи. Сигизмундъ, правда, по возстановленіи своемъ на престолѣ, отказался отъ преслѣдованій заговорщиковъ, но зато повелъ войну противъ своего брата Венцеслава, чешскаго короля, котораго онъ заподозрилъ въ заговорѣ противъ него. Война эта кончилась не въ пользу Сигизмунда и только отвлекла его отъ опасности, которую слѣдовало бы пресѣчь въ самомъ корнѣ, т.-е. отъ соперничества претендентовъ на венгерскій престолъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Сигизмундъ занятъ былъ споромъ со своимъ братомъ, Владиславъ Неаполитанскій, сынъ Карла Дурадзкаго, вступилъ въ Венгрію со стороны Адріатическаго моря и прошелъ вплоть до города Раабъ, находящагося между Прессбургомъ и Будапештомъ. Окруженный многими своими приверженцами, онъ былъ коронованъ архіепископомъ гранскимъ королемъ Венгріи. Теперь возникла между обоими монархами междоусобная война, въ которой Сигизмундъ одержалъ

вверхъ, заставивъ своего соперника обратиться въ бѣгство. Такъ какъ Владиславу Неаполитанскому, вторгнувшемуся въ Венгрію, содѣйствовалъ папа Бонифацій IX, то между послѣднимъ и Сигизмундомъ установились враждебныя отношенія, приведшія къ тому, что венгерскій король лишилъ церковь ея главныхъ прерогативъ. Сигизмундъ издалъ законъ, принятый весьма охотно венгерскимъ сеймомъ, въ силу котораго запрещалось подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній давать какія бы то ни было денежныя средства папскому престолу и, кромѣ того, запрещалось опубликовывать или исполнять въ предѣлахъ Венгріи папскія буллы безъ разрѣшенія короля. Ни въ какихъ государствахъ Западной Европы въ то время отношеніе свѣтской власти къ католической церкви не было такъ рѣзко натянутымъ, какъ въ Венгріи.

Съ 1406 года избирается на папскій престолъ Григорій XII, и отношенія церкви къ государству въ Венгріи не только измѣняются къ лучшему, но даже, съ согласія новаго папы, Сигизмундъ опять объявляетъ крестовый походъ противъ турокъ, находящихся неподалеку отъ южныхъ венгерскихъ границъ. Въ это время въ Венгріи основывается новый монашескій орденъ, имѣющій цѣлью непосредственную борьбу съ нечестивыми азіатами. Сигизмундъ старался показать всей Европѣ, что на него, какъ на носителя венгерской короны, выпала чрезвычайно отвѣтственная миссія быть спасителемъ христіанскаго міра отъ нашествія турокъ, и эта роль открывала ему возможность сдѣлаться кандидатомъ германскаго императора, къ чему, въ сущности, онъ стремился всей своей душой. По мнѣнію многихъ біографовъ и историковъ Сигизмунда Люксембургскаго, обладаніе властью императора было его idée fixe, которое осуществилось благодаря отсутствію другихъ кандидатовъ. Законный императоръ Венцеславъ, братъ Сигизмунда, самъ отказался отъ почетной короны, а единственный серьезный соперникъ, маркграфъ Моравскій, Іостъ, умеръ, и, такимъ образомъ, венгерскій король могъ быть избраннымъ совершенно безпрепятственно курфюрстами на престолъ римско-германскаго императора (1411 г.). Въ это время Сигизмундъ пользовался нѣкоторой популярностью въ Германіи; онъ считался однимъ изъ образованныхъ монарховъ своей эпохи, принималъ видное участіе въ соборахъ констанцскомъ и

базельскомъ и велъ энергичную войну съ гуситами. Но, будучи по природѣ своей человѣкомъ нерѣшительнымъ и преслѣдуемый маніей величія, онъ нерѣдко брался за такія предпріятія, осуществить которыя былъ не въ силахъ. Даже сама императорская корона, которой онъ добивался честолюбія-ради, сдѣлалась для него, по его же словамъ, „тяжелымъ бременемъ", и вскорѣ онъ оказался такимъ же неподходящимъ въ роли германскаго императора, какимъ считался въ качествѣ носителя короны Св. Стефана.

Совмѣщеніе двухъ такихъ обязанностей, какъ быть представителемъ римско-германской монархіи и королемъ Венгріи, въ одномъ лицѣ оказалось не въ пользу венгерцевъ. Корона Св. Стефана была для Сигизмунда излишней прихотью, дѣлающей честь его династическому самолюбію, а при томъ положеніи, которое онъ занималъ въ качествѣ императора, онъ могъ совершенно игнорировать судьбы страны, сдѣлавшейся для него близкой ex officio. Въ 1412 году Сигизмундъ отдаетъ Польшѣ цѣлую область, лежащую на сѣверѣ Венгріи, Жипсъ (Zips), съ тринадцатью цвѣтущими городами, основанными нѣмецкими колонистами; затѣмъ въ войнѣ съ Венеціей онъ теряетъ все далматское побережье. Континентальная же Далмація присоединяется къ Кроаціи, управляемой своимъ баномъ, и на Адріатическомъ морѣ въ рукахъ венгерцевъ остается одна только маленькая республика Дубровникъ (Рагуза). Такимъ образомъ, король Сигизмундъ не только расширилъ географическія границы Венгріи и не только заботился объ охраненіи тѣхъ областей, которыя были пріобрѣтены долгими годами войны, но даже потерялъ то, что было завоевано Арпадами. Сигизмундъ принесъ территоріальную цѣлость Венгріи въ жертву императорской коронѣ, ибо, заботясь о своемъ внѣшнемъ блескѣ и о своихъ почестяхъ, онъ не могъ уже сосредоточиться на дѣлахъ каждаго государства въ отдѣльности. Онъ покупалъ для Венгріи миръ цѣною ея собственнаго достоянія. Въ 1419 году умираетъ его братъ, чешскій король Венцеславъ, отъ потрясенія, полученнаго имъ при извѣстіи о начавшемся возстаніи гуситовъ, и Сигизмундъ, какъ наслѣдникъ, вступаетъ на богемскій престолъ. И это „соединеніе трехъ коронъ на одной головѣ оказалось такимъ же фатальнымъ для Венгріи, какъ и для Богеміи".

Почти вся Чехія относилась съ презрѣніемъ къ Сигизмунду, который, подобно Пилату, старался умыть руки и показать себя непричастнымъ къ сожженію Іоанна Гусса, но рѣшеніе Констанцскаго собора, въ которомъ римско-германскій императоръ игралъ рѣшающую роль, являлось достаточнымъ основаніемъ, чтобы гуситы объявили новому королю непримиримую войну. „Съ этого момента судьба мадьяръ становится обманчивой. Ихъ лучшая кровь проливается въ цѣломъ рядѣ сраженій не противъ мусульманъ, а противъ еретиковъ или противъ тѣхъ, кто допускалъ нѣкоторую ересь". Еще въ самомъ началѣ войны съ гуситами, въ 1420 году, умѣренная чешская партія, желая избѣжать безцѣльнаго кровопролитія, предложила Сигизмунду условія, при которыхъ его царствованіе въ Чехіи могло бы быть спокойнымъ: признаніе за Богеміей національныхъ вольностей и религіозная терпимость. Но спесивый императоръ, считавшій гуситовъ „одновременно и религіозными врагами и своими личными врагами", предпочелъ начать осаду Праги. Одиннадцатилѣтняя война съ гуситами привела, однако, къ пораженію Сигизмунда, и онъ принужденъ былъ оставить мысль о спасеніи якобы престижа католической церкви. Въ это время у границъ Венгріи вновь зашевелились турки, король Сигизмундъ поспѣшилъ туда, чтобы хоть въ этой войнѣ найти удовлетвореніе оскорбленному самолюбію.

Понявъ, какой ущербъ былъ нанесенъ могуществу Венгріи тѣмъ, что отъ нея отошли ея лучшія владѣнія, Сигизмундъ задался цѣлью возмѣстить эту потерю. Находящаяся между Венгріей и Турціей Сербія была наполовину подчинена власти турецкаго султана; она сохраняла якобы свою политическую независимость и имѣла своихъ правителей, называвшихся деспотами. Еще послѣ битвы подъ Никополемъ множество сербовъ, не желая оставаться подъ турецкимъ игомъ, переселилось въ Венгрію, а деспотъ Стефанъ Ларевичъ вступилъ въ переговоры съ Сигизмундомъ относительно окончательнаго присоединенія Сербіи къ Венгріи, подъ видомъ признанія венгерскаго короля своимъ сюзереномъ. Эта политика Сигизмунда была направлена всецѣло къ тому, чтобы стушевать то раздраженіе, которое было вызвано имъ у венгерской націи потерей

всей Далмаціи, этой замѣчательной въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніи области. Со вступленіемъ на сербскій престолъ деспота Георгія Бранковича Венгрія пріобрѣтаетъ въ свое владѣніе такіе города, какъ Бѣлградъ, Мачва, Голюбацъ, взамѣнъ которыхъ по установленному договору Бранковичъ получаетъ венгерскіе города Мункачъ, Токай, Дебреценъ, Вилагошъ. Пріобрѣтенные Сигизмундомъ сербскіе города являлись въ то время самыми неприступными крѣпостями и могли служить туркамъ серьезной преградой для дальнѣйшихъ своихъ завоеваній. Новая война съ турецкими полчищами была неминуема, и весь вопросъ сводился теперь къ тому, какую силу выставить противъ этихъ страшныхъ азіатскихъ враговъ. Этотъ вопросъ, а также необходимость вернуться, послѣ долгихъ лѣтъ чисто-внѣшней политики, къ законодательнымъ трудамъ, заставили Сигизмунда созвать въ 1435 году сеймъ въ Пресбургѣ.

Пресбургскій сеймъ 1435 г. занялся улучшеніемъ военной организаціи Венгріи, примѣромъ для чего послужили Германія и отчасти Италія. Боевыя силы государства составляли: королевская армія, бандеріи, снаряжаемыя сеньерами и прелатами, и, кромѣ того,— нововведеніе Сигизмунда—бандеріи комитатовъ, куда призывались всѣ способные носить оружіе. Вся страна, вмѣстѣ со своими пограничными областями, была раздѣлена на семь военныхъ округовъ, согласно заранѣе составленному стратегическому плану. Тогда же вводятся впервые въ Венгріи литыя пушки, которыя впослѣдствіи прославились на весь міръ, а артиллерія національнаго героя и защитника отечества отъ нашествія турокъ, Матвѣя Корвина, превосходитъ уже лучшія дотолѣ артиллеріи Магомета II, Людовика XI и герцога Бургундскаго, Карла Смѣлаго. Положеніе внутри самой страны, въ общемъ, почти не измѣнилось. Налоговая система все болѣе и болѣе усложнялась; крестьяне попрежнему оставались рабами, такъ какъ власть помѣщика была настолько реальна, настолько сильна, что даже такой незначительный, въ сравненіи съ общимъ положеніемъ крестьянъ, законъ Сигизмунда, какъ отмѣна запрещенія свободнаго передвиженія, оставался мертвой буквой на бумагѣ. Пресбургскій сеймъ сдѣлалъ нѣкоторыя попытки, чтобы

какъ-нибудь стушевать обостренныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, но и это было напрасной тратой времени. Старые порядки въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ блестящимъ образомъ сохранились и въ царствованіе Сигизмунда, и дворяне ни на минуту не переставали думать о введеніи новыхъ ограничительныхъ законовъ для крестьянскаго сословія. Эта верхняя слойка венгерскаго общества всей тяжестью своихъ политическихъ и экономическихъ привилегій давила не только крестьянъ, но и горожанъ, которые при Сигизмундѣ пользовались нѣкоторыми вольностями. Однако, чаша терпѣнія венгерскихъ крестьянъ была переполнена, и въ 1437 году, незадолго до смерти короля Сигизмунда, стали проявляться въ Венгріи первые проблески жакеріи. Потокомъ крестьянскаго востанія были охвачены вотчины магнатовъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ, поля орошались кровью, шла ожесточенная борьба выведенныхъ изъ себя жестокими мѣрами и притѣсненіями рабовъ съ ихъ угнетателями. Эта схватка на дворянскихъ земляхъ явилась прелюдіей къ грандіозному возстанію куруцевъ, разразившемуся въ 1514 году и имѣвшему такія печальныя послѣдствія для помѣщиковъ и крестьянъ.

Царствованіе Сигизмунда, чреватое столькими сложными событіями, какъ во внутренней жизни Венгріи, такъ и въ той внѣшней политикѣ, которая входила въ сферу императорской власти, окончилось въ 1437 году. Венгрія въ теченіе столь долгаго періода времени не достигла того могущества, о которомъ мечтали короли ея первой національной династіи. Ей предстояло теперь пережить весьма тревожное время, тревожное не только въ томъ смыслѣ, что она находилась въ опасности быть завоеванной турками, такъ упорно нападавшими на нее со стороны ея южныхъ границъ, но и потому, что вопросъ объ избраніи новой королевской династіи былъ все еще вопросомъ спорнымъ и далеко не выясненнымъ. Анжуйцы, а также и основатель Люксембургской династіи являлись правителями венгерскаго государства только временно, и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что ни въ какія другія эпохи венгерской исторіи не было столько претендентовъ на корону св. Стефана, и никогда не было такого разногласія по вопросу объ избраніи того или другого короля, какъ въ періодъ, обнимающій собой моментъ

пресѣченія династіи Арпадовъ, и другой моментъ—основаніе династіи Габсбурговъ. Одаренный извѣстной политической смышленностью, Сигизмундъ только передъ смертью своей понялъ, что ему не суждено было завоевать ту привязанность и любовь мадьярскаго народа, которыя необходимы были для укрѣпленія его династіи, и, обратясь къ окружавшимъ его придворнымъ сановникамъ, онъ съ особенной настойчивостью убѣждалъ ихъ признать его дочь, Елизавету, законной наслѣдницей. „Это не только обязанность ваша—говорилъ онъ имъ,—но этого требуютъ даже интересы различныхъ странъ, которыя только посредствомъ своего соединенія подъ одной верховной властью могутъ упрочить свое благосостояніе и свое могущество“. Эта „одна верховная власть“ и была власть императорская, которая послѣ смерти Сигизмунда перешла къ Альбрехту Австрійскому, женатому на его дочери. Стало-быть, въ случаѣ осуществленія предсмертнаго желанія Сигизмунда, Венгрія попрежнему находилась бы подъ вліяніемъ главы римско-германской имперіи. Но если это было въ интересахъ Сигизмунда Люксембургскаго, то это вовсе не было въ интересахъ мадьярской націи, и такая политическая дисгармонія, такая противоположность взглядовъ на будущую судьбу Венгріи заставляли эту націю смотрѣть на чужеземныхъ монарховъ какъ на своихъ враговъ. И даже теперь этотъ трагическій расколъ не перестаетъ существовать въ Венгріи когда установившаяся габсбургская династія насчитываетъ уже около четырехъ столѣтій своего управленія этой страной. Если Венгрія, при такомъ положеніи вещей, все-таки уцѣлѣла и не исчезла, какъ другія государства, потерявшія своихъ истинныхъ руководителей, то причиной этому являются національныя традиціи и правовые обычаи, такъ плотно скрѣпившіе разъ навсегда мадьяръ.

ГЛАВА IV.

Второе нашествіе турокъ и Янъ Гуніади.—Царствованіе Матвѣя Корвина. — Возстаніе „куруцевъ“ и Tripartitum Вербеци.—Ягеллоны и битва при Могачѣ.

Хотя Елизавета и была провозглашена послѣ смерти своего отца Сигизмунда королевой Венгріи, но настоящимъ правителемъ этой страны былъ ея мужъ, Альбрехтъ Австрійскій. Къ нему перешла императорская корона, и онъ, подобно своему предмѣстнику, старался окружить себя ореоломъ подобающаго величія. Впрочемъ, его отличало нѣсколько то, что онъ былъ безусловно честенъ, и императорскій престолъ достался ему безъ всякихъ интригъ и безъ подпольной агитаціи. Венгрія, однако, не имѣла ничего противъ того, чтобы Альбрехтъ Австрійскій былъ носителемъ ея короны, такъ какъ при тѣхъ неурядицахъ, которыя въ послѣднее время стали обычнымъ явленіемъ мадьярской исторіи, народъ понималъ, что ей нуженъ к о р о л ь, а не слабая женщина, не способная энергично защищать отечество отъ внѣшняго врага. Альбрехту, какъ римско-германскому императору, а, стало-быть, опять могущему отвлечься отъ непосредственныхъ интересовъ Венгріи, какъ это было съ царствованіемъ Сигизмунда, было поставлено непремѣнное условіе: во-первыхъ, имѣть своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ венгерское, королевство, а, во-вторыхъ, всякій разъ, когда король долженъ будетъ выдавать замужъ своихъ дочерей, онъ обязанъ созывать сеймъ для рѣшенія этого вопроса. Это послѣднее условіе имѣло громадное значеніе для будущей судьбы Венгріи; имъ предполагалось упорядочить ту политику, которую преслѣдовали иностранные короли бракосочетаніемъ своихъ дочерей, и которая почти всегда была основана на личныхъ интересахъ этихъ монарховъ, а не на интересахъ

государства. Кромѣ этого, мадьяры добились того, что король не имѣлъ права отдавать не венгерскимъ подданнымъ тѣ доходы, которые составляютъ собственность короны. Онъ не могъ также ни измѣнить денежной системы, ни продавать или раздавать въ награду никакіе правительственные домены безъ разрѣшенія сейма. Назначеніе палатина королевства и вопросы о защитѣ венгерскихъ границъ также зависѣли отъ санкціи сейма. „Это былъ настоящій договоръ между королемъ-чужеземцемъ и его подданными, призвавшими его къ себѣ,—договоръ, оправданіемъ котораго явилось прискорбное воспоминаніе о царствованіи Сигизмунда,—договоръ, могущій подготовить Венгрію къ режиму независимости и свободы". Но Альбрехту, охотно принявшему всѣ эти условія, не удалось долго править Венгріей: на второмъ году своего царствованія онъ умеръ, скошенный свирѣпствовавшей тогда моровой язвой и въ моментъ начавшейся новой войны съ турками (1439).

Венгерское государство опять осталось безъ правителя, и вновь возникъ вопросъ о томъ, какъ быть съ королевской короной: оставить ли ее въ рукахъ Елизаветы, или предложить ее другому кандидату? Императорская власть досталась брату покойнаго Альбрехта, Фридриху Штирійскому, который не имѣлъ никакихъ правъ на Венгрію, хотя дѣло шло не столько о правахъ, сколько о необходимости установить династію по мужской линіи. Нѣкоторыя надежды въ этомъ отношеніи возлагались на Елизавету, которая должна была вскорѣ послѣ смерти своего супруга Альбрехта разрѣшиться отъ бремени. Елизавета имѣла уже отъ этого брака двухъ дочерей и, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, въ февралѣ 1440 г. она дала жизнь наслѣднику, названному Владиславомъ Посмертнымъ, такъ какъ онъ родился послѣ смерти своего отца. „Но ребенокъ въ колыбели не былъ еще королемъ, который требовался для отечества, находящагося въ опасности", и образовавшаяся партія, подъ руководствомъ Яна Корвина Гуніади, провозгласила венгерскимъ королемъ Владислава Ягелло Польскаго. Сторонники Елизаветы и защитники наслѣдственныхъ правъ новорожденнаго объявили этой партіи гражданскую войну, но Янъ Гуніади, которому впослѣдствіи выпала такая выдающаяся, историческая роль въ дѣлѣ защиты

своего отечества, искренно заботясь о политическомъ благоустройствѣ венгерскаго государства, столь необходимомъ для успѣшной войны съ внѣшнимъ врагомъ, турецкимъ султаномъ Мурадомъ, всячески стремился затушить эту междоусобицу. Видя всю трудность и опасность подобной войны, Елизавета стала требовать, чтобы, по крайней мѣрѣ, до совершеннолѣтія ея сына былъ назначенъ регентъ, и не соглашалась съ избраніемъ новаго короля изъ совершенно другой династіи. Но и это ея усиліе было тщетно. Владиславъ Польскій остался королемъ въ Венгріи до самой своей смерти (1444).

Тѣмъ временемъ, у границъ Венгріи происходила война съ турками. Король Владиславъ Польскій былъ еще молодъ, ему минуло едва только шестнадцать лѣтъ, онъ не обладалъ необходимымъ опытомъ, чтобы руководить такой серьезной войной. Это дѣло было поручено Яну Гуніади, воеводѣ трансильванскому, который съ самаго начала дѣйствовалъ весьма успѣшно. Одна изъ блестящихъ побѣдъ была одержана имъ надъ турками въ 1442 году близъ Германштадта; здѣсь, на полѣ битвы легло двадцать тысячъ турокъ, и султанъ Мурадъ вынужденъ былъ оставить венгерскую территорію и отступить къ Сербіи. Преслѣдованіе турокъ Яномъ Гуніади продолжалось и дальше. Въ 1443 году онъ перешелъ вмѣстѣ съ королемъ Владиславомъ по ту сторону Дуная и въ долинѣ Моравы далъ еще одно успѣшное сраженіе своему врагу. Турки совершенно были выбиты изъ своихъ позицій. Они оставили въ рукахъ венгерцевъ хорошо укрѣпленный городъ Софію и перешли Балканы въ надеждѣ, что здѣсь имъ удастся вновь сорганизоваться и пойти въ атаку на армію Гуніади. Но счастье все еще было на сторонѣ послѣдняго; съ наступленіемъ зимы Янъ Гуніади перешелъ Балканскія горы и на рѣкѣ Марицѣ опять нанесъ чувствительный ударъ туркамъ. Такимъ образомъ, венгерцы открыли себѣ свободный доступъ въ Константинополь, но король боялся рисковать и отдалъ приказъ отступить назадъ. Въ Сегединѣ былъ созванъ сеймъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ послами султана Мурада II выработать условія мира. Эти принятыя сегединскимъ сеймомъ условія были слѣдующія: миръ былъ заключенъ на десять лѣтъ, Валахія подпала подъ сюзеренитетъ Венгріи, а

Сербія и Герцеговина были отданы деспоту Бранковичу, турецкіе плѣнники же должны были быть возвращены по уплатѣ большой контрибуціи за нихъ. Этотъ мирный договоръ былъ подкрѣпленъ клятвой на Евангеліи и Коранѣ, сдѣланной обѣими сторонами. Какъ только стало извѣстно о томъ, что Венгрія диктуетъ туркамъ условія мира, вся Европа воспряла духомъ. Въ Сегединъ прибыли папскій легатъ Юліанъ Цезарини, кардиналъ Кондольмьери, а также венеціанскіе и византійскіе посланники, которые доказывали необходимость продолжать съ турками войну и отнять у нихъ всѣ области, пріобрѣтенныя ими въ долгіе годы нашествія. Цезарини пытался даже на законномъ основаніи объявить этотъ миръ недѣйствительнымъ, такъ какъ, согласно дѣйствовавшему въ то время каноническому праву, клятва, данная христіанами невѣрнымъ теряетъ всякую силу. Гуніади, а также король согласились нарушить только-что заключенный миръ и начали сызнова противъ турокъ военныя дѣйствія, пройдя вплоть до береговъ Чернаго моря. Болгарія была уже въ рукахъ мадьяръ, но въ это время Мурадъ, находившійся въ Средней Азіи, возвратился въ Европу на генуэзскихъ судахъ съ сорокатысячной арміей, и 10 ноября 1444 года произошла между этими обѣими арміями рѣшительная встрѣча у Варны. По приказанію Мурада, впереди турецкой арміи несли длинное копье, съ привязаннымъ къ нему мирнымъ договоромъ, нарушеннымъ венгерцами. Это сраженіе, сначала выгодное для арміи Гуніади, оказалось въ концѣ полнымъ для нея пораженіемъ; въ немъ погибли не только лучшіе солдаты отечества, но и самъ король Владиславъ и папскій легатъ Цезарини.

Тѣмъ временемъ законный наслѣдникъ венгерскаго престола, Владиславъ Посмертный, которому ко времени битвы подъ Варной минуло едва только пять лѣтъ, находился у императора Фридриха III, его дяди, на воспитаніи. Фридрихъ III воспользовался новымъ замѣшательствомъ во внутреннихъ дѣлахъ Венгріи и сталъ требовать, чтобы Владиславъ Посмертный былъ немедленно провозглашенъ венгерскимъ королемъ. Но, будучи опекуномъ малолѣтняго принца, онъ полагалъ, что къ нему перейдетъ также и право регентства, которое было бы чрезвычайно выгодно для австрійскаго дома,

стремившагося окончательно завладѣть этой богатой страной. Понятно, что въ этомъ стремленіи Фридриха играли большую роль еще и личные интересы. Какъ бы то ни было, а въ такое время, какъ, съ одной стороны, война съ турками, а съ другой—разлившееся рядомъ съ Венгріей до грандіозныхъ размѣровъ гуситское движеніе, съ его проповѣдью соціальнаго равенства, уже заронившее въ огромныхъ массахъ венгерскаго крестьянства сѣмена раздора на почвѣ экономическихъ отношеній,—въ такое время двойной опасности, угрожаемой со стороны внѣшняго врага и со стороны внутренней общественной неурядицы, венгерское королевство не могло оставаться ни одного часа безъ правителя. Предложеніе Фридриха III о провозглашеніи малолѣтняго наслѣдника венгерскимъ королемъ было принято большинствомъ націи, и только вопросъ о регентствѣ встрѣчалъ большія разногласія. Какъ-разъ въ это время руководитель военныхъ дѣйствій противъ турокъ, „бѣлый рыцарь Валаховъ“ (такъ прозвали Яна Гуніади, румына по происхожденію), вернулся изъ плѣна въ Венгрію, гдѣ, несмотря на пораженіе у Варны, его ждали громкая слава и всеобщее уваженіе, какъ къ народному вождю, готовому отдать свою жизнь за спасеніе отечества. Янъ Гуніади, предчувствуя гибельныя послѣдствія для Венгріи, вслѣдствіе ея постоянныхъ колебаній въ выборѣ своихъ правителей, и желая прежде всего возстановить полный политическій порядокъ, посовѣтовалъ немедленно созвать сеймъ для рѣшенія столь спорнаго вопроса, какъ вопросъ о царствованіи малолѣтняго короля подъ вліяніемъ долженствующаго быть избраннымъ регента. Сеймъ, однако, благоразумно вышелъ изъ этого затрудненія. Объявивъ Владислава Посмертнаго законнымъ королемъ Венгріи, онъ постановилъ, что вплоть до совершеннолѣтія его страной будетъ фактически править своего рода временное правительство, составленное изъ представителей высшаго дворянства и духовенства. „Венгрія въ этотъ моментъ и въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ имѣла видъ настоящей республики, управляемой свѣтской и духовной аристократіей, посредствомъ делегированныхъ національнымъ представительствомъ уполномоченныхъ, въ числѣ которыхъ находился и варнскій плѣнникъ“. Спустя нѣкоторое время, Янъ Гуніади былъ объявленъ

временнымъ правителемъ Венгріи, которому попрежнему было поручено вести оборону противъ внѣшнихъ враговъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ отнынѣ и Фридрихъ Австрійскій, который не только отказался подчиниться рѣшенію ракошскаго сейма и отдать Венгріи ея законнаго наслѣдника на престолъ, но еще готовился къ военнымъ дѣйствіямъ противъ мадьяръ. Для Венгріи начала складываться вновь критическая эпоха, такъ какъ она еще не избавилась отъ турокъ, возобновившихъ войну и проникающихъ въ глубь венгерскаго государства. Успѣвъ собрать армію въ двадцать-четыре тысячи человѣкъ, Янъ Гуніади перешелъ Дунай, чтобы дать туркамъ окончательное сраженіе, изъ котораго онъ разсчитывалъ выйти побѣдителемъ. Но Мурадъ выставилъ такую огромную армію, что венгерскій національный герой долженъ былъ потерпѣть нѣсколько весьма чувствительныхъ пораженій. Казалось, что послѣ этого Янъ Гуніади потеряетъ прежнюю популярность въ своей странѣ и вызоветъ къ себѣ враждебное движеніе, что могло бы благопріятно отразиться и на борьбѣ Фридриха III съ венгерцами. Но пораженія, понесенныя Гуніади въ войнѣ съ турками, не были теперь, какъ и въ пораженіи при Варнѣ, отнесены къ недостаткамъ его военнаго генія; народъ прекрасно понималъ, что съ ничтожными силами нельзя успѣшно бороться съ такими сильными и многочисленными врагами, какъ турки, и Янъ Гуніади оставался тѣмъ же великимъ полководцемъ и спасителемъ мадьяръ, какимъ онъ былъ для нихъ съ самаго начала своей дѣятельности.

Тѣмъ временемъ, препирательства венгерскаго „временнаго“ правительства, отъ имени котораго дѣйствовалъ Янъ Гуніади, съ Фридрихомъ III грозили перейти въ открытую войну. Обѣ заинтересованныя стороны не могли придти ни къ какому соглашенію, такъ какъ единственный политическій modus vivendi для Венгріи заключался въ устраненіи всякаго вліянія австрійскаго монарха на ея внутреннія дѣла,—вліянія, которое Фридрихъ III старался навязать ей какъ опекунъ малолѣтняго Владислава Посмертнаго. Видя, что ни тѣмъ, ни другимъ путемъ Венгрія не согласится вступить съ нимъ въ мирные переговоры, Фридрихъ III сталъ косвеннымъ образомъ, а затѣмъ ужъ явно, причинять ей всякія осложненія и

тѣмъ ослаблять ее окончательно послѣ только-что понесенныхъ пораженій въ битвѣ съ турками. Такъ, онъ подстрекаетъ противъ венгерцевъ чешскаго гетмана, Искру, который воцаряется на сѣверѣ Венгріи, со стороны Карпатскихъ горъ, занявъ самыя лучшія, въ стратегическомъ отношеніи, позиціи. Янъ Гуніади, заключивъ миръ съ двумя своими прежними личными врагами, съ воеводой Уйланомъ и палатиномъ Гарой, которые изъ зависти къ блестящей славѣ этого правителя Венгріи, пользовавшагося всѣми почестями настоящаго короля, готовы были при всякомъ удобномъ случаѣ утопить его „въ ложкѣ воды", надѣялся на ихъ поддержку, чтобы совмѣстно напасть на новаго врага, защищавшаго въ данномъ случаѣ интересы Фридриха, наемникомъ котораго онъ согласился быть. Но, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Искра ловко вывернулся изъ грозившей ему опасности и заставилъ Яна Гуніади вмѣстѣ съ его войсками отступить назадъ, причемъ нанесъ ему большія потери. Янъ не могъ вынести такого позора и, невзирая на все, ринулся-было вновь въ рискованное сраженіе съ наемникомъ Фридриха, но его остановилъ засѣдавшій въ то время сеймъ, который предпочелъ отступленіе полному пораженію и, быть-можетъ, окончательной гибели того дѣла, изъ-за котораго былъ поднятъ мечъ противъ Фридриха III. Въ этой борьбѣ сочувствіе папы было на сторонѣ Фридриха, носившаго титулъ германскаго императора; онъ восхвалялъ его за то, что тотъ относился къ отданному ему на воспитаніе Владиславу „какъ къ родному сыну". Однако, венгерское правительство, да и самъ венгерскій народъ не придавали нынѣ никакого значенія совѣтамъ папы,—совѣтамъ, направленнымъ не въ сторону національныхъ интересовъ мадьяръ, а имѣющимъ цѣлью поддержку притязаній Фридриха III. Венгерцы встрѣтили поддержку и въ самой Австріи, благодаря образовавшейся тамъ враждебной Фридриху партіи, руководимой Эйцингеромъ, и даже въ Чехіи, и такимъ образомъ надежда на то, чтобы отнять Владислава у своего упрямаго опекуна, увеличилась у нихъ. Фридрихъ же, предвидя возможность заговора противъ него или какую-нибудь другую комбинацію, для того, чтобы вырвать изъ-подъ его опеки наслѣдника венгерскаго престола, скрылся съ Владиславомъ подъ предлогомъ путешествія въ Римъ,

не во Флоренціи онъ былъ настигнутъ уполномоченными венгерскаго сейма и послѣ краткихъ переговоровъ вынужденъ былъ отдать имъ Владислава Посмертнаго. Владиславъ прибылъ въ Венгрію въ 1453 г. и отправился тотчасъ же на пресбургскій сеймъ. Здѣсь онъ обратился къ представителямъ своей націи со слѣдующими словами: „Я венгерецъ и поэтому я долженъ жить среди васъ“. Янъ Гуніади сложилъ тутъ же съ себя полномочія правителя венгерскаго государства, отдавъ власть его законному королю.

Тринадцатилѣтній мальчикъ, которому суждено было править такимъ большимъ государствомъ и сидѣть на тронѣ, когда страна переживала ужасныя бѣдствія отъ не прекращающихся войнъ и въ особенности отъ войны съ турками, окружилъ себя совѣтниками, стоявшими близко ко двору Фридриха III. Если венгерцамъ удалось отстранить отъ непосредственнаго вліянія на ихъ новаго короля его бывшаго опекуна Фридриха, то это не было еще достаточной гарантіей того, что Владиславъ Посмертный будетъ находиться внѣ сферы вліянія австрійской политики. Во-первыхъ, Владиславъ очень часто ѣздилъ въ Вѣну, которую любилъ больше столицы своего настоящаго отечества и, такимъ образомъ, сношенія съ австрійскимъ королевскимъ домомъ поддерживались попрежнему; а, во-вторыхъ, при немъ, т.-е. при Владиславѣ, постоянно находился его дядя, Ульрихъ Цилійскій, который во многомъ замѣнялъ его прежняго наставника Фридриха. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякія интриги, создававшіяся слугами королевскихъ покоевъ, имѣли громадное значеніе въ судьбѣ какъ самой Венгріи, такъ и отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ на стражѣ дѣйствительныхъ національныхъ интересовъ. Вскорѣ Янъ Гуніади, больше всѣхъ способствовавшій тому, чтобы корона Св. Стефана была передана въ руки настоящаго наслѣдника престола, а не какого-нибудь претендента или опекуна, впалъ въ немилость, чему, кстати, содѣйствовали не только всякія вздорныя предположенія о томъ, что онъ стремится отнять для себя у Владислава королевскую власть, но и тѣ неудачи, которыя пришлось ему потерпѣть еще въ войнѣ съ турками. И какъ ни трудно было ему, съ незначительной, въ сравненіи съ турецкой, арміей, бороться съ страшнымъ для всей Европы врагомъ, а передъ

самой своей смертью Янъ Гуніади вышелъ все-таки побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Въ лицѣ Яна Гуніади съ исторической сцены сошла крупная личность, одаренная необыкновенной энергіей, сильнымъ умомъ. Вмѣстѣ съ нимъ Венгрія потеряла незамѣнимаго военнаго начальника, сумѣвшаго съ ничтожными силами вести многолѣтнюю войну съ турками. Узнавъ о его смерти, Эней Сильвій воскликнулъ: „вмѣстѣ съ нимъ погибли и всѣ наши надежды"!

Личные враги Яна Гуніади, среди которыхъ самымъ главнымъ и самымъ опаснымъ былъ упомянутый уже нами дядя короля Владислава Посмертнаго, Ульрихъ Цилійскій, хотѣли, во что бы то ни стало, загрязнить память объ этомъ національномъ героѣ, и еще надъ свѣжей могилой его создалась гнусная легенда о томъ, что Венгрія потеряла въ лицѣ Яна не спасителя своего, а предателя, готовившагося будто бы измѣнить своему отечеству. Сыновья Яна, и въ особенности его старшій сынъ Владиславъ, рѣшили реабилитировать честное имя своего отца. Ульрихъ Цилійскій, который былъ изобличенъ ими, и роль котораго во всей этой исторіи достаточно выяснилась послѣ того, какъ въ руки сыновей Яна Гуніади попались письма, посланныя имъ сербскому воеводѣ, въ которыхъ говорилось о способахъ истребленія „валахскихъ собакъ" (такъ называлъ онъ родъ Гуніадовъ), палъ отъ руки Владислава Гуніади. Король не только старался изгладить то впечатлѣніе, которое оставилъ его дядя благодаря своимъ инсинуаціямъ, но самъ объявилъ въ особомъ декретѣ, что Янъ Гуніади былъ государственнымъ измѣнникомъ, а его сына Владислава приказалъ казнить. Однако, вскорѣ послѣ этого умеръ и самъ Владиславъ Посмертный, и Венгрія опять осталась не только безъ короля, но и безъ правительства, такъ какъ прежніе государственные люди, которые вмѣстѣ съ Яномъ Гуніади заботились о судьбѣ своей страны, были давно уже отставлены отъ дѣла, или, благодаря стараніямъ придворной камарильи, томились въ заточеніи.

Венгерскій престолъ остался, наконецъ, за Фридрихомъ III, такъ какъ послѣ смерти Владислава Посмертнаго онъ былъ единственнымъ представителемъ австрійскаго дома, имѣвшимъ право престолонаслѣдія въ Венгріи. Но Фридрихъ могъ предъявить

свои притязанія только съ формальной стороны, а историческихъ правъ у него на Венгрію, какъ и вообще у Габсбурговъ, не было; поэтому смерть Владислава Посмертнаго, послѣдовавшая вскорѣ послѣ смерти Яна Гуніади и совпавшая съ тѣмъ прискорбнымъ событіемъ, которое создалось вокругъ имени „великаго" венгерскаго полководца и государственнаго дѣятеля, поставила вновь вопросъ о династіи ребромъ. Все серьезнѣе и громче раздавались голоса венгерскихъ общественныхъ и политическихъ руководителей въ пользу избранія короля изъ нѣдръ своей собственной націи, какъ нѣкогда изъ нѣдръ той же націи выросла героическая и блестящая династія Арпадовъ. Однимъ изъ такихъ кандидатовъ на престолъ венгерцами былъ выставленъ младшій сынъ Яна Гуніади, Матвѣй Корвинъ, воспитывавшійся въ Богеміи. Этотъ юноша, коему только-что минуло пятнадцать лѣтъ, не обманулъ надежды тѣхъ, которые, сплотившись въ единодушную армію „сорока тысячъ", готовы были съ оружіемъ отстоять своего кандидата на престолъ. Достойный сынъ „великаго" отца, онъ въ теченіе своего царствованія, начавшагося спустя годъ послѣ смерти Влалислава Посмертнаго, съ января 1458 года, сумѣлъ поднять Венгрію на такую высоту, на какой она не стояла еще ни въ эпоху своей первой національной династіи, ни въ царствованіе анжуйцевъ, этихъ строителей могущественныхъ державъ.

Во главѣ сорокатысячнаго движенія, направленнаго въ пользу кандидатуры на престолъ Матвѣя Корвина, стоялъ дядя его, Силади. Пештскій сеймъ, избравшій единодушно королемъ Венгріи потомка знаменитаго Гуніади, назначилъ, за его малолѣтствомъ, Силади правителемъ (gubernator) страны на пять лѣтъ. Юный король обнаружилъ, однако, почти съ первыхъ дней своего царствованія вполнѣ зрѣлый умъ и необыкновенную энергію. Главное вниманіе его привлекли вопросы внутренняго управленія страной, и внѣшней политикой онъ занимался постольку, поскольку это касалось судьбы и цѣлости его страны, отказываясь, впрочемъ, совершенно отъ какихъ бы то ни была агрессивныхъ намѣреній. Не желая связывать себя никакими обѣщаніями въ пользу высшаго дворянскаго сословія, опиравшагося всегда во всѣхъ своихъ поли-

тическихъ предпріятіяхъ, а равно и въ партійной борьбѣ, на симпатіи и благоволеніе къ нему монарха, Матвѣй очень рѣзко обошелся съ нѣкоторыми выдающимися его представителями, какъ съ Гарой, Уйлаки, а также и съ его роднымъ дядей Силади, котораго онъ, кромѣ всего, заподозрилъ еще въ желаніи узурпировать у него королевскую власть. Съ императоромъ же Фридрихомъ III, носившимъ также, вопреки желанію венгерскаго народа, титулъ короля Венгріи, Матвѣй Корвинъ заключилъ перемиріе на условіяхъ, удовлетворившихъ обѣ стороны. Матвѣй былъ объявленъ пріемнымъ сыномъ имѣвшаго права на венгерскій престолъ Фридриха, причемъ этотъ послѣдній передалъ якобы ему корону св. Стефана; кромѣ того, въ случаѣ, если послѣ смерти Матвѣя Корвина Венгрія опять останется безъ прямыхъ наслѣдниковъ, венгерская корона должна перейти къ Фридриху III.

Царствованіе всякаго короля въ Венгріи въ XV столѣтіи было чрезвычайно сложно и трудно. Сложно потому, что весь внутренній механизмъ государства былъ серьезно потрясенъ и нуждался въ исправленіи, чего можно было бы достигнуть только путемъ многихъ лѣтъ спокойно протекавшихъ царствованій; трудно же оно было вслѣдствіе разорительныхъ нашествій турокъ. Но Матвѣй Корвинъ, благодаря своимъ вышеупомянутымъ качествамъ, великолѣпно справился съ тѣми затрудненіями, которыя онъ встрѣчалъ, будучи на венгерскомъ тронѣ. Въ 1463 году опять возобновилась война на югѣ королевства съ упорными мусульманами, которые покорили въ это время Боснію и Валахію, забравъ въ плѣнъ до 200000 человѣкъ, — явленіе небывалое дотолѣ въ европейскихъ войнахъ. Матвѣй получилъ помощь изъ Венеціанской республики и отъ папы Пія II, и только тогда ему удалось отобрать у турокъ часть Босніи и только-что завоеванный ими Бѣлградъ, но этимъ вопросъ хотя бы объ относительномъ спокойствіи Венгріи и даже всей Европы еще не рѣшался. Необходимо было окончательно вытѣснить турецкія войска изъ областей, прилегающихъ къ южнымъ границамъ венгерскаго королевства, „и въ этомъ предпріятіи Венгрія, естественно, была мечомъ Европы“. Чешскій король Георгій Подебрадъ, на дочери котораго Матвѣй Корвинъ былъ женатъ, усло-

вился съ Франціей относительно образованія большой христіанской лиги для борьбы съ мусульманами, для чего онъ проектировалъ также созывъ вселенскаго собора; объ этомъ было сообщено Матвѣю черезъ французскаго посла Антуана Марини. Но Матвѣй Корвинъ отнесся къ этому проекту рѣзко-отрицательно, исходя изъ различныхъ соображеній, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было и то, что онъ не вѣрилъ въ какой бы то ни было благопріятный исходъ для интересовавшаго всю Европу дѣла на вселенскомъ соборѣ. Констанцскій соборъ—говорилъ Матвѣй—показалъ, что такіе вопросы не могутъ быть разрѣшены представителями всего христіанскаго міра, такъ какъ церковный расколъ создаетъ въ лицѣ представителей нѣкоторыхъ странъ политическихъ враговъ, борющихся постоянно между собой, а потому не могущихъ придти къ согласованному рѣшенію. И самъ онъ, давъ отвѣтъ посланному къ нему отъ Подебрада уполномоченному, показалъ свое непріязненное отношеніе къ богемскому королю. „Эту идею о созывѣ вселенскаго собора и объ образованіи христіанской лиги—сказалъ онъ—богемскій король долженъ былъ сообщить намъ раньше, чѣмъ составлять о нихъ проекты. Безъ сомнѣнія, онъ—мой отецъ и я—его сынъ, но сынъ имѣетъ также и свое собственное королевство, съ особыми границами, онъ имѣетъ достаточно своихъ совѣтниковъ и не нуждается въ совѣтахъ другихъ“.

Съ этихъ поръ отношенія Корвина къ своему тестю становятся крайне натянутыми, и хотя онъ, какъ мы уже сказали выше, старался избѣгать всякихъ конфликтовъ, могущихъ повлечь за собой долголѣтнюю войну, и признавалъ только войну оборонительную, тѣмъ не менѣе, чувство личнаго раздраженія у него взяло теперь верхъ надъ какими то ни было дипломатическими или политическими соображеніями. Личная вражда къ Георгію Подебраду возгорѣлась у Матвѣя Корвина вслѣдствіе принадлежности этихъ двухъ монарховъ къ различнымъ религіознымъ школамъ. Матвѣй Корвинъ былъ убѣжденнымъ католикомъ, фанатикомъ римской церкви; чешскій же король являлся въ этомъ отношеніи однимъ изъ самыхъ яркихъ антиподовъ его. Онъ стоялъ во главѣ гуситскаго движенія и былъ виднымъ руководителемъ и защитникомъ утраквистовъ. Для Кор-

вина было одинаково важнымъ истребить мусульманъ и утраквистовъ, такъ какъ и тѣ и другіе, по его мнѣнію, являлись общими врагами католической церкви и вообще всей Западной Европы, признававшей непогрѣшимость папы. Только-что вступившій на святой престолъ папа Павелъ II (1464) воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сталъ вести переговоры съ Корвиномъ объ объявленіи Подебраду войны, обѣщая ему большую денежную поддержку. Но какъ-разъ въ это время внутри Венгріи стало неспокойно, и Матвѣй Корвинъ долженъ былъ отложить на нѣсколько лѣтъ эту войну, вести которую онъ считалъ отнынѣ прямой обязанностью монарха, носящаго корону св. Стефана, одного изъ самыхъ рьяныхъ апологетовъ католицизма, какихъ только знавала Европа.

Возникшее неспокойствіе въ Венгріи въ 1464—1467 гг. явилось, однако, слѣдствіемъ того положенія, которое создалось благодаря почти непрерывнымъ войнамъ послѣднихъ лѣтъ. Средства государственной казны все болѣе и болѣе истощались, а для содержанія войскъ при военномъ положеніи требовались чрезвычайные расходы. Для изысканія новыхъ доходовъ сеймъ 1467 г. увеличилъ пошлину на всѣ ввозимые въ Венгрію иностранные товары, и суммы, собираемыя такимъ образомъ, считались неотчуждаемой собственностью короны, т.-е. это означало, что нація сама не имѣла права располагать ими и распредѣлять по своему усмотрѣнію, а ими распоряжалась одна только королевская власть. Не говоря уже о томъ, что одно изъ самыхъ старинныхъ правъ націи, право контроля надъ государственнымъ бюджетомъ, явно нарушалось этимъ нововведеніемъ сейма 1467 г., вызывая у массъ недовольство, это рѣшеніе имѣло еще и другое губительное вліяніе на процвѣтаніе въ Венгріи торгово-промышленной дѣятельности. Ввозимые товары страшно вздорожали, и вслѣдствіе этого значительно былъ сокращенъ спросъ на нихъ, что сразу отразилось на городской жизни. Особенно сильный протестъ раздался въ Трансильваніи, города которой процвѣтали и развивались благодаря крупному товарному обмѣну въ нихъ. Матвѣю Корвину пришлось усмирять своихъ подданныхъ, и возстановленіе спокойствія въ Трансильваніи, гдѣ городская буржуазія повела настоящую войну

противъ введенія новаго закона о пошлинахъ на товаръ, чуть не стоило ему его жизни.

Едва только затихъ этотъ мятежъ городскихъ жителей, какъ Матвѣй Корвинъ сталъ дѣлать приготовленія къ войнѣ съ гуситскимъ королемъ Подебрадомъ, вступившимъ, кстати сказать, въ открытую борьбу съ папой. Двинувъ свои густыя колонны войскъ съ образцовой артиллеріей на Прагу, Корвинъ обратился къ католическому населенію Чехіи съ воззваніемъ: „Я предпринялъ войну, чтобы защитить васъ противъ еретиковъ,—говорилось въ этомъ обращеніи къ чешскимъ католикамъ.—Такъ какъ это болѣе въ вашихъ интересахъ, чѣмъ въ нашихъ, то приготовьтесь поскорѣе къ тому, чтобы придти къ намъ на помощь"! То же самое говорилось и въ его манифестѣ къ европейскимъ монархамъ. Вообще Корвинъ старался показать, что эту войну онъ затѣялъ не въ личныхъ, эгоистическихъ интересахъ, а потому, что „если не искоренить теперь эту ересь (утраквистовъ), то надо опасаться за Западную церковь, особенно въ Германіи, ибо гуситы, все размножаясь и торжествуя, точно самъ Богъ покровительствуетъ имъ въ этомъ дѣлѣ, проникнуть и туда". „Императоръ относится къ этому холодно,—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—польскій король бѣденъ, а германцы предались лѣности",—и поэтому война противъ Георгія Подебрада поднята мадьярскимъ королемъ.

Первый періодъ этой войны закончился удачно для венгерцевъ; Вся Моравія была завоевана ими, благодаря жителямъ городовъ этой области, принадлежавшимъ почти сплошь къ католикамъ. Считая войну проигранной, Георгій Подебрадъ заключаетъ съ венгерскимъ королемъ перемиріе, и уже въ Ольмюцѣ собирался конгрессъ для окончательной выработки условій этого мира, какъ вдругъ Корвинъ взялся вновь за оружіе. Католики и папа, узнавъ о прекращеніи войны въ тотъ моментъ, когда враги гуситовъ могли стать покровителями всей Чехіи, этого гнѣзда всякой религіозной ереси, забили тревогу и протестовали противъ того, что Матвѣй Корвинъ, правовѣрный католикъ, вступаетъ въ переговоры съ королемъ еретиковъ. Продолжая, по настоянію папы, начатую съ такимъ успѣхомъ войну, Корвинъ попрежнему одерживалъ побѣду за побѣдой,

а 3 мая 1469 г. онъ былъ уже объявленъ чешскими католиками королемъ Богеміи и коронованъ въ ольмюцскомъ соборѣ. Вскорѣ, однако, счастье перешло на сторону гуситовъ, и они заставили Корвина удалиться въ Венгрію, такъ какъ ему грозила опасность растерять всѣ свои военныя силы. Въ 1471 году умираетъ Георгій Подебрадъ, и на чешскій престолъ, по его завѣщанію, былъ избранъ польскій король, Владиславъ Ягеллонъ. Обстоятельства слагаются съ этого времени чрезвычайно неблагопріятно для Матвѣя Корвина, который хотѣлъ все-таки довести эту войну до конца, т.-е. „истребить“ гуситовъ и сдѣлать католицизмъ господствующей религіей въ Чехіи. Его безпокоитъ присутствіе на югѣ Венгріи турецкихъ полчищъ, во главѣ съ Магометомъ II, и, кромѣ того, въ самой Венгріи былъ обнаруженъ противъ него заговоръ, душой котораго былъ прелатъ Витезъ. Но Корвинъ быстро справился съ этимъ заговоромъ и перешелъ въ наступленіе противъ чеховъ. Въ Силезіи онъ одержалъ блестящую побѣду, послѣ которой чехи предложили ему миръ (12 февраля 1475), отдавъ Венгріи всю Моравію и часть Силезіи. Съ 1475 по 1490 г. Матвѣй Корвинъ ведетъ непрерывную войну съ турками, одолѣть которыхъ было гораздо труднѣе, чѣмъ гуситовъ, ибо Магометъ II увеличилъ къ этому времени свою армію и обзавелся прекрасной артиллеріей. Кромѣ того, Магометъ построилъ, во время войны Корвина съ чехами, цѣлый рядъ хорошо защищенныхъ укрѣпленій вдоль рѣки Савы. Оставивъ, вмѣсто себя, правителемъ страны одного изъ выдающихся венгерскихъ полководцевъ, Эмерика Заполья, Корвинъ отправился самъ для сраженія у этихъ укрѣпленій съ турками. Согнавъ ихъ съ этихъ позицій, онъ при помощи Баторія, намѣстника Венгріи, вытѣснилъ турокъ и изъ Молдавіи, гдѣ княжескій тронъ былъ уже почти завоеванъ Магометомъ II. Во время этой кампаніи Матвѣй Корвинъ имѣлъ столкновеніе съ Фридрихомъ III, германскимъ императоромъ, который отказывался признать заключенный между Венгріей и Чехіей въ 1475 г. миръ. Въ этой короткой, но слишкомъ ожесточенной войнѣ, Фридрихъ потерпѣлъ ужасныя пораженія и долженъ былъ, спасаясь отъ врага, скрыться въ Линцъ. Король венгерскій—разсказываютъ очевидцы этой войны съ Австріей—ѣхалъ впереди сво-

ихъ войскъ въ золоченой каретѣ, съ женой и матерью своей, точно на свадьбу. Въ концѣ концовъ, Фридрихъ вынужденъ былъ признать Силезію и Моравію владѣніями Венгріи (1485) и избавиться, такимъ образомъ, отъ позорнаго завоеванія Австріи венгерцами. Дальнѣйшая война съ турками въ царствованіе Матвѣя Корвина была благопріятной для Венгріи и кончилась тѣмъ, что султанъ Баязетъ II, вступившій на престолъ послѣ смерти Магомета II, попросилъ у Корвина перемирія на пять лѣтъ.

Успѣхи Матвѣя Корвина во всѣхъ предпринятыхъ имъ войнахъ поставили его на недосягаемую высоту. Венгерцы гордились своимъ „національнымъ“ королемъ, придавали большое значеніе тому, что онъ не принадлежалъ къ какой-нибудь европейской династіи, а былъ взятъ, такъ сказать, изъ своей собственной среды. Но если остановить свое вниманіе на царствованіи этого самаго выдающагося монарха описываемой эпохи, то мы увидимъ, что главныя его достоинства заключались не столько въ томъ, что онъ былъ искуснымъ полководцемъ, сколько въ цѣломъ рядѣ реформъ и предпріятій, направленныхъ для внутренняго процвѣтанія своей страны. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Матвѣй Корвинъ былъ первымъ венгерскимъ королемъ, который искренно признавалъ необходимость конституціоннаго образа правленія и который видѣлъ въ этомъ лучшій залогъ внутренняго спокойствія и прочности королевской власти. При немъ сеймъ созывается не каждые три года, какъ это слѣдовало по установившимся обычаямъ его предмѣстниковъ, а ежегодно, причемъ верхняя палата, гдѣ засѣдало высшее дворянство и духовенство, функціонировала почти непрерывно. Историки этой эпохи говорятъ, что для рѣшенія важныхъ и серьезныхъ вопросовъ Матвѣй Корвинъ всегда созывалъ сеймъ изъ двухъ палатъ, верхней и нижней, и верхняя палата исполняла при немъ функціи королевскаго совѣта. Однимъ словомъ, этотъ просвѣщенный монархъ Венгріи слѣдовалъ въ своемъ царствованіи старинному обычаю германцевъ, у которыхъ менѣе важные вопросы рѣшались совѣтомъ избранныхъ, а болѣе серьезные—всей націей, поскольку, конечно, представители второй венгерской палаты могли считаться выразп-

телями націи. Матвѣй Корвинъ способствовалъ также и развитію мѣстнаго самоуправленія и старался чаще созывать комитатскія конгрегаціи. Расширеніемъ правъ мѣстныхъ сеймовъ, куда посылались представители отъ всего населенія комитатовъ, Корвинъ полагалъ положить предѣлъ обособленію высшаго дворянскаго сословія отъ остальныхъ сословій, которое, по его мнѣнію, гибельно отражалось на всемъ ходѣ государственной жизни. Политическая самостоятельность, осуществляемая союзомъ всѣхъ высшихъ сословій, казалась ему необходимымъ условіемъ будущаго процвѣтанія страны. Онъ вводитъ въ комитатахъ должность „высшихъ графовъ“ (főispan), которые назначались самимъ королемъ, и у которыхъ были свои помощники, избираемые всегда комитатскимъ дворянствомъ. Другая сторона его внутреннихъ реформъ была чисто-просвѣтительная. Матвѣй Корвинъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и знающихъ монарховъ своей эпохи. Интересуясь лично всѣмъ положительно, онъ стремился къ тому, чтобы и страна его считалась самой передовой изъ европейскихъ государствъ. Онъ построилъ на холмѣ, гдѣ нынѣ находится Буда, великолѣпный и составлявшій въ то время чудо искусства дворецъ, отличавшійся необыкновеннымъ богатствомъ и роскошью. При этомъ дворцѣ, въ особомъ зданіи, помѣщалась знаменитая библіотека, извѣстная подъ именемъ „Corvina“, содержащая свыше пятидесяти тысячъ манускриптовъ на различныхъ языкахъ. При этой библіотекѣ находился цѣлый штатъ ученыхъ людей (30 человѣкъ), которые снимали копіи съ лучшихъ произведеній или манускриптовъ того времени. Разсказываютъ, что, интересуясь платоновской философіей, Матвѣй Корвинъ собралъ большую литературу спеціально по этому вопросу. Сравнительно недавно изобрѣтенное книгопечатаніе въ его время достигло здѣсь большихъ размѣровъ, и въ одномъ Буда-Пештѣ насчитывалось одиннадцать книжныхъ магазиновъ, распространявшихъ книги не только въ самой Венгріи, но и въ другихъ странахъ. Эта библіотека—самая цѣнная сокровищница въ Европѣ, по словамъ современниковъ, была расхищена въ XVI столѣтіи, во время владычества въ Венгріи турокъ, но и теперь въ нѣкоторыхъ европейскихъ библіотекахъ и въ Константинополѣ можно найти отдѣльные экзем-

пляры манускриптовъ изъ знаменитой Corvina. Незадолго до своей смерти Матвѣй Корвинъ задумалъ построить грандіозный университетъ, но, къ сожалѣнію, осуществить ему лично эту идею не пришлось. Онъ былъ все-таки построенъ послѣ его смерти и назвался Academia Corviniana, съ факультетами теологическимъ и философскимъ, и просуществовалъ до битвы при Могачѣ, когда погибло вообще все былое величіе венгерскаго королевства.

4 апрѣля 1490 г. Матвѣй Корвинъ неожиданно скончался въ возрастѣ 50 лѣтъ отъ отравленія, съѣвши фигу, начиненную ядомъ. Умирая, онъ сказалъ о себѣ: „Побѣжденная Австрія свидѣтельствуетъ о моей силѣ. Я былъ страшилищемъ всего міра; императоръ Германіи и императоръ турокъ трепетали передо мной; одна только смерть могла скосить меня". И, дѣйствительно, эти слова не были преувеличены. Венгрія, кажется, еще никогда не достигала такого величія со времени прекращенія первой національной династіи, какъ въ концѣ XV вѣка; царствованіе Матвѣя Корвина, народнаго избранника, считается „золотымъ вѣкомъ" умственной, экономической и политической жизни венгерцевъ. Умеръ Матвѣй Корвинъ, исчезла и справедливость,—такова народная молва, которой былъ сопровожденъ въ могилу сынъ выдающагося родоначальника и знаменитаго правителя Венгріи, Яна Гуніади.

Смерть Матвѣя Корвина была для венгерскаго народа больше, нежели утрата справедливаго и просвѣщеннаго монарха. Она знаменовала собой полное духовное и матеріальное паденіе государства. Въ томъ положеніи, въ какомъ здѣсь всегда находился вопросъ династическій, отсутствіе монарха, даже временное, могло ежечасно вызвать самыя серьезныя осложненія. Это и случилось на созванномъ, по случаю смерти Матвѣя Корвина, сеймѣ 17 мая, гдѣ вопросъ о наслѣдованіи королю вызвалъ самые бурные протесты со стороны высшей знати, не любившей покойнаго монарха за его пренебрежительное къ ней отношеніе. Сына его, Яна Корвина, она не желала видѣть на королевскомъ тронѣ, такъ какъ была увѣрена, что онъ пойдетъ по стопамъ своего отца. Изъ двухъ другихъ кандидатовъ—германскій императоръ Максимиліанъ I и чешскій король Владиславъ II Ягеллонъ—первый былъ отклоненъ, по-

тому что былъ враждебно настроенъ къ венгерской націи, второй же былъ одобренъ и избранъ на сеймѣ 17 мая, какъ болѣе подходящій къ данному политическому моменту, и, кромѣ того, такимъ путемъ отстранялся призракъ войны изъ-за Моравіи, которую, по-видимому, чехи стремились отвоевать у венгерцевъ.

Однако, царствованіе Матвѣя Корвина вселило въ дворянскомъ высшемъ сословіи мысль о томъ, что если оно не завоюетъ себѣ теперь господствующаго положенія, то та тенденція нивелированія всей венгерской аристократіи, которая такъ рѣзко проявилась при этомъ монархѣ, повлечетъ къ окончательной гибели ея верховъ. Такимъ образомъ, какъ обнаружилъ сеймъ 17 мая 1490 г., хотя король Венгріи и былъ избранъ, тѣмъ не менѣе, господствующее положеніе заняли высшіе дворяне. Они-то рѣшили править отнынѣ страной и верховодить всѣми государственными дѣлами. Но съ этого момента внутренняя жизнь Венгріи не только не вступаетъ въ нормальную фазу развитія, а, наоборотъ, запутывается еще больше и создаетъ междоусобную войну въ нѣдрахъ аристократическаго сословія. Низшіе дворяне, сдѣлавшись при Корвинѣ почти равноправными съ магнатами и графами членами націи и, во всякомъ случаѣ, равноцѣнными элементами государства, не желали уступить теперь ни въ чемъ своимъ старшимъ по рангу чинамъ. Отъ перваго послѣ смерти Матвѣя Корвина сейма до второго, на которомъ произошло открытое столкновеніе этихъ двухъ фракцій избраннаго и привилегированнаго сословія, прошло восемь лѣтъ, и въ теченіе этого времени въ странѣ образовалась партія, руководимая низшимъ дворянствомъ, настроенная враждебно ко всякимъ вообще иностраннымъ династіямъ. Династическій вопросъ сдѣлался уже не столько вопросомъ утвержденія той или иной желательной странѣ династіи, а являлся, такъ сказать, знаменіемъ одного или другого политическаго теченія, борющагося за право своего господства. Національные короли имѣли много сторонниковъ въ средѣ низшихъ дворянъ, такъ какъ царствованіе Матвѣя Корвина убѣдило ихъ въ томъ, что національные интересы, да и интересы ихъ класса будутъ такимъ образомъ ограждены гораздо рѣшительнѣе. Высшее же аристократическое сословіе находило для себя цѣлесообразнымъ утвержденіе въ

Венгріи чужеземцевъ, съ которыми легко было вступать во всякіе компромиссы, такъ какъ избраніе всякой иностранной династіи опиралось здѣсь на болѣе или менѣе искусственную комбинацію политическихъ партій, а не на единогласное и искреннее желаніе всей націи. Въ эту эпоху изъ среды низшихъ дворянъ выдвинулся одинъ чрезвычайно образованный и выдающійся политическій дѣятель, протонотаріусъ Вербеци, который явился единственнымъ способнымъ руководителемъ на сеймовыхъ собраніяхъ. Зная отлично юридическія науки, онъ претворялъ въ правовыя нормы то, что вытекало изъ соотношенія двухъ элементовъ аристократическаго сословія, причемъ онъ, какъ идеологъ низшихъ дворянъ, старался всегда доказывать своими юридическими толкованіями, что существуетъ одно только дворянское сословіе, единое и недѣлимое, равное передъ законами страны, несмотря на дѣленіе его на магнатовъ и просто дворянъ. По иниціативѣ этого Вербеци, настаивавшаго непремѣнному на избраніи національной династіи и отвергавшаго въ то же время какой бы то ни было насильственный переворотъ, была придумана своеобразная комбинація. Когда Владиславъ II, прозванный Добрымъ, былъ тяжко боленъ, тогда ему было предложено выдать замужъ единственную свою дочь, молодую еще Анну, за сына одного изъ самыхъ близкихъ къ Матвѣю Корвину лицъ, Эмерика Запольи, Яна, чтобы передать, такимъ образомъ, скипетръ и корону основателю новой чисто-національной династіи. Но Владиславъ категорически отказался отъ этого предложенія, заявивъ, что онъ надѣется еще долго жить и оставить послѣ себя сына, къ которому и перейдетъ право на венгерскій престолъ.

Этими внутренними неурядицами въ венгерскомъ королевствѣ воспользовался германскій императоръ и король Австріи, Максимиліанъ I. Австрія въ это время достигла полнаго могущества и заняла первое мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ. Въ царствованіе Максимиліана въ составъ австрійской монархіи входятъ: Штирія, Тироль, Каринтія и Крайна, а также все побережье Адріатическаго моря, лежащее между Тріестомъ и Фіумэ. Австрія становилась, такимъ образомъ, одной изъ самыхъ главныхъ частей германской имперіи, но Максимиліанъ мечталъ о еще большемъ мо-

гуществѣ этого государства, для чего задался цѣлью покорить на сѣверѣ—Чехію, а на востокѣ—Венгрію. Это казалось ему возможнымъ потому, что и то и другое государства находились подъ скипетромъ одного и того же монарха, и уничтожить власть Владислава II означало и уничтоженіе самостоятельности и независимости этихъ двухъ королевствъ. Вскорѣ послѣ болѣзни Владислава Максимиліанъ вступилъ съ нимъ въ войну безъ всякой внѣшней причины, руководствуясь только мотивами, упомянутыми выше. Онъ проникъ въ Венгрію до самаго Стольнаго Бѣлграда (Albe-Royale) и заставилъ Владислава подписать договоръ, по которому венгерское королевство должно было перейти къ австрійской династіи на случай, если послѣ смерти Владислава не будетъ прямого наслѣдника на престолъ по мужской линіи. Извѣстіе объ этомъ договорѣ ошеломило венгерскихъ дворянъ, которые ожидали, что условія перемирія будутъ, во всякомъ случаѣ, обсуждаться на сеймѣ. Послѣдній былъ созванъ въ 1505 году, послѣ заключеннаго Владиславомъ договора съ германскимъ императоромъ, но послѣ бурныхъ протестовъ имъ была издана слѣдующая декларація, авторомъ которой называютъ Вербеци: „Наше королевство часто управлялось иностранными монархами. Но никогда еще оно не страдало такъ жестоко, какъ въ царствованіе этихъ королей, въ царствованіе тѣхъ монарховъ, для которыхъ языкъ нашей страны былъ совершенно чуждымъ. Занятые своими семейными дѣлами вмѣсто того, чтобы изучать нравы и обычаи скиеской націи, сдѣлавшейся цѣной своей собственной крови владычицей той земли, на которой она живетъ, эти чужеземцы предались скорѣе праздности, чѣмъ преодолѣли трудности, которыя влечетъ за собой всякая война. Вслѣдствіе этого благодаря ихъ безпечности мы потеряли Сербію, Галицію, Лодомерію, Болгарію, Далмацію и много крѣпостей. Эта потеря нашихъ границъ ввергаетъ насъ въ опасность быть пораженными врагомъ въ самое сердце нашей территоріи до тѣхъ поръ, пока нація изъ любви къ своему отечеству не изберетъ способнаго короля изъ своей собственной среды“. Кромѣ того, этотъ же сеймъ постановилъ считать предателемъ страны всякаго, кто осмѣлится поддерживать иностранныхъ претендентовъ. Эта декларація, за под-

писью выдающихся политическихъ дѣятелей Венгріи была разослана по всѣмъ комитатамъ.

Актъ венгерскаго сейма 1505 г. свидѣтельствовалъ о полномъ паденіи монаршаго престижа. Онъ вселялъ въ сердца народа недовѣріе къ избранному королю-чужеземцу и заставлялъ трепетать всю націю за будущую судьбу своего отечества. Какъ же отнесся самъ король къ этой оппозиціи, которая охватила теперь не только низшихъ дворянъ, но и магнатовъ и прелатовъ? Онъ продолжалъ игнорировать декларацію сейма и считалъ себя въ вопросѣ о правѣ наслѣдованія на венгерскій престолъ не связаннымъ никакими обязательствами передъ страной, его избравшей. Мало того, онъ еще болѣе подчеркнулъ свое стремленіе къ водворенію въ Венгріи австрійской династіи тѣмъ, что обѣщалъ выдать дочь свою Анну за сына Максимиліана, эрцгерцога Фердинанда. Вскорѣ, однако, у Владислава родился сынъ (1506), и это событіе сразу прекратило всякія препирательства венгерскаго сейма съ королемъ по вопросу о будущей судьбѣ короны Св. Стефана, хотя Максимиліанъ не терялъ надежды на присоединеніе Венгріи къ Австріи утвержденіемъ тамъ австрійской династіи. На созванномъ имъ въ томъ же году сеймѣ Максимиліанъ заявилъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени преподнести германской имперіи короны чешскаго и венгерскаго королевствъ, если будетъ имѣть помощь извнѣ, и „если венгерцы будутъ приведены къ повиновенію".

Рожденіе наслѣдника съ первыхъ же дней открыло передъ венгерцами далеко непріятную перспективу. Онъ былъ слабый, больной и не подавалъ надеждъ къ долголѣтней жизни, а, кромѣ того, самъ Владиславъ смотрѣлъ на него какъ на средство къ достиженію своихъ династическихъ интересовъ. Едва наслѣднику минулъ одинъ годъ, какъ отецъ его обѣщалъ Максимиліану женить своего сына, Людовика, на дочери его, Маріи Австрійской. Этимъ да еще королевскимъ дипломомъ 1508 г., въ силу котораго Максимиліанъ I назначался опекуномъ Людовика и Анны, Владиславъ окончательно возстановилъ противъ себя всю венгерскую націю, и лежащая между нимъ и сеймовой оппозиціей пропасть становилась все глубже и шире.

Въ то время, какъ между королемъ и націей шелъ разладъ, венгерское общество находилось наканунѣ ужасныхъ бѣдствій. Экономическія отношенія становились все болѣе запутанными, и крестьянство, составлявшее здѣсь всегда численный перевѣсъ надъ остальными слоями націи, было ввергнуто въ рабство. Правительственная власть не заглядывала въ глубину народной жизни. Ея интересы сталкивались только съ интересами того сословія, которое руководило всей общественно-политической жизнью страны, и поэтому въ самомъ венгерскомъ государственномъ устройствѣ лежалъ какой-то дуализмъ. Тамъ, на самой верхней ступени соціальной лѣстницы дворянство проявляло самое дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ; оно составляло оппозицію, проводило новыя реформы, порой диктовало королямъ условія, при которыхъ возможно было царствованіе избранныхъ правителей; а здѣсь, внизу, представлялась совершенно иная картина. Порядки хозяйственной жизни, поставившіе крестьянъ въ исключительныя условія зависимости отъ помѣщиковъ-дворянъ, давно уже сдѣлались неприкосновенными.

Тѣмъ не менѣе, трудящіяся массы зашевелились. Стоило только проникнуть въ Венгрію новымъ религіознымъ ученіямъ, такъ быстро распространившимся въ XV столѣтіи по всей Европѣ, съ ихъ пропагандой идеи соціальнаго равенства, какъ деревня стала проявлять признаки неспокойствія. Въ особенности проявлялись частыя вспышки правосознанія у крестьянъ, живущихъ въ Трансильваніи, у такъ называемыхъ секлеровъ, которые больше всѣхъ страдали отъ дворянскаго эгоизма и помѣщичьяго произвола, и поэтому грознѣе другихъ поднявшіе знамя возстанія въ 1514 году. Во главѣ трансильванскихъ крестьянъ стоялъ нѣкій Дожа, которому пришлось сыграть крупную историческую роль. Венгерское великое возстаніе крестьянъ подготовлялось долгими годами дворянскаго господства и эксплуатаціи, но вспыхнуло оно неожиданно и случайно, и, когда оно вспыхнуло, то въ лицѣ Дожи нашелся отважный и популярный руководитель. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Присутствіе турокъ у границъ Венгріи безпокоило римскій престолъ. Папа опасался за судьбу всей Европы, и, по его иниціа-

тивѣ, былъ объявленъ крестовый походъ противъ „нечестивцевъ“. Извѣстіе объ этомъ было передано венгерцамъ черезъ папскаго легата, кардинала Бакача; однако, венгерскій король принялъ его неохотно. Дѣло въ томъ, что какъ-разъ въ это время венгерцы заключили съ турками перемиріе, и Владиславъ разсчитывалъ укрѣпиться, а въ случаѣ возникновенія войны покончить съ этимъ врагомъ, опираясь на свои собственныя военныя силы. Упорнымъ противникомъ крестоваго похода выступилъ также государственный казначей Стефанъ Телегди, который произнесъ на созванномъ для рѣшенія этого вопроса королевскомъ совѣтѣ горячую рѣчь. „Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ Телегди,—что булла, призывающая къ крестовому походу, соберетъ многочисленную толпу, но изъ кого будетъ состоять этотъ народъ? Это будутъ, большей частью, нищіе, бездомные бродяги, бѣглые преступники, которые подъ видомъ крестоносцевъ станутъ учинять новыя злодѣянія. Я не сомнѣваюсь также, что подъ знамя креста стекутся крестьяне и сельскіе жители въ большомъ количествѣ, но это опять-таки будутъ тѣ, кто уклоняется отъ работы, кто избѣгаетъ наказанія и стремится изъ недовольства своими хозяевами отомстить имъ. Ну, а что, если дворянство вслѣдствіе неисполненія крестьянами барщины, будетъ жаловаться на уменьшеніе доходности со своихъ помѣстій, потребуетъ назадъ этихъ ушедшихъ крестьянъ или насильно удержитъ ихъ у себя? Что, если для того, чтобы принудить ихъ вернуться въ помѣстья, дворяне бросятъ въ темницы ихъ женъ и дѣтей? Думаете ли вы, что эта вооруженная толпа крестоносцевъ будетъ терпѣть все это и не нападетъ изъ мести на дворянъ? Думаете ли вы, что они послушаются васъ или какого-нибудь вашего начальника? Соединившись съ пришельцами изъ Богеміи и Польши, они обрушатся на насъ, и тогда наступитъ гибель для всего нашего дворянскаго сословія. Дай Богъ, чтобы я оказался плохимъ пророкомъ!“... Далѣе, Телегди настаивалъ на томъ, что если уже объявить крестовый походъ, то въ немъ должны принимать участіе только состоятельные классы, тѣ, которые смогутъ составлять ополченіе на свои собственныя средства.

Тѣмъ не менѣе, кардиналъ Бакачъ продолжалъ свое дѣло;

онъ всюду подымалъ народъ на святое дѣло борьбы противъ мусульманъ. Ему помогалъ въ этомъ крестьянинъ Дожа, который просто хотѣлъ воспользоваться моментомъ, когда угнетенныя трудящіяся массы объединятся, чтобы повести ихъ противъ помѣщиковъ. Онъ собралъ первое ополченіе изъ крестьянъ, находящихся въ окрестностяхъ Пешта въ количествѣ 40000 человѣкъ, которые назывались куруцами (крестоносцы), и незамѣтно эта армія голодныхъ рабовъ росла, достигнувъ въ короткое время такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что дѣйствительно, какъ предсказывалъ Телегди, помѣщики могли жаловаться на отсутствіе рабочихъ рукъ и на упадокъ сельскаго хозяйства. Правительство и правящее дворянское сословіе испугались этой, хотя еще пассивной, но уже объединенной арміи мужиковъ, и старались скорѣе направить ее къ южнымъ границамъ, чтобы втянуть ее въ войну съ турками. Въ это время Дожа разослалъ по всѣмъ комитатамъ прокламаціи, въ которыхъ призывалъ крестьянъ на войну съ феодалами. Такимъ образомъ, началась страшная жакерія, о которой венгерскіе помѣщики не имѣли до сихъ поръ понятія. Все, что было пріобрѣтено дворянами цѣлыми вѣками, уничтожалось огнемъ и мечомъ куруцевъ. „Благо будетъ тѣмъ, кто овладѣетъ дворянскимъ имуществомъ и истребитъ вѣроломныхъ и проклятыхъ помѣщиковъ,—говорилось въ посланіяхъ къ крестьянамъ. — Если же вы не сдѣлаете этого, то горе вамъ! вы не избѣгнете страшныхъ наказаній. Вы будете повѣшены на воротахъ вашихъ городовъ или посажены на колы передъ вашими же домами, ваше имущество будетъ разорено, дома разрушены, ваши жены, дѣти и родственники умрутъ мучительной смертью“.

Видя, что вся страна пылаетъ въ огнѣ, дворяне собрались и составили свое войско, которое повело ожесточенную борьбу противъ крестьянъ. Потоки дворянской и мужицкой крови залили все то пространство, которое было объято пламенемъ возстанія куруцевъ, и хотя помѣщики потерпѣли колоссальные матеріальные убытки, тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству современниковъ, на этихъ кровавыхъ поляхъ легло всего 600 дворянъ и до 60000 крестьянъ. Дожа былъ взятъ дворянами въ плѣнъ, которые расправились съ

нямъ самымъ жестокимъ образомъ, а семьи крестьянъ подверглись всякаго рода инквизиціямъ, на которыя способны были только мстившіе помѣщики. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и возставшіе крестьяне были усмирены; страна начала успокаиваться, но вся общественная жизнь сразу замерла, точно ее покрылъ ледяной покровъ,—до того было сильно впечатлѣніе пережитыхъ событій.

Среди этой зловѣщей тишины, когда притупилось у общества всякое желаніе такъ или иначе проявить свое участіе въ политической жизни страны, въ сеймѣ поднялся голосъ знаменитаго юриста Вербеци. Онъ доказывалъ необходимость теперь же выработать сводъ гражданскаго уложенія, гдѣ были бы разъ навсегда опредѣлены права націи, къ которой онъ причислялъ только дворянъ и жителей нѣкоторыхъ свободныхъ королевскихъ городовъ, и узаконены тѣ отношенія, которыя издавна установились между помѣщиками и ихъ рабами-крестьянами. Трудъ Вербеци, предложенный имъ сейму на утвержденіе и называвшійся Decretum tripartitum juris consuetudinarii, имѣетъ огромное историческое значеніе. Написанный вслѣдъ за постигшей страну ужасной крестьянской жакеріей, онъ отражалъ въ себѣ дѣйствительную, яркую психологію правящаго класса, онъ воздвигалъ на имѣвшемся уже фундаментѣ грандіозную, непроницаемую стѣну между привилегированными сословіями и трудящимися массами. Tripartitum Вербеци является „въ одно и то же время главнымъ монументомъ венгерской юриспруденціи и однимъ изъ самыхъ главныхъ документовъ соціальной исторіи страны“. Его главныя основанія заключались въ слѣдующемъ.

Прежде всего, Вербеци старается, путемъ историческаго изслѣдованія, показать въ своемъ вышеупомянутомъ трудѣ, что существуетъ одно только дворянское сословіе, и что дѣленіе его на магнатовъ и не-магнатовъ, на высшихъ и низшихъ дворянъ, является искусственнымъ, произвольнымъ. Мы уже говорили, что Вербеци былъ типичнымъ представителемъ низшаго дворянства, одинаково ненавидящимъ какъ олигархію магнатовъ, такъ и народоправство, требуемое крестьянами или вообще всѣми тѣми классами, которые стояли внѣ націи и не могли быть правоспособными сословіями. По

его мнѣнію, свобода и привилегіи даны всему дворянскому сословію, и магнатъ есть, въ сущности, обыкновенный дворянинъ, отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ государствѣ. Дворянское сословіе—говоритъ онъ далѣе—образовалось при самомъ зарожденіи венгерской націи, оно вербовалось изъ лицъ, отличавшихся въ бою и вообще всегда носившихъ военную службу; тѣ же, кто отказывался отъ этой службы, становились простыми сельскими жителями. Со времени перехода Венгріи въ христіанство, королевство и дворянство являются двумя другъ отъ друга зависящими учрежденіями, такъ какъ монархъ можетъ быть избранъ только дворянами, и одинъ только монархъ можетъ возводить въ дворянское сословіе. Вербеци возстаетъ также и противъ установившагося воззрѣнія по поводу того, что дары земельными угодіями создаютъ дворянскіе чины. Онъ доказываетъ какъ-разъ обратное: что можно стать дворяниномъ, не имѣя земельныхъ владѣній и происходя отъ кого бы то ни было, даже отъ разночинца. Итакъ, опредѣливъ достаточно ясно, что такое дворянство, Вербеци приступаетъ затѣмъ въ своемъ Tripartitum къ перечисленію тѣхъ привилегій, которыми располагаетъ это сословіе. Личность дворянина неприкосновенна, только одинъ король стоитъ по достоинству выше его; онъ освобожденъ отъ всякихъ налоговъ, онъ можетъ оказать сопротивленіе незаконнымъ дѣйствіямъ властей безъ того, чтобы быть уличеннымъ въ невѣрности, что влечетъ обыкновенно за собой проскрипцію. Проступки, уличающіе дворянина въ невѣрности, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Во-первыхъ, покушеніе противъ короля или короны, во-вторыхъ, фабрикація фальшивыхъ монетъ и поддѣлка королевской печати, затѣмъ преступленія, нарушающія общественный порядокъ, какъ поджоги и убійства, и, наконецъ, союзъ съ врагомъ отечества. Критической оцѣнкѣ Вербеци и точному его опредѣленію, согласно юридическимъ нормамъ, дѣйствовавшимъ въ то время, подверглись и наслѣдственныя права дворянъ. Опираясь на законодательные акты Людовика Великаго, т.-е. на акты второй половины XIV столѣтія, онъ устанавливаетъ необходимость королевской санкціи не только тогда, когда имущества переходятъ къ законнымъ наслѣдникамъ, но и тогда,

когда они достаются наслѣдникамъ незаконнымъ. Этимъ Вербеци стремился воспрепятствовать тому, чтобы церковь не обогощалась за счетъ фанатизма и слѣпого довѣрія большинства собственниковъ земли изъ дворянскаго сословія. Вообще Вербеци былъ убѣжденнымъ противникомъ возвышенія духовенства; онъ доказывалъ необходимость обособленности венгерской церкви отъ папской власти. По его мнѣнію, папа не имѣетъ права жаловать бенефиціями; въ его сферу входитъ только право распредѣленія епархій. Всякое духовное лицо обязано повиноваться законамъ страны и судится судомъ духовенства и въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное имъ преступленіе относится къ свѣтскимъ дѣламъ.

Но самая интересная и важная часть Tripartitum заключается въ попыткѣ Вербеци дать опредѣленіе, что такое законъ, и въ выясненіи того, какое положеніе должны занять въ странѣ тѣ классы, которые не принадлежатъ къ дворянамъ. „Со времени перехода венгерцевъ въ христіанство — говоритъ Вербеци—короли старались, послѣ созыва и опроса народныхъ представителей, дать странѣ конституцію. Однако, монархъ не можетъ своей собственной властью принимать какія бы то ни было рѣшенія, въ особенности если они касаются божественнаго или естественнаго права, или если эти рѣшенія наносятъ ущербъ древнимъ вольностямъ. Но если народъ утвердилъ эти законы, то отнынѣ они должны быть соблюдаемы... Это слово народъ (populus), употребленное здѣсь, означаетъ дворянъ и не-дворянъ; но здѣсь нѣтъ вовсе рѣчи о плебсѣ (plebs), который отличается отъ слова народъ по своему происхожденію. Если спросить, кто это тѣ, которыхъ связываютъ обычаи и королевскіе декреты, то слѣдуетъ отвѣтить, что первымъ изъ нихъ является самъ монархъ, согласно аксіомѣ: patere legem, quam tuleris ipse... Всѣ подданные монарха и даже иностранцы, живущіе въ венгерскомъ королевствѣ, равнымъ образомъ связаны между собой обычаями и декретами страны“. Отъ дворянства Вербеци рѣзко отмежевываетъ жителей городовъ, привилегіи которыхъ не одинаковы съ привилегіями дворянскаго сословія. Къ послѣднимъ, т.-е. къ жителямъ городовъ, онъ причисляетъ довольно многочисленный въ Венгріи классъ jobagyons, который составился

изъ различныхъ національностей, какъ саксонцы, славяне, валахи, румыны, мадьяры и другіе. Этотъ классъ, надо замѣтить, принималъ большое участіе въ возстаніи куруцевъ, что дало поводъ Вербеци утверждать, будто возмущеніе названнаго класса противъ дворянъ сдѣлало его разъ навсегда ненадежнымъ или, точнѣе, невѣрнымъ элементомъ въ государствѣ, а поэтому онъ долженъ быть „лишенъ всякой свободы и долженъ быть ввергнутъ въ рабство и зависимость отъ дворянъ навсегда“. Что же касается самихъ крестьянъ, то, по опредѣленію Вербеци, они не имѣютъ никакихъ правъ на землю, принадлежащую помѣщику, исключая только заработной платы за свой трудъ. Собственникомъ можетъ быть только дворянинъ. Крестьянинъ не имѣетъ также права вызывать на судъ дворянина.

Tripartitum Вербеци былъ принятъ сеймомъ въ 1515 г. и утвержденъ королемъ Владиславомъ. Хотя при другихъ историческихъ условіяхъ онъ вызвалъ бы со стороны высшаго дворянства сильный протестъ, такъ какъ онъ подкапывался подъ самыя основанія тѣхъ привилегій, которыми окружила себя венгерская знать, и лишалъ ея нѣкоторыхъ личныхъ выгодъ. Но теперь, въ виду обрушившагося на страну, собственно на дворянъ, несчастья, разъединяться и вести межлуклассовую борьбу было не въ ихъ интересахъ. Въ томъ же году, когда былъ утвержденъ Tripartitum, умеръ Владиславъ, оставивъ наслѣдникомъ своего малолѣтняго сына, Людовика II. Это событіе приблизило Венгрію къ окончательной гибели, къ знаменитой битвѣ при Могачѣ, послѣ которой турки стали доминировать надъ всей страной и утвердились тамъ на долгое время. Вмѣсто того, чтобы заняться вопросомъ объ оборонѣ страны на случай возобновленія войны съ турками,—вопросомъ, оставшимся совершенно неразрѣшеннымъ въ виду поворота крестоносцевъ въ другую сторону, противъ внутренняго врага, дворяне опять занялись спорами о томъ, кому поручить регенство: чужеземцамъ или представителямъ своей націи? Правда, этотъ вопросъ въ исторіи Венгріи всегда игралъ чрезвычайно серьезную роль, такъ какъ отъ него зачастую зависѣло не только направленіе внутренней политики, но и судьба всей страны. Однако, въ данную, описываемую нами эпоху, когда вся южная половина Венгріи была окружена плотнымъ

полукольцомъ хорошо вооруженныхъ и укрѣпившихся на своихъ позиціяхъ турокъ, судьба и цѣлость венгерскаго королевства зависѣли вовсе не отъ династическихъ споровъ. Въ эти мрачные годы царствованія Ягеллоновъ, умершаго Владислава и вступившаго на престолъ Людовика II, не только разлагалась политическая и соціальная жизнь Венгріи, но пало ея былое могущество, она растеряла всю свою армію, лишилась лучшихъ полководцевъ, и дворяне отвлечены были отъ военной службы, вслѣдствіе необходимости возстановлять порядокъ въ своихъ помѣстьяхъ, послѣ пронесшагося страшнаго урагана—крестьянской жакеріи. Кромѣ того, долгіе годы неудачныхъ царствованій, съ одной стороны, и крестьянское возстаніе 1513—1514, съ другой, расшатали всю финансовую систему государства. Правительство страшно нуждалось въ средствахъ, а доходовъ никакихъ не поступало, такъ какъ крестьянство, этотъ единственный классъ, платящій всѣ налоги, было обложено колоссальной контрибуціей, которую оно должно было выплачивать помѣщикамъ за понесенные ими убытки отъ жакеріи. Между тѣмъ все вниманіе страны было поглощено борьбой двухъ партій изъ-за назначенія опекуна надъ малолѣтнимъ Людовикомъ, во главѣ одной изъ которыхъ стоялъ Заполья, одинъ изъ главныхъ усмирителей куруцевъ, а во главѣ другой—Вербеци. Въ лицѣ этихъ двухъ представителей боролись высшіе и низшіе дворяне, и въ то время, какъ Заполья созываетъ въ Будѣ сеймъ изъ магнатовъ, Вербеци устраиваетъ въ Тельнѣ собраніе изъ представителей націи. При дворѣ же, по обыкновенію, образовалась своя особая партія. Мало того, Венгрія въ это время осталась совершенно изолированной отъ прочихъ европейскихъ государствъ, такъ какъ эти послѣднія были заняты событіями своей внутренней жизни и отвлеклись отъ первоначальнаго плана дѣйствовать за одно съ венгерцами противъ турокъ.

Въ 1521 году, когда на турецкій престолъ вступилъ Солиманъ Прекрасный, Венгрія понесла пораженіе, послѣ котораго ей не удалось уже оправиться. Палъ Бѣлградъ, а вмѣстѣ съ нимъ пало лучшее пограничное укрѣпленіе; отнынѣ туркамъ открывается свободный проходъ до самой венгерской столицы. Тогда только

враждующіе между собой дворяне поняли, что они находятся на краю гибели, и, по предложенію того же Вербеци, они рѣшили ассигновать необходимую для веденія войны сумму. Нѣкоторая надежда появилась у нихъ на то, что, достигнувъ къ этому времени совершеннолѣтія, король сможетъ привести въ порядокъ расшатавшійся государственный механизмъ, тѣмъ болѣе, что онъ только-что женился на Маріи Австрійской и этимъ еще прочнѣе связалъ Венгрію съ габсбургской монархіей. Но въ странѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, такъ какъ австрійскій король не предлагалъ своихъ услугъ Венгріи для поддержки ея въ войнѣ съ турками, а, напротивъ, желалъ даже ея ослабленія, чтобы потомъ безъ особыхъ затрудненій присоединить это государство къ габсбургской коронѣ. Людовикъ, тѣмъ не менѣе, попытался обратиться къ помощи Европы. Онъ писалъ англійскому королю: „Если ваше величество не окажетъ намъ немедленной поддержки, то королевство наше погибло". Но было уже поздно; турки распространились по всей Венгріи и доходили до австрійскихъ границъ. 25 апрѣля 1526 г. Солиманъ Прекрасный покинулъ Константинополь, имѣя въ своемъ распоряженіи сто тысячъ солдатъ и свыше трехсотъ пушекъ. Противъ такой арміи ни Венгрія, ни Австрія, по словамъ австрійскаго короля Фердинанда I, не могли выставить достаточную военную силу. Перейдя Драву и соединившись съ другой своей арміей, во главѣ которой стоялъ великій визирь Ибрагимъ, Солиманъ расположился недалеко отъ Могача, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ небольшой венгерской арміей, шедшей подъ командой самого молодого короля Людовика и двухъ извѣстныхъ полководцевъ, Переньи и Павла Темори. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе, и опредѣлилась дальнѣйшая исторія Венгріи. Объ этой войнѣ очевидцы разсказываютъ, что султанъ Солиманъ стоялъ на особомъ для него приготовленномъ возвышеніи, чтобы наблюдать за ходомъ сраженія. „Онъ былъ одѣтъ въ сверкающую броню; голова была покрыта каской, украшенной длинными перьями; онъ внимательно наблюдалъ какъ за врагомъ, такъ и за своей собственной арміей. Число турецкихъ всадниковъ было такъ велико, какъ велико количество звѣздъ... Воздухъ и вода представляли

собой одну сплошную огненную массу, на тѣлахъ сражавшихся выступалъ кровавый потъ и повсюду лились потоки крови... Венгерцы были одѣты съ ногъ до головы въ желѣзный панцырь, и одни только глаза ихъ казались горящими угольями въ покрывшемъ все поле сраженія дымѣ или сверкающими звѣздочками въ черномъ и густомъ туманѣ". Несмотря на свою малочисленность, венгерцы сражались съ большой ловкостью и не давали туркамъ пробить живую желѣзную стѣну, которую венгерцы составили своими покрытыми панцыремъ тѣлами. Но послѣ нѣсколькихъ схватокъ туркамъ удалось одержать побѣду, и Солиманъ двинулся по направленію къ венгерской столицѣ, предшествуемый трофеями изъ двухъ тысячъ отрѣзанныхъ съ венгерскихъ воиновъ головъ. Подъ Могачемъ погибъ король Людовикъ II, съ семью прелатами и двадцатью-двумя магнатами, а поле битвы было усѣяно двадцатью-двумя тысячами венгерскихъ солдатъ. Венгрія подверглась полному разоренію, великолѣпная библіотека Матвѣя Корвина была расхищена, а его дворецъ, это чудо искусства, и вообще всѣ выдающіяся сооруженія страны были уничтожены варварскими руками мусульманъ. Могачъ сдѣлался „могилой" венгерской независимости, такъ какъ отнынѣ Венгрія теряетъ свою политическую самостоятельность и долгое время находится подъ гнетомъ то турокъ, то австрійцевъ.

ГЛАВА V.

Распаденіе венгерскаго королевства.—Два столѣтія турецкаго владычества.—Упроченіе габсбургской династіи.—Прагматическая санкція.

Если бросить ретроспективный взглядъ на исторію Венгріи, изложенную нами въ предыдущихъ главахъ, то мы увидимъ, что она дѣлилась до сихъ поръ на два отдѣльныхъ періода. Первый періодъ венгерской исторіи охватываетъ эпоху кочующей жизни мадьяръ, съ ихъ чрезвычайно характерными, но не успѣвшими еще выкристаллизоваться, правовыми порядками, затѣмъ моментъ ихъ окончательнаго осѣданія на берегахъ Дуная и Тиссы и начала государственнаго устройства. Съ десятаго вѣка для Венгріи наступаетъ ея второй историческій періодъ, это пріобщеніе ея къ христіанской цивилизаціи, путемъ сближенія съ католической церковью, перекраиваніе мадьярскаго государства по образцу европейскихъ феодальныхъ монархій, въ которыхъ династія Арпадовъ играетъ рѣшающую роль. Наконецъ, въ этомъ же періодѣ Венгрія сначала при своихъ національныхъ короляхъ, а потомъ при анжуйцахъ и другихъ чужеземцахъ, которымъ выпало счастье носить корону Св. Стефана, расширяетъ свое географическое положеніе и становится однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государствъ въ Европѣ, затѣваетъ торговыя сношенія съ другими странами, ведетъ обширную внѣшнюю политику. Ея внутренняя жизнь отличается тѣми же качествами, что и жизнь другихъ европейскихъ, болѣе старыхъ государствъ, какъ Германія, Франція, Италія, т.-е. Венгрія имѣетъ постоянную образцовую армію, она имѣетъ многочисленное и богатѣйшее дворянское сословіе, а экономическая жизнь ея процвѣтаетъ благодаря существованію еще большаго количества трудового сословія, занимающагося обработкой земли. Но какъ ни

странно, а все-таки приходится констатировать тотъ фактъ, что къ концу первой половины XVI столѣтія, когда и завершается ея второй историческій періодъ, Венгрія утратила и свое величіе и свою независимость въ политическомъ отношеніи только потому, что она не выдержала всей той надстройки надъ ея общественно-правовыми порядками, которая сооружалась съ царствованія Св. Стефана. Весь ходъ венгерской жизни, съ момента утвержденія мадьярскаго государства, былъ насильственно, руками цѣлаго ряда вѣнценосныхъ законодателей, повернутъ въ противоположную сторону, оттого и роль монархической власти имѣетъ здѣсь въ эпоху между X и XVI вѣками такое огромное значеніе.

Присматриваясь ко всѣмъ перипетіямъ, имѣющимъ отношеніе къ избранію монарха на венгерскій престолъ, мы замѣчаемъ, что внѣ королевскаго скипетра и короны нѣтъ могущества Венгріи, и какъ бы сильно ни было правящее дворянское сословіе, а монархическая власть является фатальной неизбѣжностью мадьярскаго государства. Между тѣмъ не таково было первоначальное направленіе венгерской исторіи. Еще до Св. Стефана государство, согласно обычаямъ и установившимся понятіямъ мадьяръ, должно было покоиться на народномъ суверенитетѣ; народовластіе было отличительнымъ признакомъ этихъ „цивилизованныхъ варваровъ", обосновавшихся на европейскомъ материкѣ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись государствомъ монархическимъ par excellence, Венгрія отводитъ руководящую роль не націи, а королю, этому настоящему вершителю ея судебъ. Всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики становятся вопросами не государственными, не общенаціональными, а династическими; въ Венгріи нѣтъ настоящихъ политическихъ партій, а есть враждующіе между собой сторонники различныхъ династій, и чаще всего, даже различныхъ представителей одной и той же династіи. Увлекшись этой борьбой, борьбой за проведеніе своихъ кандидатовъ на престолъ, венгерскія сословія постепенно ушли отъ своей непосредственной задачи—руководить государственными дѣлами черезъ парламентъ, насколько послѣдній могъ сосредоточить въ себѣ дѣла, имѣющія государственное значеніе. Къ концу XV и началу XVI столѣтій въ венгерской политической

жизни наступаетъ полный хаосъ, и только такія выдающіяся личности, какъ Матвѣй Корвинъ или Янъ Гуніади, поднимаютъ венгерское государство на должную высоту, чтобы затѣмъ оно опять расшатывалось подъ вліяніемъ династическихъ споровъ или вслѣдствіе малосознанныхъ сословными представителями обязанностей передъ страной.

После битвы при Могачѣ или, говоря опредѣленнѣе, съ 1526 года Венгрія вступаетъ въ третій періодъ своей исторіи, который продолжается до нашихъ дней. Съ этого момента она разъ навсегда попадаетъ подъ власть чужеземныхъ монарховъ, а съ конца XVII столѣтія, послѣ изгнанія изъ предѣловъ Венгріи турокъ, она оккупировывается Австріей. Такимъ образомъ, осуществляется давнишняя мечта Габсбурговъ: соединить подъ крыльями австрійскаго орла два большихъ и сильныхъ государства.

Однако, трупы венгерскихъ воиновъ, покрывшіе родную землю при Могачѣ, сдѣлавшуюся добычей самаго опаснаго и непріятнаго врага, каковымъ вся Европа считала турецкаго султана, этого палача христіанъ, вызвали нѣкоторый подъемъ патріотизма и національнаго правосознанія у мадьярскаго дворянства. Оно все еще надѣялось воскресить изъ пепла свое государство и не хотѣло примириться съ мыслью о владычествѣ надъ Венгріей мусульманъ. Во главѣ этихъ патріотовъ стоялъ протонотаріусъ Вербеци, который изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей венгерскаго королевства въ описываемую эпоху отличался выдающимся умомъ и несокрушимой энергіей. По его настоянію, венгерскіе дворяне собрались на сеймъ въ его же имѣніи, находящемся въ комитатѣ Токай, для рѣшенія вопроса объ избраніи новаго короля Венгріи. Въ это время, какъ и раньше въ подобныхъ случаяхъ, составились двѣ партіи, каждая изъ которыхъ имѣла своего кандидата. Фердинандъ Австрійскій приложилъ всѣ усилія, чтобы обезпечить для себя корону Св. Стефана, но Вербеци и его единомышленники рѣшили, во что бы то ни стало, бороться противъ притязаній Габсбурговъ и выставили кандидатомъ въ короли Венгріи представителя стариннаго мадьярскаго рода, оказавшаго въ лицѣ своихъ предковъ неисчислимыя услуги родинѣ, Яна Заполья. Въ ноябрѣ 1526 года Янъ Заполья былъ коро-

нованъ епископомъ Нитры въ Секешѣ; но партія Фердинанда Австрійскаго не желала признать его королемъ Венгріи. Почти въ то же самое время въ Пресбургѣ, по инициативѣ другого политическаго дѣятеля эпохи и яраго противника Вербеци, Баторія, собирается другой сеймъ и провозглашаетъ своимъ королемъ Фердинанда. „Такимъ образомъ, образовались двѣ Венгріи: Восточная Венгрія, часто вынужденная вступать въ союзъ съ турецкими султанами, или поддерживаемая нейтралитетомъ послѣднихъ въ ея борьбѣ съ приверженцами Фердинанда, и Венгрія Западная, рѣшившая бороться подъ австрійскимъ знаменемъ за свою независимость". Этотъ дуализмъ въ венгерской политической жизни имѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, свои весьма дурныя послѣдствія, такъ какъ онъ вовсе не обезпечилъ Венгріи ея независимости, а заставилъ ее подпасть, черезъ извѣстный промежутокъ времени, подъ сюзеренитетъ той династіи или, точнѣе, той страны, которая оказалась побѣдительницей въ этой междоусобной войнѣ. Кромѣ того, неудобство этого положенія сказалось и въ Кроаціи, для управленія которой оба избранныхъ короля назначили двухъ бановъ.

Соперничество между этими двумя королями было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе проявлялась дѣятельность династическихъ партій. Никогда еще сеймы не собирались въ Венгріи такъ часто и никогда еще не представляли такого жизненнаго элемента въ государствѣ, какъ въ эту эпоху, отъ битвы при Могачѣ и до окончательнаго воцаренія Габсбурговъ въ мадьярскомъ королевствѣ. Магнаты объединились съ низшими дворянами и засѣдали въ одной палатѣ, вопреки старинному обычаю, дѣлящему сеймъ на верхнюю и нижнюю палаты, до того судьба короны Св. Стефана была одинаково дорога всему дворянству. Фердинандъ имѣлъ то преимущество передъ Яномъ I, какъ назывался на престолѣ Янъ Заполья, что онъ короновался въ настоящей коронѣ апостолическаго короля Св. Стефана, тогда какъ королевскій титулъ Заполья, пріобрѣтенный имъ безъ вѣнчанія въ коронѣ-реликвіи, символизирующей собой всѣ историческія традиціи монаршей власти въ Венгріи, казался его врагамъ простой фикціей. Но всѣ условія благопріятствовали упроченію на тронѣ Яна, національнаго короля. Съ нимъ

въ дружескихъ отношеніяхъ былъ французскій король Франциекъ I, такъ какъ къ австрійскому королю онъ питалъ издавна враждебныя чувства; на сторонѣ Яна были также и баварскіе князья, противившіеся росту габсбургскаго могущества. Только Польша не желала признать Заполья законнымъ королемъ; она отвѣтила послу послѣдняго, что Венгріи необходимо имѣть главой государства одного изъ представителей видныхъ европейскихъ династій, а не выходца изъ народа, хотя бы даже принадлежавшаго къ знатному дворянскому роду.

Національная партія и сторонники австрійскаго дома враждовали настолько, что не остановились передъ открытой войной, которая не обошлась безъ вмѣшательства турецкаго султана, сдѣлавшагося послѣ битвы при Могачѣ дѣйствительнымъ хозяиномъ Венгріи. Фердинандъ, который былъ избранъ уже королемъ Богеміи и который съ успѣхомъ повелъ войну въ Италіи, рѣшилъ вторгнуться въ Венгрію и изгнать оттуда своего соперника. Янъ Заполья вынужденъ былъ отступить передъ войсками Фердинанда и скрыться въ своихъ владѣніяхъ въ Токаѣ. Пользуясь этимъ замѣшательствомъ, Фердинандъ созвалъ въ Будѣ сеймъ, который состоялъ исключительно изъ его сторонниковъ, присягнувшихъ торжественно въ вѣрности королю изъ габсбургскаго дома. Янъ Заполья и Вербеци, главный руководитель національной партіи, были объявлены государственными измѣнниками. Тогда Заполья рѣшаетъ вступить въ союзъ съ турецкимъ султаномъ, чтобы такимъ путемъ, цѣной самой тяжелой жертвы—признаніе за Турціей сюзеренныхъ правъ въ Венгріи,—избавиться отъ фанатическаго католика и абсолютиста, какимъ былъ Фердинандъ Австрійскій.

Этотъ союзъ, однако, достался нелегко Яну. Два раза онъ посылалъ въ Константинополь своего посла, знаменитаго дипломата той эпохи, Ласко, поляка по происхожденію, для переговоровъ съ султаномъ. Этотъ послѣдній считалъ Венгрію разъ навсегда своей завоеванной страной и враждебно относился какъ къ одному претенденту на венгерскій престолъ, такъ и къ другому. „Развѣ ты не знаешь,—сказалъ великій визирь Ласко, когда тотъ въ первый разъ пытался заключить союзный договоръ съ турецкимъ импера-

торомъ, — что нашъ монархъ господствуетъ на землѣ, какъ солнце на небѣ“? Во всякомъ случаѣ, турецкій султанъ никогда не думалъ уступить кому-нибудь эту страну, но держать ее въ вассальномъ подчиненіи и собирать ежегодно, въ видѣ откупа, значительную контрибуцію составляло самый выгодный и удобный способъ турецкаго владычества. Лично султану Янъ Заполья и вообще національная партія были болѣе симпатичны, чѣмъ Габсбурги съ ихъ сторонниками, такъ какъ въ первыхъ онъ видѣлъ своихъ естественныхъ, покоренныхъ силою оружія, союзниковъ, тогда какъ въ стремленіяхъ Фердинанда ярко обнаруживалась извѣстная цѣль: присоединить Венгрію къ габсбургской монархіи и вытѣснить оттуда турокъ. Эту же цѣль собственно преслѣдовалъ и Янъ Заполь, но оная менѣе бросалась въ глаза и вызывала меньше подозрительности у турокъ. Но передъ заключеніемъ договора съ Яномъ турецкій султанъ сдѣлалъ ему внушительное предостереженіе, изъ котораго ясно было, что властелиномъ Венгріи считается только онъ, и что всякая попытка отвоевать ее будетъ встрѣчена самымъ жестокимъ вооруженнымъ отпоромъ. „Мы убили короля (Людовика II),—сказалъ онъ Ласко,—мы ѣли и спали въ его дворцѣ; королевство, стало-быть, принадлежитъ намъ. Ни корона, ни золото, ни драгоцѣнные камни не могутъ доставить власть; она пріобрѣтается желѣзомъ; только мечъ заставляетъ повиноваться. Итакъ, пусть твой монархъ протянетъ намъ свою руку и признаетъ насъ своимъ государемъ. Тогда мы сможемъ растереть въ порошокъ Фердинанда съ его друзьями, и пусть ихъ будутъ цѣлыя горы, — мы сравняемъ ихъ подъ копытами нашихъ коней. Знай, что наши когти проникаютъ гораздо глубже, чѣмъ когти соколовъ, и то, чѣмъ мы однажды овладѣли, мы болѣе уже не выпускаемъ изъ нашихъ рукъ“. Оффиціальное соглашеніе состоялось только 27 января 1528 года, когда султанъ Солиманъ призналъ Яна королемъ Венгріи, но находящимся подъ сюзеренным владычествомъ „побѣдителя при Могачѣ“. Одновременно Янъ велъ переговоры и съ другими державами, чтобы заручиться и съ ихъ стороны согласіемъ на случай, если султанъ утвердитъ его королемъ Венгріи. Французскій король Францискъ I заключилъ съ Яномъ договоръ, по которому престолонаслѣдникомъ

Венгріи считался до той поры, пока у Заполья не будетъ сына, герцогъ Орлеанскій. Кромѣ того, Францискъ обѣщалъ выдавать Яну ежегодно двадцать тысячъ талеровъ, чтобы онъ могъ безъ особыхъ денежныхъ затрудненій вести свою борьбу съ Фридрихомъ. Въ числѣ новыхъ друзей Яна появился извѣстный монахъ Мартинуци, который разъѣзжалъ по всей Венгріи и подымалъ народъ противъ австрійскихъ сторонниковъ.

Въ новой войнѣ Фердинандъ оказался побѣжденнымъ, но, считая себя настоящимъ королемъ Венгріи, онъ отправилъ къ султану пословъ своихъ, съ цѣлью попросить его держаться нейтралитета въ этой трагической борьбѣ двухъ династій. Несмотря на то, что во главѣ этого посольства стояли извѣстныя въ то время лица, какъ Вейксельбергеръ и Гоборданскій, Солиманъ принялъ ихъ чрезвычайно сурово. „Почему вы не требуете у меня, чтобы я отдалъ вамъ Константинополь"?—отвѣтилъ онъ посламъ австрійскаго короля и приказалъ арестовать ихъ. Это послужило Солиману предлогомъ для того, чтобы весной 1529 года предпринять походъ противъ Австріи.

Переходъ турокъ черезъ Венгрію былъ также разорителенъ для нея, какъ и война. Въ виду близости австрійскихъ границъ, вся центральная часть венгерскаго королевства была превращена въ сплошной лагерь; мало того, свирѣпыя и кровожадныя турецкія полчища не знали никакого удержу и опустошали венгерскіе села и города точно вражескія убѣжища. По словамъ одного венгерскаго историка, мадьяры не видѣли никакой разницы между австрійцами—ихъ врагами и турками—ихъ защитниками. Но здѣсь Солиману не посчастливилось: онъ вынужденъ былъ, понеся огромныя потери, снять осаду Вѣны и въ 1531 году заключить съ Фердинандомъ перемиріе. Вопросъ о томъ, кого же, наконецъ, признать законнымъ королемъ Венгріи, былъ такъ и не разрѣшенъ, и вплоть до 1538 г. междоусобная борьба то утихала, то вновь разгоралась, не давая окончательнаго перевѣса ни одной изъ враждующихъ сторонъ. Наконецъ, венгерское общество стало протестовать противъ подобнаго положенія вещей, да оно никому не приносило никакой пользы, а только изнуряло страну и истощало всѣ ея богатства. Варадскій

трактатъ положилъ окончательно предѣлъ этой безцѣльной борьбѣ, и Фердинандъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, Карломъ-Пятымъ, королемъ Испаніи, призналъ за Яномъ право на венгерскій престолъ. Но онъ получилъ удовлетвореніе въ томъ, что право наслѣдства на этотъ престолъ, даже въ случаѣ, если послѣ Яна останутся законные наслѣдники по мужской линіи, переходитъ навсегда къ Фердинанду Австрійскому.

Всякіе подобные договоры никогда почти не исполнялись въ точности въ Венгріи; они являлись часто компромиссомъ, способствующимъ скорѣйшему разрѣшенію переживаемаго страной кризиса. Договоръ Яна съ Фердинандомъ и былъ такимъ компромиссомъ, и вскорѣ послѣ смерти перваго онъ былъ нарушенъ все той же національной партіей, ненавидящей габсбургскую династію. Кромѣ того, договоръ этотъ былъ заключенъ тайнымъ образомъ, такъ какъ на это никогда не согласился бы турецкій султанъ. Янъ Заполья умеръ въ 1540 году, оставивъ сына Яна-Сигизмунда, которому было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Судьба этого младенца зависѣла бы, понятно, отъ той партіи, которая успѣла бы заручиться симпатіями молодой вдовствующей королевы Изабеллы; но, какъ бы предчувствуя это, Янъ передъ смертью еще поручилъ воспитаніе своего сына четыремъ главнымъ представителямъ національной партіи: Мартинуци, Валентину Тёрёку, Петровичу и Стефану Вербеци. Такимъ образомъ, Янъ-Сигизмундъ былъ избавленъ отъ участи, которая постигла Владислава Посмертнаго, находившагося подъ опекой Фридриха Австрійскаго, и изолированъ отъ вліянія сторонниковъ габсбургской династіи.

Когда Солиманъ послѣ смерти Яна Заполья узналъ, что венгерскій престолъ перешелъ по тайному договору къ Фердинанду, онъ категорически заявилъ, что не желаетъ признать законнымъ наслѣдникомъ никого другого, кромѣ Яна-Сигизмунда. Фердинандъ, невзирая на этотъ протестъ, отправился во главѣ своей многочисленной арміи въ Венгрію и занялъ ея столицу Буду. Въ четвертый разъ пришлось венгерской національной партіи объявить войну габсбургскому монарху, и этотъ разъ къ ней на помощь подвигался Солиманъ со своими полчищами. Австрійцы, однако, прочно засѣли

въ Западной Венгріи, и, несмотря на всѣ усилія и военную ловкость турецкаго султана, этотъ послѣдній едва успѣлъ отвоевать у Фердинанда Буду, и дальше уже онъ не могъ идти. По побѣда турокъ надъ Фердинандомъ повлекла за собой совершенно неожиданные для національной партіи результаты. Эта послѣдняя думала, что отвоеваніемъ у австрійцевъ столицы Венгріи будутъ возстановлены наслѣдственныя права на престолъ сына Яна Запольи, но Солиманъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Янъ-Сигизмундъ слишкомъ малъ, чтобы стать надежнымъ защитникомъ своего государства, рѣшилъ самъ лично сѣсть на престолъ венгерскій и быть его настоящимъ правителемъ. Яна-Сигизмунда же онъ отправилъ со своей матерью и съ опекунами въ Трансильванію, гдѣ онъ, съ помощью вліянія регентши-матери, считался намѣстникомъ султана. Это было настоящимъ униженіемъ для національной партіи, но дѣлать было нечего, надо было покориться волѣ султана, тѣмъ болѣе, что существованіе въ Венгріи національной династіи зависѣло нынѣ отъ господства въ ней Солимана Великолѣпнаго. Утвержденіе турецкаго императора въ центрѣ венгерскаго королевства имѣло другое значеніе: оно вело къ распаду, къ дробленію нѣкогда обширнаго государства на три части, каждая изъ которыхъ имѣла своего монарха и свое правительство. Съ этого момента Венгрія расчленяется: на Западную, въ которой царствовалъ Фердинандъ Австрійскій, на Центральную, гдѣ господствовали турки, и на Восточную или Семиградскую область (Трансильванія), правителемъ которой считался Янъ-Сигизмундъ.

Между тѣмъ такой новый modus vivendi не нравился не только мадьярамъ, но и почти всѣмъ европейскимъ государствамъ. Ясно было, что турецкій султанъ, укрѣпившись въ самомъ центрѣ Венгріи, будетъ стремиться покорить себѣ всѣ области, лежащія по ту сторону Лейты, т.-е. Австрію, Богемію, германскія государства, и, такимъ образомъ, мысль о томъ, что страна Св. Стефана является естественнымъ барьеромъ противъ вторженія мусульманъ въ христіанскій міръ, не служила уже болѣе успокаивающимъ средствомъ. Дѣйствительная тенденція Солимана, засѣвшаго въ Будѣ якобы для спасенія мадьярскаго царства, ясно обнаружилась послѣ того, какъ онъ отстранилъ отъ управленія страной ея законнаго ко-

роля Яна Запольи. Теперь въ лицѣ Фердинанда Австрійскаго венгерскіе магнаты и вся Европа видѣли единственнаго покровителя и избавителя отъ владычества находившагося у самаго порога германскихъ государствъ турецкаго султана. Всѣ германскіе народы объединились и обѣщали дать необходимыя средства и поддержку Фердинанду, дабы тотъ изгналъ турокъ изъ предѣловъ Венгріи. Мартинуци продолжалъ вести переговоры то съ одной, то съ другой стороной; онъ пытался вернуть Яну-Сигизмунду корону Св. Стефана, которая украшала теперь голову Солимана Великолѣпнаго. Наконецъ, ему удалось, въ виду неизбѣжности новой борьбы съ турками, убѣдить Фердинанда возобновить Варадскій договоръ 1538 г., причемъ войну туркамъ долженъ былъ объявить австрійскій король, которому Мартинуци обѣщалъ тайную поддержку. Однако, первая попытка оттѣснить Солимана не удалась соединеннымъ австро-германскимъ и венгерскимъ арміямъ, и турки подошли еще ближе къ австрійскимъ границамъ, овладѣвъ такими двумя городами, какъ Гранъ и Штульвейсенбургъ. Пораженію этому придавали большое значеніе въ Европѣ; о немъ говорили какъ о „несчастіи", ниспосланномъ на христіанскій міръ за отступленіе отъ католической церкви. Дѣйствительно, въ эту злополучную эпоху братоубійственная борьба католиковъ съ протестантами достигла кульминаціонной точки въ германскихъ государствахъ; она перекинулась и въ Австрію и даже въ Венгрію, гдѣ ученіе протестантизма начало дѣлать большіе успѣхи еще съ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія. Къ владычеству турокъ въ Венгріи стали уже постепенно привыкать; и вопросъ шелъ теперь о томъ, чтобы изолировать Австрію отъ вторженія туда Солимана. Барьеръ, ограждающій христіанскій міръ, былъ, такимъ образомъ, передвинутъ; онъ стоялъ уже у Пресбурга, гдѣ сливались венгерскія и австрійскія земли. Мартинуци перешелъ опять на сторону Солимана, такъ какъ онъ видѣлъ, что сила все еще на сторонѣ побѣдителя при Могачѣ.

Этотъ ловкій и хитрый дипломатъ, каковымъ считался Мартинуци, приспособлялся ко всѣмъ обстоятельствамъ. Онъ дѣйствовалъ не по разъ установленному плану, а сообразно той политической конъюнктурѣ, которая складывалась въ каждый отдѣльный

моментъ. Можетъ-быть, такой способъ сожительства съ двумя другими частями Венгріи, съ австрійской и турецкой, и приносилъ пользу національной партіи, объединившейся вокругъ наслѣдника Яна Запольи; тѣмъ не менѣе, ни Мартинуци, ни тѣ, кто стоялъ за его спиной, не внушали къ себѣ довѣрія. Фердинандъ считалъ подъ конецъ Мартинуци измѣнникомъ, хотя продолжалъ пользоваться его дипломатическими услугами. До самой смерти своей, т.-е. до 1551 года, Мартинуци сохранилъ, однако, свое вліяніе на вдовствующую королеву и игралъ руководящую роль во всѣхъ дѣлахъ, предпринимаемыхъ отъ имени малолѣтняго Яна-Сигизмунда или отъ имени національной партіи. По его совѣту, королева Изабелла отказывается на сеймѣ въ Колошварѣ отъ апостолической короны Св. Стефана, предназначавшейся для своего сына, и уступаетъ ее австрійскому королю Фердинанду. Мартинуци доказывалъ необходимость объединить всѣ три части Венгріи въ одну монархію, дабы мадьярская нація не погибла окончательно, благодаря этой чудовищной политической схизмѣ, и Фердинандъ, казалось ему, является наиболѣе подходящимъ для такой цѣли. Мартинуци занималъ въ это время высокое положеніе въ рядахъ венгерскаго духовенства: онъ былъ епископомъ Варадскимъ и кардиналомъ римской церкви. Святѣйшій римскій престолъ отнесся весьма сочувственно къ его проекту объединить подъ скипетромъ Габсбурговъ венгерское королевство. Послѣ передачи Фердинанду всѣхъ знаковъ королевскаго достоинства и отреченія отъ престола Яна-Сигизмунда, противъ турокъ былъ предпринятъ новый походъ союзными австро-венгерскими войсками. Во главѣ арміи Фердинанда стоялъ итальянскій кондотьеръ Кастальдо, которому было поручено также слѣдить и за Мартинуци, столько разъ обманувшемъ уже австрійскаго короля своими вѣроломными обѣщаніями. Мартинуци суждено было пасть отъ руки Кастальдо, который, заподозривъ его во время сраженія съ турками въ измѣнѣ, нанесъ ему шестьдесятъ смертельныхъ ранъ.

Трагическая смерть Мартинуци послужила развязкой двусмысленной политики, которой придерживалась, со времени удаленія Яна-Сигизмунда съ матерью въ Трансильванію, національная партія. Съ другой стороны, она открыла завѣсу надъ намѣреніемъ Ферди-

нанда и нѣкоторой части венгерцевъ сбросить съ себя турецкое иго и поставила лицомъ къ лицу два вражескихъ стана.

Съ 1552 года по 1554 г. шла самая жестокая, какую только видѣла Европа, война, въ которой турки одерживали рядъ за рядомъ побѣды, позволявшія имъ господствовать уже во всѣхъ трехъ частяхъ венгерскаго королевства. Самые лучшіе и наиболѣе укрѣпленные города Трансильваніи, Темешваръ, Эгеръ, пали, и на ихъ стѣнахъ выросли цѣлыя груды труповъ геройски защищавшихся мадьяръ. У подножья Эгера, этой твердыни Семиградіи, легло восемь тысячъ венгерскихъ гражданъ, надъ головами которыхъ развѣвалось побѣдоносное мусульманское знамя. Венгріи грозила полнѣйшая гибель; турецкій султанъ сражался теперь не за ея „цѣлость", а противъ своихъ личныхъ враговъ, которые хотѣли на территоріи мадьяръ уничтожить мусульманское могущество, столь опасное всѣмъ христіанскимъ народамъ. Чувствуя, какъ ускользаетъ изъ-подъ ногъ послѣдняя пядь родной земли, какъ уносится въ потокахъ мадьярской крови національная честь, вдовствующая королева рѣшила удержать за своимъ сыномъ хотя бы Трансильванію, ту самую Трансильванію, обладаніе которой, вмѣсто центральной Венгріи, являлось для нея самымъ большимъ униженіемъ. Въ отчаяніи, во имя своего малолѣтняго сына, она обращается за помощью къ французскому королю Генриху II. и къ турецкому султану. Первый обѣщалъ возстановить въ своихъ правахъ малолѣтняго короля и обезпечить ему независимый престолъ въ Трансильваніи. „Согласно традиціямъ моихъ предковъ—писалъ французскій король въ отвѣтъ на просьбу Изабеллы—я никогда не пожалѣю ничего для удобства, поддержки и пользы находящихся въ опасности монарховъ и тѣмъ менѣе для тѣхъ, для которыхъ наша изстари взаимная дружба еще больше толкаетъ меня на это". Въ 1557 году въ Парижъ прибылъ посолъ Изабеллы, Христофоръ Баторій, которому Генрихъ II обѣщалъ помочь въ войнѣ, затѣвавшейся на сѣверѣ Венгріи между сторонниками Яна-Сигизмунда и Фердинанда, а также руку одной изъ своихъ дочерей будущему королю изъ династіи Запольи. Спустя два года Изабелла скончалась, оставивъ своего сына на произволъ судьбы. Политическій горизонтъ былъ покрытъ густымъ туманомъ,

ликвидацiя послѣдней войны съ турками еще не наступила, и вопросъ о томъ, кому достанется корона Св. Стефана, далекъ еще былъ отъ своего окончательнаго разрѣшенiя. Но можно было замѣтить одно, а именно: что оружiе не будетъ положено до тѣхъ поръ, пока не восторжествуетъ одна изъ двухъ сторонъ. Либо турецкое владычество должно будетъ сдѣлаться явленiемъ, неизбѣжнымъ въ исторiи Венгрiи съ XVI столѣтiя, либо мадьярское королевство войдетъ, какъ составная часть, въ землю габсбургской короны. И оба монарха, олицетворяя въ себѣ два противоположныхъ мiра, двѣ политическiя системы, вытекающiя изъ различныхъ источниковъ, шли, въ сущности, къ одной и той же цѣли. Они могли, подобно Цезарю при переходѣ черезъ Рубиконъ, воскликнуть у стѣнъ венгерской столицы: Alea jacta est!

Фердинанду трудно было все же преодолѣть турокъ, и онъ вынужденъ былъ заключить въ 1562 году съ султаномъ миръ, послѣ котораго за воюющими сторонами остались тѣ владѣнiя, какими онѣ располагали въ моментъ начавшихся мирныхъ переговоровъ. Въ виду того, что Фердинандъ, какъ представитель габсбургской династiи, сталъ играть такую серьезную роль въ исторiи Венгрiи, въ рядахъ его бывшихъ сторонниковъ изъ мадьяръ, прибѣгшихъ къ нему, какъ къ своему спасителю, произошелъ расколъ. Многiе были недовольны тѣмъ, что австрiйскiй король, волею судебъ выдвинутый въ защиту Венгрiи противъ мусульманъ, стремился въ то же время и къ германизацiи этой страны, чѣмъ подготовлялъ планъ окончательнаго присоединенiя къ габсбургской коронѣ страны Св. Стефана. По крайней мѣрѣ, въ той части венгерскаго королевства, которая находилась подъ управленiемъ Фердинанда, вся административная система находилась въ рукахъ австрiйцевъ. Всѣ чиновники, судьи, государственные контролеры были здѣсь тѣми „чужеземцами“, противъ которыхъ почти на протяженiи всей венгерской исторiи идетъ такая упорная борьба со стороны мадьяръ-патрiотовъ. Боясь, благодаря этому враждебному теченiю, утратить влiянiе Австрiи въ дѣлахъ Венгрiи и желая все же закрѣпить за габсбургской династiей право на венгерскiй престолъ, Фердинандъ воспользовался удобнымъ случаемъ,—мир-

нымъ трактатомъ съ турками въ 1562 г.,—чтобы передать венгерскій престолъ своему сыну Максимиліану. Въ 1563 году онъ коронуетъ своего сына въ Пресбургѣ съ согласія мадьярскаго народа, послѣ чего вскорѣ умираетъ. Такимъ образомъ, de facto, за габсбургской династіей было обезпечено въ Венгріи наслѣдственное право, которое открываетъ новую эру въ ея исторіи, эру окончательнаго господства Австріи.

На царствованіи Максимиліана въ Венгріи останавливаться не приходится, такъ какъ оно, продолжавшееся двѣнадцать лѣтъ (1564—1576), не оставило никакихъ сколько-нибудь важныхъ слѣдовъ. Максимиліанъ шелъ вполнѣ по стопамъ своего отца, т.-е. его политика имѣла два направленія: одно заключалось въ освобожденіи Венгріи отъ турецкаго ига, а другое—въ германизаціи ея. Если второе направленіе габсбургской политики и продолжало вызывать неудовольствіе даже среди сторонниковъ австрійской династіи, то первое не могло не вызывать сочувствія во всей націи. Борьба Габсбурговъ противъ турокъ, отъ которыхъ стремилась избавиться вся Венгрія, компенсировала ихъ неуклончивое стремленіе къ насильственному подчиненію себѣ мадьяръ. Максимиліану пришлось вести почти непрерывную войну съ турками, которая, однако, привела Венгрію къ большимъ потерямъ. Турки овладѣли опять цѣлымъ рядомъ лучшихъ городовъ, а битва при Сигетѣ, на сѣверѣ отъ Дравы, въ которой геройски сражался кроатъ Зрини, ставшій для венгерской націи легендарной личностью, напомнила, по числу легшихъ тамъ жертвъ, битву при Могачѣ. Максимиліанъ заключалъ съ султаномъ дважды мирный договоръ, весьма невыгодный для Венгріи, такъ какъ приходилось платить туркамъ крупную дань. Въ 1571 году умеръ Янъ-Сигизмундъ, правитель Трансильваніи, т.-е. той третьей части венгерскаго королевства, гдѣ сохранились власть и вліяніе національной мадьярской династіи Запольи. Онъ былъ замѣненъ Стефаномъ Баторіемъ, „ярымъ врагомъ" своего предмѣстника, избраннымъ, однако, всѣмъ населеніемъ Семиградіи. Султанъ не вмѣшивался болѣе въ дѣла Трансильваніи, и вліяніе на эту часть Венгріи перешло къ представителю габсбургской династіи. Максимиліанъ умеръ въ 1576 году, оставивъ

послѣ себя очень плохое воспоминаніе: онъ былъ признанъ венгерцами неспособнымъ бороться съ турками; что же касается его германизаторской политики, то она проводилась имъ въ болѣе грубой и рѣзкой формѣ, чѣмъ его предшественникомъ.

Но, оставаясь до конца XVII столѣтія въ бóльшей своей части подъ владычествомъ турокъ, Венгрія влачила жалкое существованіе. Въ эту эпоху наступилъ полнѣйшій упадокъ общественно-политической жизни. Дворянское сословіе, этотъ руководящій элементъ мадьярской націи, замкнулось въ своихъ помѣстьяхъ и покорно платило налоги своему новому завоевателю. Даже военная служба, на которую раньше такъ охотно шли магнаты и низшіе дворяне, теперь совершенно была оставлена, и тѣ войска Максимиліана и другихъ его преемниковъ, которыя сражались противъ оттоманской имперіи, распространившей свое владычество почти на все венгерское королевство, состояли изъ чужеземцевъ: изъ испанцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ. И только съ половины XVII столѣтія, когда вопросъ объ изгнаніи турокъ сталъ равносиленъ дилеммѣ: быть или не быть независимой Венгріи, замѣчается вновь нѣкоторое оживленіе въ военномъ дѣлѣ. Венгерскіе комитаты стали организовывать отдѣльные кадры національнаго ополченія, гонведы, принесшіе огромную пользу въ борьбѣ за освобожденіе страны отъ турецкаго ига. Такъ называемая оттоманская Венгрія была подчинена, въ эпоху владычества турокъ, совершенно иному административному порядку. Этотъ послѣдній былъ установленъ по дѣйствующему во всей турецкой имперіи шаблону, т.-е. вся страна дѣлилась на двадцать-пять санджаковъ или четыре вилайета. Такая административная система была удобна туркамъ въ смыслѣ правильнаго распредѣленія дани, которая собиралась ими съ жителей Венгріи, но она, понятно, не отвѣчала національнымъ интересамъ мадьяръ. Между прочимъ, надо замѣтить, что турки мало вникали во внутреннюю жизнь завоеванной ими страны; владычество ихъ заключалось не столько въ подчиненіи данной народности своей общественно-политической системѣ, сколько въ стремленіи обложить ее возможно болѣе крупной данью. Этимъ исчерпывалась завоевательная политика оттоманской имперіи, и поэтому нельзя сказать, что

Венгрія, раздѣленная на вилайеты и санджаки, перестала быть похожей на Венгрію, съ ея старинной административной единицей—комитатомъ. Напротивъ, комитаты продолжали существовать и были единственнымъ центромъ, къ которому тяготѣли общественные интересы мадьяръ. Но все-же турецкое иго было слишкомъ громоздкимъ, слишкомъ жестокимъ и давало чувствовать себя на каждомъ шагу мадьярамъ, привыкшимъ къ независимой и сравнительно свободной жизни. Нерѣдко бывали случаи, когда какой-нибудь венгерскій городъ, не внесшій въ установленное время слѣдуемой турецкому правительству дани, разрушался до основанія, а жители его уводились въ Константинополь какъ заложники. Чувствовалось нѣкоторое стѣсненіе и въ томъ распоряженіи турецкаго правительства, которое касалось установленной формы одежды. Мадьяры не должны были въ своихъ костюмахъ ничѣмъ, положительно, подражать одеждѣ турокъ. Если кто изъ венгерцевъ носилъ на головѣ турецкій тюрбанъ, то онъ немедленно и насильственно обращался въ магометанство. Запрещались смѣшанные браки между венгерцами и турками. Словомъ, „между этими двумя народами не было никакихъ общественныхъ точекъ соприкосновенія. Двѣ религіи, которыя давали мѣсто такимъ противорѣчіямъ не только въ ихъ міровоззрѣніи, но и въ ихъ обычаяхъ, въ самой ихъ повседневной жизни, раздѣляютъ гораздо глубже, чѣмъ рѣки и горы". Ввергнутые въ такое ярмо, венгерцы тѣмъ сильнѣе рвались къ независимости, чѣмъ продолжительнѣе было владычество турокъ.

Между тѣмъ, какъ мы уже упомянули выше, освобожденіе венгерцевъ отъ турецкаго владычества влекло за собой утвержденіе австрійскаго господства въ Венгріи, которое до нѣкоторой степени было хуже, такъ какъ, стремясь покорить Венгрію, Габсбурги не останавливались передъ тѣмъ, чтобы уничтожить окончательно ея независимость, ея древнюю конституцію и мѣстное самоуправленіе, насаждая всюду австрійскіе порядки и изгоняя національный духъ мадьяръ. Кромѣ того, въ религіозномъ отношеніи Венгрія стояла тогда на пути, противномъ всей австрійской политикѣ, черпающей свои жизненные соки въ католицизмѣ. Страна св. Стефана, поднявшаяся благодаря римскому престолу и тоже находившаяся подъ

непосредственнымъ воздѣйствіемъ католическаго вѣроученія, начала съ XVI столѣтія пестрѣть различными новыми религіозными сектами, которыя разрослись въ огромныя общины кальвинистовъ и лютеранъ. Венгрія имѣла своего реформатора, Девея, современника и личнаго друга Лютера въ Виттенбергѣ, которому принадлежитъ переводъ на мадьярскій языкъ посланія Св. Павла. Къ новой религіи въ Венгріи стали примыкать знатныя фамиліи дворянъ и, въ концѣ концовъ, большая часть этой страны перестала быть католической и объявила своей религіей отнынѣ кальвинизмъ (постановленіе дебредзинскаго синода 1567 г.). Тогда даже сдѣлалась ходячей фраза: „кальвинизмъ—настоящая религія мадьяръ“ (Calvinista hit, madyar hit).

Въ это самое время коренной ломки религіозной мысли мадьяръ и полнаго ихъ политическаго ослабленія подъ игомъ турокъ, вступаетъ на венгерскій престолъ сынъ Максимиліана, Рудольфъ (1576—1612). Почти въ самомъ началѣ царствованія его, въ 1582 году, между нимъ и венгерскимъ сеймомъ происходитъ рѣзкій конфликтъ, послѣ котораго цѣлыхъ двадцать-пять лѣтъ нога Рудольфа не вступала на венгерскую территорію. Этотъ конфликтъ возникъ изъ-за того, что Рудольфъ сразу обнаружилъ свою нетерпимость къ венгерцамъ, перешедшимъ въ протестантизмъ, и не стѣснялся примѣнять самыя крутыя мѣры и всяческія репрессіи, точно и впрямь онъ дѣйствовалъ въ завоеванной огнемъ и мечомъ странѣ. Сеймъ потребовалъ отъ Рудольфа нѣкоторыхъ гарантій, какъ, напримѣръ, утвержденіе избраннаго народомъ палатина и замѣна иностранныхъ пословъ, въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ, послами національными, т.-е. венгерцами, вмѣсто нѣмцевъ и итальянцевъ, въ чемъ новый король габсбургской династіи категорически отказалъ. Въ этомъ актѣ сказалось явное противорѣчіе, которое съ самаго начала легло въ австро-венгерскія отношенія, возникшія съ эпохи турецкаго владычества въ Венгріи и держащіяся, болѣе или менѣе искусственно, по сіе время. Уже тогда это было подмѣчено однимъ венеціанскимъ посломъ, который писалъ въ своихъ донесеніяхъ, что венгерцы презираютъ австрійскую династію. Въ сущности, въ политикѣ Рудольфа не было ничего новаго, это было простое повто-

реніе традицій его предшественниковъ, но только въ болѣе яркихъ краскахъ и рѣшительныхъ пріемахъ. „Любитель искусства и оккультивныхъ наукъ, пропитанный абсолютистскими доктринами, онъ совсѣмъ не любилъ эту варварскую и черезчуръ независимую Венгрію; онъ прибѣгалъ къ ней только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были деньги". Такова наиболѣе точная характеристка этого новаго короля Венгріи.

Между тѣмъ; сосѣдство съ турками на одной и той же территоріи не обезпечивало спокойствія и въ царствованіе Рудольфа. Не будучи, однако, достаточно сильнымъ, чтобы отвоевывать, хотя бы по частямъ, у турецкаго султана то, что было завоевано имъ въ послѣднее время въ Венгріи, находящейся въ рукахъ австрійцевъ, а тѣмъ болѣе не предвидя возможности изгнать совсѣмъ турокъ изъ мадьярскаго королевства въ близкомъ будущемъ, этотъ новый монархъ габсбургскаго дома старался воспрепятствовать дальнѣйшимъ завоевательнымъ планамъ оттоманской имперіи другими способами, а именно: Рудольфъ отдалъ во владѣніе сербскихъ поселенцевъ нѣсколько областей, лежащихъ между рѣками Унной и Кульпой, подъ условіемъ, что сербы должны будутъ защищать эту пограничную венгерскую линію отъ вторженія турокъ. Планъ этотъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ удаченъ, такъ какъ, съ одной стороны, южная Венгрія отнынѣ имѣла прочную военную границу, а съ другой—заселеніе этихъ мало обитаемыхъ областей такими прекрасными земледѣльцами, какъ сербы, имѣло огромное экономическое и хозяйственное значеніе. Цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ Рудольфъ заботился о поднятіи Венгріи на должную высоту въ военномъ и стратегическомъ отношеніи,—и надо отдать ему въ этомъ справедливость, поставленное такимъ образомъ дѣло защиты венгерскаго королевства могло вести къ болѣе благопріятнымъ результатамъ, чѣмъ безпрерывная война съ турками въ неукрѣпленныхъ городахъ, стоившая огромныхъ человѣческихъ жертвъ. Въ 1557 году въ Кроаціи для защиты всей этой области противъ вторженія турокъ строится замѣчательная крѣпость Карловацъ (Карлштадтъ). Уже съ конца XVI столѣтія (1592—1595) военная политика Рудольфа начинаетъ приносить свои плоды. Венгерцы совмѣстно съ австрій-

скими войсками ведутъ успѣшно нѣсколько сраженій съ турками въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, въ результатѣ чего у турокъ отнимается Гранъ, Раабъ и нѣкоторые другіе крупные города, хотя Эгеръ, это единственное укрѣпленіе на границѣ Венгріи и Трансильваніи, остается въ рукахъ турецкаго султана. Мало-по-малу, турки оттѣсняются войсками Рудольфа къ Трансильваніи, и сама центральная Венгрія очищается отъ этихъ опасныхъ враговъ; только изрѣдка уже, въ видѣ оазисовъ, попадаются нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ преобладаетъ турецкое населеніе. Въ 1601 году, послѣ битвы при Канисcѣ, турки сами предлагаютъ Рудольфу условія мира, выгодныя для Венгріи, такъ какъ съ этого момента турецкій султанъ отказывается взимать съ нея установленную дань. Но центръ тяжести военныхъ дѣйствій отнынѣ переносится въ Трансильванію, гдѣ турки, сдвинутые со своихъ лучшихъ позицій въ центральной Венгріи, начинаютъ серьезно укрѣпляться.

Разыгрывавшіяся въ эту пору событія въ Трансильваніи способствовали тому, чтобы она подпала подъ владычество турокъ. Начавшееся сильное религіозное броженіе въ умахъ трехъ различныхъ національностей, ее населяющихъ: мадьяръ, саксонцевъ и румынъ, сильно потрясло ея внутреннюю жизнь. Общественная анархія, съ братоубійственной войной на религіозной почвѣ, вылившейся здѣсь въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ самой Венгріи, царила безраздѣльно при управленіи этой страной всѣхъ трехъ Баторіевъ (Стефана, Христофора и Сигизмунда), т.-е. съ 1575 г. по 1599 г. Репрессіи противъ отступниковъ отъ католицизма возросли особенно при Сигизмундѣ Баторіи, который, послѣ цѣлаго ряда жестокихъ расправъ съ протестантами, рѣшилъ отдать Семиградію Рудольфу, этому лучшему защитнику католической церкви, а самъ, получивъ санъ кардинала римской куріи, собирался удалиться совсѣмъ въ Оппельнъ, провинцію Силезіи, которую онъ долженъ былъ получить отъ австрійскаго короля въ даръ. Это событіе вызвало цѣлую бурю въ трансильванскомъ населеніи; „чувствовалось, что наступилъ моментъ, когда отъ Трансильваніи остается одно лишь воспоминаніе, и что съ нею вмѣстѣ должна погибнуть и венгерская независимость“. Дядя Сигизмунда, кардиналъ Андрей Баторій, сталъ уговаривать

его измѣнить свое безумное рѣшеніе и предлагалъ ему короноваться не только правителемъ Трансильваніи, но и королемъ Венгріи. Но послѣ долгихъ колебаній и не зная, что предпринять въ виду полнаго отсутствія спокойствія въ странѣ и все усиливающагося религіознаго протеста, а, съ другой стороны, въ виду нахлынувшей на Трансильванію турецкой орды, Сигизмундъ Баторій, наконецъ, покидаетъ окончательно эту страну и удаляется въ Чехію. Послѣ отъѣзда Сигизмунда Баторія, Трансильванія сначала переходитъ въ полное владѣніе австрійцевъ, присутствіе которыхъ еще больше разжигаетъ религіозныя страсти. Католикъ до фанатизма, Рудольфъ сжигаетъ на кострахъ главныхъ проповѣдниковъ протестантизма, думая такимъ способомъ искоренить то, что всосалось уже въ плоть и кровь большинства населенія. Но народное движеніе приняло здѣсь, наконецъ, такіе размѣры, что Рудольфъ оказался окруженнымъ сплошнымъ кольцомъ повстанцевъ, поднявшихъ знамя уже не только за религіозную свободу, но и за освобожденіе Трансильваніи отъ ненавистной династіи Габсбурговъ. Многіе жители Трансильваніи оказывали большое гостепріимство туркамъ, предпочитая послѣднихъ австрійцамъ: до того тяжелы были условія политической жизни при Рудольфѣ. Онъ задался цѣлью не только овладѣть всей Венгріей, съ входящими въ нее областями, но, кромѣ того, искоренить еще „величайшее зло“ XVI столѣтія—протестантизмъ, дѣлающій, по его мнѣнію, огромные успѣхи. Однако, на сеймѣ 1604 г., созванномъ по настоянію трансильванцевъ, онъ вынужденъ былъ сдѣлать имъ коекакіе уступки, хотя не согласился утвердить тѣ законы (число которыхъ было 21), которые были приняты этимъ собраніемъ, и въ которыхъ говорилось объ установленіи для Трансильваніи религіозной свободы. Своей собственной властью Рудольфъ присоединилъ къ выпущенному сеймомъ декрету двадцать-вторую статью, гласящую слѣдующее: „Никакого ущерба не было нанесено свободѣ совѣсти, но король, ревностно защищая католическую религію, боролся противъ ереси и хотѣлъ наказать авторовъ религіозныхъ возраженій“. Такая система ревностной защиты католицизма не могла говорить въ пользу габсбургской династіи даже тогда, когда, повидимому, Рудольфъ шелъ на нѣкоторыя уступки. И какъ ни странно, а дѣло обстояло здѣсь такимъ

образомъ, что только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладало пришлое турецкое населенie, трансильванскie протестанты могли спастись отъ преслѣдований австрiйцевъ. Оттоманская имперiя относилась съ большей терпимостью къ новымъ религiознымъ сектамъ, чѣмъ Рудольфъ Габсбургскiй, германскiй императоръ, король Австрiи, Чехiи, Венгрiи, покровитель Кеплера и вообще всякой реформацiи въ наукѣ. Трансильванцы возстали одновременно съ мадьярами, жившими въ верхней Венгрiи, и свергли династiю Габсбурговъ. Во главѣ ихъ военныхъ отрядовъ стоялъ нѣкiй Стефанъ Бочкай, выдающiйся политическiй и военный дѣятель, а въ качествѣ его перваго помощника выдвинулся, тогда еще совсѣмъ молодой, Габрiель Бетлемъ. Это были истинные патрiоты своего отечества, взявшiеся за оружie не для того, чтобы понапрасну проливать братскую кровь, а для защиты той политической и религiозной свободы, безъ которой эта область не могла существовать какъ независимое государство. Собравшiйся въ томъ же 1604 г. въ Серенцѣ сеймъ провозгласилъ Бочкая воеводой или правителемъ Трансильванiи. Бочкай вступилъ немедленно въ переговоры съ турецкимъ султаномъ Ахметомъ II, отъ котораго добился признанiя его не только трансильванскимъ воеводой, но и королемъ всей Венгрiи. Желая прекратить всякую вражду съ Австрiей, Бочкай идетъ на нѣкоторыя уступки въ пользу последней, и въ 1606 году, согласно вѣнскому договору, онъ объявляется правителемъ Трансильванiи и только сѣверной части Венгрiи съ тѣмъ, однако, условiемъ, что если онъ умретъ безъ наслѣдниковъ, то эти земли должны быть возвращены австрiйскому дому. Взамѣнъ этого вѣнскiй трактатъ обезпечилъ для всей Венгрiи и Трансильванiи свободу совѣсти, право составлять свою армiю и назначать государственныхъ чиновниковъ только изъ туземнаго населенiя. Трактатъ обязалъ также эрцгерцога, намѣстника короля, находиться постоянно въ Венгрiи и замѣнять монарха въ его отсутствie. Такимъ образомъ, возстановлялись нѣкоторыя гарантiи венгерской независимости, переставшiя дѣйствовать съ эпохи второго турецкаго нашествiя. Чтобы представить себѣ болѣе конкретно картину венгерскаго королевства послѣ вѣнскаго трактата 1606 г., вмѣстѣ съ входящими въ него областями: Кроацiей, Трансильванiей, Далмацiей и Славо-

ніей, королевства, равняющагося въ общемъ 5163 квадратнымъ милямъ, надо сказать, что Австріи принадлежало въ Венгріи всего 1222 квадр. мили, Турціи только—1859, и 2082 квадр. мили находилось подъ управленіемъ Бочкая, т.-е. почти половина всего государства Св. Стефана.

Политическая система Рудольфа вызывала строгое осужденіе со стороны его родного брата, эрцгерцога Матвѣя. Не лишенный политическаго чутья и извѣстнаго такта, столь необходимаго при томъ разнообразіи интересовъ, которое представляли страны, подчиненныя австрійскому дому, онъ энергично боролся противъ ошибокъ Рудольфа. Вѣнскій трактатъ 1606 года былъ подготовленъ эрцгерцогомъ Матвѣемъ, послѣ котораго онъ сдѣлался королевскимъ намѣстникомъ въ австрійской Венгріи, и, благодаря его стараніямъ, населеніе здѣсь скоро успокоилось. Когда въ 1606 г. неожиданно умеръ Бочкай, Матвѣй пытался на основаніи вѣнскагб договора присоединить Трансильванію и сѣверную Венгрію къ Австріи, но собравшійся въ Колошварѣ сеймъ отклонилъ эту попытку, такъ какъ новый политическій курсъ австрійскаго правительства еще не успѣлъ заслужить довѣрія, и вмѣсто Бочкая былъ избранъ сначала Сигизмундъ Ракоци, а впослѣдствіи, когда этотъ послѣдній добровольно отказался отъ возложенныхъ на него обязанностей (1608),—Габріель Баторій. Между тѣмъ, Матвѣй все больше и больше приходилъ къ убѣжденію, что для успѣховъ австрійской короны и для завоеванія симпатій тѣхъ различныхъ народностей, которыя входили въ составъ австро-венгерской имперіи, необходимо вступить на путь рѣшительныхъ либеральныхъ реформъ. Онъ умѣло воспользовался сложностью политическихъ событій, чтобы отстранить отъ власти своего брата, Рудольфа, и становится съ 1608 г. фактическимъ королемъ Австріи и Венгріи. По отношенію къ послѣдней онъ выполнилъ всѣ обѣщанія, данныя королевской властью на вѣнскомъ мирномъ совѣщаніи. Венгерское королевство имѣло отнынѣ своего постояннаго намѣстника, палатина; всѣ иностранныя войска, введенныя въ Венгрію Рудольфомъ, были окончательно удалены, а свобода совѣсти сдѣлалась conditio sine qua non новаго политическаго режима. И, дѣйствительно, этимъ Матвѣй достигъ того, что

мадьяры, жившіе въ австрійской Венгріи, перестали относиться враждебно къ габсбургской династіи и чувствовали себя совершенно свободными въ сравненіи съ тѣмъ политическимъ режимомъ, который наступилъ для нихъ съ царствованія Рудольфа. Кромѣ того, такое положеніе въ австро-венгерскихъ дѣлахъ свидѣтельствовало о ростѣ и могуществѣ габсбургской династіи, которая имѣла въ лицѣ французскаго короля, Генриха IV, серьезнаго врага. Этотъ послѣдній стремился къ тому, чтобы безпорядками и враждебнымъ движеніемъ внутри Венгріи ослабить Австрію, и если бы Генрихъ IV не умеръ преждевременно, то, можетъ-быть, габсбургской династіи не суждено было бы внѣдрить свои корни въ странѣ Св. Стефана, такъ какъ, по словамъ министра Генриха IV, Сюлли, французскій король предлагалъ Венгріи болѣе выгодныя политическія условія. Венгерцамъ—говорилъ Генрихъ IV—должны быть возвращены ихъ древнія вольности; они должны получить прежнее право сами избирать своего монарха или установить такую государственную форму и такой способъ правленія, какіе они найдутъ для себя выгодными.

Матвѣй короновался въ 1612 году, и назначеніемъ на постъ палатина Венгріи протестанта Тюрцо онъ окончательно расположилъ къ себѣ венгерцевъ. Но Трансильванія попрежнему держалась въ сторонѣ отъ сферы австрійскаго вліянія, и даже тогда, когда послѣ смерти Баторія Матвѣй имѣлъ уже право вступить на ея престолъ, она, тѣмъ не менѣе, ссылаясь на прежнія религіозныя и политическія причины, избираетъ въ свои правители Габріеля Бетлена. „Это былъ государственный дѣятель, заслуживавшій самаго высокаго уваженія, который на протяженіи всего своего царствованія (1613—1629) заботился только о благѣ своей страны“. При Бетленѣ для Трансильваніи наступила блестящая эпоха, которая можетъ быть сравниваема лишь съ эпохой царствованія въ Венгріи Матвѣя Корвина. Габріель Бетленъ относился съ одинаковымъ уваженіемъ какъ къ католикамъ, такъ и къ протестантамъ, признавая за той и другой частью населенія одинаковыя права въ государствѣ, гдѣ вообще, вслѣдствіе совмѣстнаго сожительства трехъ различныхъ національностей, трудно было проводить какую-нибудь общую нивелирующую политическую систему. Ему также приходилось постоянно лавиро-

вать между турками и австрійцами, которые перебрасывали свое оружіе черезъ Трансильванію, намѣреваясь побѣдить другъ друга. Бетленъ отлично справился со своей ролью, и только послѣ вступленія на престолъ Фердинанда II австрійскаго и съ начала Тридцатилѣтней войны положеніе его нѣсколько осложнилось. Новый монархъ былъ настоящимъ фанатикомъ католицизма, и еще въ свои юные годы, отправляясь на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Италіи (въ Лореттъ), онъ поклялся истребить ересь. А если принять во вниманіе, какую роль игралъ Фердинандъ II почти съ самаго начала Тридцатилѣтней политико-религіозной войны, особенно послѣ пражской „дефенестраціи", то понятна станетъ та тревога, которая овладѣла Габріелемъ Бетленомъ за судьбу религіозной свободы и за цѣлость Трансильваніи и той части Венгріи, которыя немало пострадали за новую идею—протестантизмъ.

Роль Фердинанда II, какъ въ исторіи Венгріи, такъ и въ исторіи Чехіи, гдѣ въ эту эпоху шла безпрерывная борьба за свободу совѣсти, гдѣ габсбургская династія оставила по себѣ самое мрачное и тяжелое воспоминаніе, была отрицательна во всѣхъ отношеніяхъ. При немъ одинаково страдали и новыя религіозныя секты, не желавшія признавать ереси въ ученіяхъ Гуса, Кальвина, Лютера, и вся нація, въ цѣломъ, протестующая противъ навязываемаго ей Габсбургами приказнаго строя. Въ Венгріи даже католики чувствовали крайнее неудобство отъ присутствія въ ней королей не только чужеземныхъ, но прямо-таки враждебныхъ къ ней, и громкіе возгласы недовольства раздавались со всѣхъ сторонъ съ первыхъ дней царствованія Фердинанда. Однако, мы въ правѣ спросить себя, почему же все-таки венгерцы согласились на признаніе Фердинанда своимъ королемъ и предпочли грубую субординацію австрійскаго дома другому политическому исходу, который состоялъ въ учрежденіи своей національной династіи? „Не надо забывать,—находимъ мы на это отвѣтъ въ объясненіи Леже,—что Венгрія и Богемія являются двумя крайне аристократическими странами; дворянство предпочитаетъ скорѣе подчиниться чужеземнымъ монархамъ, чѣмъ видѣть у себя на тронѣ кого-нибудь изъ своей среды, будь то даже Матвѣй Корвинъ или Подебрадъ".

Тридцатилѣтняя война, какъ извѣстно, возникла на почвѣ долгой и упорной борьбы между протестантами и католиками, и отправнымъ пунктомъ ея считается Чехія. Фердинандъ II, вступившій на престолъ германской имперіи въ 1619 году, былъ въ то же время королемъ Австріи, Чехіи и Венгріи. Первой его заботой было изолировать религіозную революцію въ Богеміи отъ сліянія съ венгерскими и трансильванскими протестантами, которые, вмѣстѣ со своимъ правителемъ Бетленомъ, болѣли душой за своихъ единовѣрцевъ, гибнувшихъ подъ ударами католической реакціи Габсбурговъ. Фердинандъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ выдающихся представителей венгерской католической партіи, съ Николаемъ Эстергази, который, несмотря на свою солидарность въ религіозномъ отношеніи съ австрійскимъ правительствомъ, былъ всетаки настолько независимымъ и честнымъ человѣкомъ, что судьбу своего отечества ставилъ выше преданности королю. По общему признанію, въ эту трагическую эпоху, переживаемую всей Венгріей, на ея историческую сцену выступило три политическихъ дѣятеля: протестантъ Габріель Бетленъ и католики Пазмани и Эстергази, „каждый изъ которыхъ по-своему любилъ свое отечество" и стремился такъ или иначе обезпечить внѣшній миръ и внутреннее спокойствіе, нарушаемое политическими и религіозными событіями послѣднихъ лѣтъ. Эстергази былъ сторонникомъ полнаго сліянія Венгріи съ Австріей, при условіи, однако, гарантированія первой ея національныхъ свободъ; въ томъ же духѣ агитировалъ въ странѣ и кардиналъ Пазмани. Эстергази, пользуясь громаднымъ вліяніемъ и взявши на себя миссію удержать венгерскихъ протестантовъ отъ союза съ объявившими Австріи войну чехами, достигъ на первыхъ порахъ того, что Бетленъ далъ слово принимать участіе въ чешскомъ возстаніи противъ іезуитовъ; но все же окончательное рѣшеніе этого вопроса должно было послѣдовать послѣ собиравшагося въ Пресбургѣ сейма. Сеймъ этотъ собрался только 13 августа 1619, въ то самое время, когда чехи осаждали Вѣну, и Фердинандъ подавлялъ возставшихъ протестантовъ самымъ жестокимъ, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. На пресбургскомъ сеймѣ полились самыя горячія рѣчи въ защиту полной вѣротерпимости; Фердинанду ставилась въ упрекъ

его ужасная репрессивная политика, и указывалось на отступленіе отъ обѣщаній признанія свободы совѣсти, данныхъ его предмѣстникомъ,—но все это ни къ чему не привело: кровавыя гекатомбы продолжали служить украшеніемъ царствованія новаго монарха. Тогда Габріель Бетленъ уже не сомнѣвался болѣе въ томъ, что Венгрію ждотъ та же участь, что и Чехію; что старанія Фердинанда изолировать венгерскихъ протестантовъ отъ союза съ чехами были только простой дипломатической уловкой,—уловкой, позволявшей Австріи не раздроблять своихъ военныхъ силъ и сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ и тѣмъ добиться скорѣйшаго подавленія чешскихъ протестантовъ. Бетленъ понялъ, что отнынѣ Трансильванія должна стать убѣжищемъ мадьярской національности, и если она не пожелаетъ своей окончательной гибели, то она должна пойти подъ знамя венгерскихъ и трансильванскихъ протестантовъ. На сторону Бетлена перешелъ Ракоци, а за нимъ и многіе другіе видные венгерскіе общественные дѣятели изъ дворянскаго сословія и высшей знати. Былъ составленъ для всего венгерскаго населенія, какъ католическаго, такъ и протестантскаго, манифестъ, который подъ названіемъ „Жалобы Венгріи“ распространялся въ огромномъ количествѣ. Въ посланіяхъ къ различнымъ германскимъ князьямъ и къ итальянскому королю венгерцы доказывали „абсолютную необходимость“ для нихъ союза съ оттоманской имперіей, могущей дать сильную поддержку въ войнѣ съ Австріей. Собравшійся въ Кашо сеймъ, на которомъ были представлены всѣ венгерскіе комитаты, провозгласилъ Бетлена правителемъ Венгріи, а Ракоци начальникомъ мадьярской арміи, стоявшей въ сѣверныхъ комитатахъ. Фердинандъ попытался воспретить венгерцамъ устраивать общія совѣщанія или созывать сеймъ, но встрѣтилъ дружный протестъ, на этотъ разъ исходившій уже изъ среды католиковъ. Все говорило за то, чтобы Венгрія поднялась, какъ одинъ человѣкъ, противъ габсбургской династіи: и репрессіи, направленныя противъ протестантовъ, и явно нескрываемое желаніе Фердинанда II уничтожить какую бы то ни было ея независимость, которую оберегала вся мадьярская нація. На новыя угрозы и запрещенія австрійскаго короля венгерцы отвѣчаютъ тѣмъ, что собираются въ 1620 году

на новый сеймъ въ Пресбургѣ, который приходитъ уже къ весьма рѣшительнымъ результатамъ. Во время засѣданія этого сейма Фердинандъ, предвидя для себя печальныя послѣдствія его, поручаетъ кардиналу Форгачу, католику и стороннику австрійскаго дома, вести отъ его имени переговоры съ венгерской протестантской оппозиціей и обѣщать ей нѣкоторыя уступки. „Но въ собраніи раздался революціонный возгласъ: очень поздно“! Да притомъ миръ, предлагаемый Фердинандомъ Венгріи, долженъ былъ быть купленъ дорогой цѣной: полнымъ разрушеніемъ Богеміи, на что венгерскіе протестанты никогда не согласились бы. Въ засѣданіи сейма 25-го августа было рѣшено поддержать Чехію въ ея борьбѣ съ Австріей, а Габріель Бетленъ объявлялся королемъ всей Венгріи. Но эти рѣшенія венгерцевъ не встрѣтили сочувствія со стороны тѣхъ государствъ, на которыя они возлагали большія надежды въ случаѣ присоединенія Венгріи къ чехамъ: мы думаемъ—Францію и Польшу. Даже турки мало интересовались этими религіозными столкновеніями и относились весьма индифферентно къ тому исходу, который ожидался въ войнѣ Австріи съ венгерскимъ королевствомъ. Вслѣдъ за пораженіемъ, понесеннымъ чехами при битвѣ на Бѣлой Горѣ (Вайссенбергъ), Бетленъ поспѣшилъ продолжать съ Фердинандомъ переговоры о мирѣ, которые были якобы прерваны изъ-за пресбургскаго сейма. Окончательное соглашеніе между этими двумя королями состоялось въ концѣ 1621 года въ Никольсбургѣ. Бетленъ отказался отъ королевской власти, предоставленной ему пресбургскимъ сеймомъ, но остался попрежнему правителемъ Трансильваніи и семи комитатовъ, составляющихъ сѣверную Венгрію, а также княжествъ Оппельнъ и Ратиборъ. Взамѣнъ этого Фердинандъ II обязался гарантировать всей Венгріи тѣ вольности и свободы, которыми она владѣла изстари, а также и свободу совѣсти; кромѣ того, онъ заплатилъ Бетлену 100000 флориновъ контрибуціи и обѣщалъ въ будущемъ внести еще 50000 для приведенія въ порядокъ венгерскихъ крѣпостей.

Этому мирному договору не суждено было существовать болѣе или менѣе продолжительное время. Самъ Бетленъ считалъ его временнымъ и ждалъ удобнаго момента, чтобы нарушить его. Вообще

до самой своей смерти (1629) онъ не рѣшается избрать для своего отечества ту или иную политическую ситуацію. То онъ заключаетъ договоръ съ Турціей и нападаетъ на Моравію, то вновь вступаетъ въ переговоры съ Фердинандомъ и въ 1623 году закрѣпляетъ въ Вѣнѣ мирный трактатъ Никольсбурга. Незадолго до своей смерти Бетленъ женится на Екатеринѣ Бранденбургской и вступаетъ, такимъ образомъ, въ родство со стариннымъ княжескимъ домомъ Германіи. При немѣ Венгрія ведетъ постоянныя дипломатическія сношенія съ Голландіей, Венеціей, Англіей, черезъ пословъ этихъ государствъ, находящихся въ Константинополѣ. Бетленъ на протяженіи всего своего царствованія, длившагося, въ общемъ, шестнадцать лѣтъ, стоялъ дѣйствительно на стражѣ интересовъ своей страны, и всѣ его усилія, какъ мы видѣли, были направлены къ тому, чтобы спасти венгерскій протестантизмъ отъ тѣхъ мучительныхъ терзаній и преслѣдованій іезуитскаго католицизма, среди которыхъ ему пришлось пробивать себѣ дорогу въ Чехіи. Бетленъ былъ достойнымъ монархомъ и правителемъ венгерской реформаціи.

Та роль, которую Трансильваніи пришлось сыграть въ первые два періода Тридцатилѣтней войны, сохранилась за ней и при наступленіи третьяго періода, такъ называемаго шведскаго (1630—1635). Въ ней сосредоточилась вся политическая и общественная жизнь Венгріи, и отъ судьбы этой маленькой страны зависѣла цѣлость огромнаго королевства Св. Стефана. Приписывая значеніе этого факта тому, что правителемъ Семиградіи въ послѣднее время былъ всегда кто-нибудь избранный изъ среды мѣстнаго дворянскаго сословія, а не чужеземцы, трансильванцы и теперь, послѣ смерти Бетлена, противились попыткамъ Екатерины Бранденбургской и стоящихъ за нею европейскихъ державъ: Франціи, Швеціи и Голландіи, вступить по наслѣдству на престолъ Трансильваніи. Правителемъ послѣдней былъ избранъ единогласно Георгій Ракоци, соратникъ Бетлена и убѣжденный протестантъ. Религіозный миръ былъ обезпеченъ внутри этой страны тѣмъ, что Ракоци, какъ и его знаменитый предшественникъ, считалъ оба теченія, католическое и протестантское, вполнѣ равноцѣнными, и принадлежность къ одному изъ нихъ была дѣломъ совѣсти каждаго гражданина. Тѣмъ не менѣе,

дворъ свой Ракоци отстранилъ отъ всякаго вліянія католической партіи, и протестантизмъ его придворныхъ совѣтниковъ проявлялся не въ безсмысленномъ угнетеніи религіозныхъ противниковъ, а въ стойкомъ сопротивленіи политическимъ репрессіямъ, исходящимъ отъ представителей габсбургской династіи. Послѣ смерти Фердинанда II вступилъ на германскій престолъ въ 1637 г. и принялъ титулъ короля Австріи, Венгріи, Чехіи, Фердинандъ III, который, по словамъ его историковъ, „слѣдовалъ, безъ преувеличенія всякой мѣры, идеямъ своего времени и традиціямъ своей династіи“. Но слѣдованіе „идеямъ своего времени“, а главное традиціямъ Габсбурговъ, которыя считались однѣми изъ самыхъ жестокихъ традицій, новымъ монархомъ отразилось сейчасъ же чрезвычайно невыгодно на Венгрію. Вѣнскій трактатъ нарушался самымъ безцеремоннымъ образомъ Фердинандомъ III, отъ чего очень страдали венгерскіе протестанты, чувствуя на каждомъ шагу неизбѣжность кровавыхъ столкновеній съ австрійцами. Ракоци объявляетъ Австріи войну и, умѣло воспользовавшись борьбой между ней и Франціей и Швеціей, вступаетъ съ послѣдними въ союзъ, обѣщаетъ имъ совмѣстно дѣйствовать противъ австрійской монархіи и достигаетъ этимъ полнаго признанія съ ихъ стороны религіозной свободы и независимости для Венгріи и Трансильваніи, а также ежегодную субсидію въ милліонъ двѣсти тысячъ талеровъ. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ дѣйствій, послѣ отвоеванія у австрійцевъ Кашо и другихъ городовъ, Ракоци заключаетъ съ Фердинандомъ III въ Линцѣ въ 1645 г., за три года до Вестфальскаго мира и конца Тридцатилѣтней войны, договоръ, по которому за правителемъ Трансильваніи остаются сѣверные венгерскіе комитаты, а также укрѣпленные города Токай и Режецъ.

Съ 1648 по 1660 г. правителемъ Трансильваніи и сѣверной Венгріи былъ сынъ предыдущаго Ракоци, тоже Георгій. При немъ уже замѣтно было нѣкоторое ослабленіе трансильванскаго могущества благодаря тому, что Георгій Ракоци II вмѣшивался въ дѣла иностранныхъ державъ и отвлекался этимъ отъ непосредственныхъ интересовъ своей страны. Онъ помышлялъ, при содѣйствіи шведскаго двора, занять польскій престолъ, но былъ остановленъ

отъ выполненія своего плана активно вмѣшавшимися во внутреннюю жизнь Трансильваніи турками. Оттоманская имперія увидѣла въ этомъ стремленіи Ракоци объединить два государства подъ однимъ скипетромъ, желаніе создать огромную военную силу, которая, при благопріятной для Венгріи политической конъюнктурѣ въ Европѣ, могла бы окончательно изгнать турокъ. Вестфальскимъ договоромъ была прекращена Тридцатилѣтняя война, а вмѣстѣ съ этимъ прекратились и религіозныя преслѣдованія; отношенія съ Австріей у трансильванцевъ, повидимому, наладились, и поэтому наступало время для совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ, все еще доминирующихъ въ сѣверо-восточныхъ и южныхъ областяхъ Венгріи. Начинается возвратъ къ старому: турки переходятъ въ наступленіе, нападаютъ на мирные очаги жителей Трансильваніи, грабятъ села и города, и вновь надъ страною разразились бѣдствія турецкаго владычества. Трансильванія ведетъ съ ними цѣлый рядъ войнъ, и въ одномъ изъ такихъ сраженій въ 1660 г. погибаетъ Георгій Ракоци II. За нимъ во главѣ трансильванцевъ становится Янъ Кеменій, человѣкъ, выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ, смѣлый полководецъ и одинъ изъ самыхъ лучшихъ писателей своего времени; но и его постигла та же участь: онъ палъ на полѣ битвы въ 1662 г. Значительно ослабленная этой войной, Трансильванія принимаетъ, наконецъ, въ качествѣ своего правителя, Михаила Апафи (1662—1689), кандидата оттоманской имперіи, и объявляетъ туркамъ перемиріе.

Между тѣмъ, на австрійскомъ престолѣ появилась новая фигура габсбургской династіи, обратившая на себя всеобщее вниманіе. Леопольдъ I, царствованіе котораго началось въ 1657 г. и продолжалось до 1705 г., т.-е. почти цѣлыхъ полстолѣтія, былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей европейскихъ монарховъ, впавшихъ въ полное іезуитское мракобѣсіе. Его роль, какъ германскаго императора и какъ короля Венгріи, была совершенно безлична; онъ окружилъ себя дружной камарильей, состоящей изъ такихъ людей, какъ Монтекукули, грубый солдатъ, Шварценбергъ, Гошеръ, и іезуитовъ Мюллера, Менегати, капуцина Синелли и испанскаго францисканца Спинола. Самъ Леопольдъ велъ затворни-

ческую жизнь, а судьбами его государствъ распоряжались люди ничтожные, мелкіе интриганы, старавшіеся выслужиться передъ „помазанникомъ Божіимъ". Словомъ, въ лицѣ Леопольда явился первый предвѣстникъ той „школы" австрійскихъ королей, которые съ XVIII столѣтія абсолютизмъ и самодержавіе, со всѣми ихъ отрицательными аттрибутами, возводятъ въ принципъ, въ опредѣленную политическую систему. Въ числѣ духовныхъ развлеченій и удовольствій этого короля были собесѣдованія на религіозныя темы, музыка, художественныя произведенія и алхимія и астрологія. Разсказываютъ, что однажды на дверяхъ королевскаго дворца Леопольдъ прочелъ слѣдующую надпись, сдѣланную неизвѣстной рукой: „Леопольдъ, будь Цезаремъ, а не музыкантомъ, будь Цезаремъ, а не іезуитомъ". „Эта карикатура Карла Пятаго" мечтаетъ о насажденіи силою оружія во всѣхъ своихъ государствахъ католицизма; онъ хочетъ сдѣлать эту религію обязательной для всѣхъ своихъ подданныхъ,—ибо cujus regio, ejus religio. Даже тѣ реформы, которыя проводились Леопольдомъ I, носили противорѣчащій, часто исключающій другъ друга характеръ. Онъ основываетъ университеты въ Бреслау и Инсбрукѣ и въ то же время учреждаетъ въ Вѣнѣ и другихъ городахъ подчиненныхъ ему государствъ постоянную полицію. Цѣлыхъ сто-сорокъ лѣтъ венгерцы боролись противъ Габсбурговъ, которые въ мрачную эпоху нашествія турокъ на землю Св. Стефана, послѣ битвы при Могачѣ, явились защитниками якобы христіанскаго „оплота", а въ сущности держали за своей спиной всесокрушающій мечъ европейскаго завоевателя, чтобы въ благопріятный часъ занести его надъ головами обезсиленныхъ и измученныхъ многолѣтними войнами мадьяръ,—и теперь Венгрія очутилась между двумя огнями, между двумя вражескими станами: съ одной стороны—турки, а съ другой—австрійцы.

Еще во время коронованія Леопольда венгерцы нашли необходимымъ потребовать отъ этого короля присяги въ вѣрностия тѣмъ свободамъ, которыя были обезпечены вѣнскимъ трактатомъ. Но Леопольдъ, исполнивъ это требованіе, никогда не смущался нарушать его. Собиравшіеся при немъ сеймы въ Венгріи не играли никакой роли. Леопольдъ смотрѣлъ на нихъ какъ на историческій

декорумъ короны Св. Стефана, и всѣ желанія и требованія, выставляемыя на этихъ сеймахъ, встрѣчали одинъ весьма характерный и извѣстный всѣмъ странамъ, въ которыхъ восторжествовала самодержавная власть, отвѣтъ: „король подумаетъ“. А габсбургскіе короли, начиная со второй половины XVII столѣтія, думали всегда въ противоположность тому, что лежало въ основѣ требованій всѣхъ государствъ и народовъ, подпавшихъ, волею судебъ, подъ ихъ власть. Венгерскій сеймъ 1662 года рѣшился энергично протестовать противъ новыхъ религіозныхъ преслѣдованій Леопольда I, благодаря которымъ протестанты не могли послать на это національное собраніе своихъ представителей. Онъ попытался критиковать тѣ мѣропріятія вѣнскаго правительства, которыя, по мнѣнію всѣхъ присутствующихъ на этомъ сеймѣ, заставили венгерцевъ перейти въ оппозицію Леопольду. Боевой характеръ сейма 1662 г. обѣщалъ разсѣчь гордіевъ узелъ габсбургской политической системы, но, къ сожалѣнію, полученныя извѣстія о томъ, что турки перешли уже Трансильванію, находятся въ сѣверной Венгріи и приближаются къ Вѣнѣ, которую они намѣревались осаждать, заставляютъ его перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ,—вопросовъ національной обороны. Тутъ нашлась почва для примиренія. Со стороны австрійцевъ, испугавшихся этихъ извѣстій, послышались жалобы о гибели европейской цивилизаціи, призывы къ объединенію всѣхъ христіанъ, ибо врагъ былъ общій, и для протестантовъ, и для католиковъ, а цѣль одна—избавить Европу отъ мусульманскаго ига. Но даже и здѣсь, по словамъ историковъ этой эпохи, въ этой соединенной австро-венгерской арміи, проявилось глубокое различіе, сказалось вліяніе двухъ политическихъ системъ, двухъ, сказали бы мы, историческихъ процессовъ. Во главѣ венгерской арміи стоялъ выдающійся полководецъ своего времени, Николай Зрини, человѣкъ, одаренный многими добродѣтельными качествами, обладавшій недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ, одинъ изъ первыхъ памфлетистовъ Венгріи. Въ немъ замѣчательно удачно сосредоточились всѣ положительныя стороны мадьярской націи: на войну онъ смотрѣлъ не какъ на путь къ достиженію славы, а какъ на священный долгъ, который онъ долженъ былъ исполнить передъ своимъ оте-

чествомъ; онъ любилъ свою страну не грубо-матеріально, а какъ поэтъ, какъ любилъ Венгрію Петёфи, сложившій свою голову на полѣ революціонной войны 1849 г. Въ австрійской арміи начальникомъ былъ Монтекукули, бравирующій своимъ невѣжествомъ и тупоуміемъ, идущій на войну какъ на парадъ, гдѣ вмѣсто личной отваги и самопожертвованія выставлялись неумѣстная гордость и блестящая внѣшность генеральскаго мундира. Обѣ эти арміи относились различно къ той задачѣ, которая стояла передъ христіанскимъ міромъ. Мадьяры чрезвычайно искренно ринулись въ кровавый бой, помня, что исполняютъ долгъ не только передъ своимъ отечествомъ, но и передъ всей Европой; австрійцы же бряцали оружіемъ, чтобы подъ грохотъ пушекъ и въ перекрестномъ вражескомъ огнѣ осуществить планъ, предначертанный традиціями своей династіи, т.-е. вытѣснить турокъ и стать на ихъ мѣстѣ противъ мадьяръ.

Венгерцы жестоко поплатились за свою довѣрчивость, они слишкомъ вѣрили въ религіозное чувство Леопольда I, считая его защитникомъ идеи христіанства отъ разрушительной силы оттоманской имперіи. Несмотря на царившія въ австро-венгерской арміи разногласія, турки терпѣли огромныя пораженія; они падали какъ „дичь", и знаменитая битва у С.-Готарда была проиграна Магометомъ IV. Казалось, что такой удачный ходъ войны открывалъ много шансовъ на то, чтобы первоначальная цѣль была достигнута соединенными войсками, т.-е. чтобы турки были отброшены окончательно за предѣлы Венгріи, а, стало-быть, за ту черту, откуда по сю сторону начинается уже „христіанскій міръ" и „европейская цивилизація", которые такъ страдали отъ владычества мусульманъ. Но, слѣдуя, какъ и Фердинандъ III, „идеямъ своего времени и традиціямъ своей династіи", Леопольдъ I поспѣшилъ раздѣлить между собой и турецкимъ султаномъ Венгрію и выбросить за бортъ мадьяръ, которые пролили цѣлое море своей крови за каждую пядь оторванной у нихъ родной земли. Нѣтъ болѣе постыднаго момента для габсбургской династіи, чѣмъ тотъ, когда заключался вашварскій миръ! Безъ всякаго заявленія объ этомъ венгерцамъ Леопольдъ подписываетъ въ Вашварѣ мирный договоръ съ турками на двадцать

лѣтъ, беретъ съ нихъ обязательство не вступать ни въ какія, ни въ явныя, ни въ тайныя, сношенія съ венгерскимъ населеніемъ, а также не помогать ему ни въ какихъ военныхъ предпріятіяхъ; напротивъ, австрійскій король, „защитникъ христіанства", даетъ имъ полное право властвовать надъ живущимъ въ покоренныхъ оттоманской имперіей областяхъ мадьярскимъ населеніемъ и, кромѣ того, увеличиваетъ турецкую Венгрію добровольной уступкой ей еще четырехъ комитатовъ. Надо ли много говорить о томъ, какую горькую чашу испили до дна венгерцы, узнавъ о совершившемся фактѣ, о вашварскомъ договорѣ.

Покончивъ съ внѣшнимъ могуществомъ венгерскаго королевства, измельчавъ, раздавивъ его подъ тяжестью габсбургскаго трона, Леопольдъ I, со спокойной совѣстью и безъ опасенія вызвать національный мятежъ, приступаетъ къ исполненію завѣтной мечты, къ уничтоженію древнихъ венгерскихъ вольностей и къ искорененію протестантской религіи. Ему приписываютъ знаменитыя, своего рода историческія слова, сказанныя будто бы послѣ заключенія вашварскаго договора, смыслъ которыхъ былъ таковъ, что, овладѣвъ Венгріей, онъ окончательно разоритъ ее, а затѣмъ уже превратитъ въ католическую страну (Faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catolicam). И, дѣйствительно, онъ началъ съ того, что хотѣлъ уничтожить венгерскій сеймъ, это единственное оружіе національной защиты мадьяръ противъ чужеземнаго правленія. Леопольдъ издаетъ декретъ, учреждающій отнынѣ при вѣнскомъ дворѣ палату магнатовъ и прелатовъ, куда Венгрія должна была посылать своихъ делегатовъ, вмѣсто того, чтобы собираться на свои сеймы. Этимъ достигалась двоякая цѣль: во-первыхъ, отмѣнялась конституція мадьярской страны, основы которой лежали въ Золотой Буллѣ, а, во-вторыхъ, здѣсь, въ Вѣнѣ, австрійскій король надѣялся „повліять" на представителей венгерскаго дворянскаго сословія и превратить ихъ въ своихъ сторонниковъ. Но венгерское дворянство поняло настоящій смыслъ этого декрета, и многіе изъ его выдающихся представителей отказались явиться къ вѣнскому двору. Епископъ Липай писалъ въ отвѣтъ на этотъ королевскій декретъ: „я далъ клятву быть лояльнымъ

и полезнымъ совѣтникомъ моей страны; я не хочу, чтобы меня называли предателемъ, да еще въ монашескомъ костюмѣ". Венгрія была захвачена австрійскими чиновниками, наводнившими ее; имущество тѣхъ, кто проявлялъ малѣйшій оппозиціонный духъ политическимъ замысламъ Леопольда, конфисковывалось; введенная „постоянная полиція" не въ мѣру усердствовала, и вскорѣ всю эту несчастную страну сковало гробовое молчаніе. А если все же иногда съ опаской и раздавались жалобы венгерцевъ на свирѣпый режимъ и на буйство стоявшихъ въ Венгріи королевскихъ войскъ, то австрійскій министръ Лобковичъ отдѣлывался весьма характерной и совсѣмъ неутѣшительной фразой, въ родѣ той, какъ, напримѣръ: „ну, такъ что же, вы жалуетесь на солдатъ, а солдаты жалуются на васъ".

Для венгерцевъ оставался одинъ только путь: это путь заговора и подпольной революціонной борьбы. Но сначала нѣкоторые венгерскіе магнаты думали использовать свое пребываніе въ Вѣнѣ въ пользу своей страны, и поэтому часть дворянскаго сословія, пользовавшагося правомъ засѣдать въ верхней палатѣ, отправилась ко двору Леопольда I на созванный имъ сеймъ изъ высшихъ общественныхъ классовъ. Здѣсь, однако, представителямъ Венгріи пришлось убѣдиться, что нѣтъ никакихъ надеждъ на возстановленіе мадьярской независимости и на возвращеніе отнятыхъ у нихъ политическихъ правъ. Возвратившись въ свою страну, венгерскіе дворяне, во главѣ которыхъ стояли тогда Петръ Зрини, братъ Николая, Франкопанъ, Веселени, Надажди, выпустили къ народу манифестъ, въ которомъ они говорили слѣдующее: „Народъ, твой поволитель Леопольдъ торжествуетъ, а ты сгораешь какъ свѣча, и близокъ часъ, когда она потухнетъ совсѣмъ. Мы не хотѣли подпасть подъ иго турокъ, но мы во власти другого, чуждаго намъ народа. Гдѣ тѣ увѣренія, которыя дали намъ наши покровители изъ габсбургскаго дома? Гдѣ законы, гдѣ правда, гдѣ ненарушимыя обѣщанія? Турецкій султанъ былъ побѣжденъ, но нашъ покровитель заключилъ съ нимъ постыдный миръ... Теперь наши крѣпости отдаются въ руки австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, а насъ устраняютъ. Не имѣя чѣмъ платить войскамъ, имъ позволяютъ грабить нашъ на-

родъ и опустошать нашу землю. Положеніе нынѣ стало гораздо хуже, чѣмъ при нашествіи турокъ. Въ странѣ, пользующейся политической свободой, не можетъ объявляться война, или заключаться миръ безъ согласія ея; мы же и не знали о заключеніи мира Леопольда съ турками. Пусть Всевышній сжалится надъ судьбой венгерскаго народа"! Вслѣдъ за этимъ манифестомъ произошла генеральная экзекуція въ Венгріи. Вѣнскій дворъ узналъ, что противъ особы короля составленъ заговоръ, въ которомъ принимаютъ видное участіе упомянутые выше вожаки дворянской оппозиціи. Но такъ какъ законы венгерскаго королевства не позволяли судить ихъ за сопротивленіе власти, такъ какъ 31 статья Золотой Буллы фактически не была еще отмѣнена, то правительство Леопольда замануло хитрымъ образомъ этихъ главарей въ Вѣну, подъ видомъ вступленія съ ними въ примирительные уговоры, и судило ихъ по австрійскимъ законамъ. Всѣ дѣятели неудавшагося заговора погибли на эшафотѣ 30 апрѣля 1671 г., и „окончательная побѣда вѣнскаго двора надъ противниками была дѣломъ не мужества, а вѣроломства, всегда отличавшаго цезарскую власть".

Но на этомъ дѣло не остановилось. Леопольдъ пошелъ еще дальше и сталъ обнаруживать чрезвычайную свирѣпость по отношенію ко всему мадьярскому населенію. Онъ послалъ въ Венгрію нѣмца Гаспара Амрингена, облеченнаго полнымъ королевскимъ довѣріемъ, т.-е. онъ далъ ему carte blanche, и тотъ могъ по своему усмотрѣнію примѣнять всякія средства для успокоеніи венгерской оппозиціи. Дѣлами же церкви здѣсь, также по порученію короля, началъ завѣдывать католикъ Сельпчени, и судьба протестантовъ была ввергнута вновь въ неминуемую опасность. Между тѣмъ репрессіи сверху не могли оставить венгерскій народъ въ пассивномъ состояніи; глухое внутреннее броженіе не улегалось, національное чувство независимости бурлило подобно быстро текущему потоку подъ ледянымъ покровомъ и давало мѣстами едва замѣтныя, но глубокія трещины. Тяжесть этого несноснаго режима чувствовали не только верхніе слои венгерскаго общества, но даже, и прежде всего, низы его. Положеніе ихъ усугублялось тѣмъ, что имъ пришлось теперь страдать вдвойнѣ: и отъ недостатковъ соціальнаго строя и эконо-

мическихъ условій, держащихъ ихъ давно во власти помѣщиковъ, и отъ той пелены габсбургскаго абсолютизма, которая покрыла ихъ страну и распространилась на всю націю. Венгерскіе крестьяне взялись за свое старое оружіе, движеніе куруцевъ въ началѣ XVI вѣка вселило въ нихъ смѣлость и самопожертвованіе, но въ этотъ разъ знамя возстанія держалъ въ своихъ рукахъ одинъ изъ друзей, погибшихъ на вѣнскомъ эшафотѣ заговорщиковъ, дворянинъ Эмерикъ Текели, который съ девизомъ: „Pro aris et focis“ велъ народъ на приступъ габсбургскаго самодержавія.

Раньше этого событія венгерцы нѣсколько разъ обращались къ европейскимъ монархамъ, ища у нихъ защиты противъ несправедливаго угнетенія, но отклика они тамъ не находили. Французскій король, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ, могъ бы оказать имъ большую услугу, но и онъ отстранялся отъ вмѣшательства въ вопросы политическаго управленія Леопольда. Движенію же, руководимому Текели, повезло и въ этомъ смыслѣ, т.-е. венгерцамъ удалось, наконецъ, склонить на свою сторону Людовика XIV, который какъ-разъ въ это время воевалъ съ Австріей. Очевидно, круто измѣнившееся положеніе вещей въ Венгріи заставило вѣнское правительство опасаться за исходъ національнаго мятежа, и въ 1681 г., при содѣйствіи примаса Сельпчени, Леопольдъ отказывается отъ преслѣдованій протестантовъ и даетъ мадьярамъ нѣкоторыя, правда, незначительныя гарантіи свободы. Двусмысленность австрійской политики и горькій опытъ довѣрчивости венгерцевъ научили ихъ, какъ надо относиться къ такъ называемымъ уступкамъ съ высоты престола. Армія Текели продолжала пополняться и укрѣпляться, а къ 1683 году венгерцы вступили въ союзъ съ турками, чтобы пойти противъ австрійцевъ. Въ данномъ случаѣ венгерцы не совершили никакого акта вѣроломства передъ вѣнскимъ правительствомъ, такъ какъ они еще задолго до возстанія, руководимаго Текели, писали въ своихъ воззваніяхъ къ Европѣ, что если Венгріи не будетъ возвращена Леопольдомъ ея полная независимость, а народу—его политическія права, то они вынуждены будутъ обратиться къ помощи турецкаго султана. „Хотя венгерцы испытывали всегда страхъ и ужасъ при мысли о томъ,—писали они тогда,—что ими

могутъ овладѣть турки, тѣмъ не менѣе, доведенные до крайности они должны будутъ придти къ этому рѣшенію". Война началась на сѣверѣ Венгріи и серьезно угрожала Австріи. Турецкія войска совмѣстно съ мадьярами заняли Пресбургъ и окружили Вѣну. Но Леопольдъ нашелъ сильнаго союзника въ лицѣ польскаго короля Яна Собѣсскаго, который помогъ ему оттѣснить отъ стѣнъ австрійской столицы турокъ и заставилъ ихъ понести цѣлый рядъ весьма тяжелыхъ пораженій. Султанъ Магометъ IV приказалъ своему великому визирю, Кара-Мустафѣ, потерявшему въ этой войнѣ двадцать тысячъ солдатъ, покинуть всѣ укрѣпленія, внушавшія опасность, и, такимъ образомъ, Леопольдъ I, овладѣвъ Эстергомомъ, Вишеградомъ, Элери, Печемъ, Сегединомъ, Будой, отбросилъ своихъ враговъ на далекое разстояніе. Текели былъ захваченъ въ плѣнъ, а его мятежники разогнаны; осталась только одна крѣпость, которая, будучи защищаема знаменитой героиней, женой Текели, Еленой Зрини, явила примѣръ необыкновенной стойкости и храбрости находившихся въ ней патріотовъ: это крѣпость Мункачи. Но и она пала, въ концѣ концовъ, под натискомъ австрійскихъ войскъ.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на описаніи того усмиренія, которое началъ въ Венгріи торжествующій Леопольдъ. Оно совершалось въ прежней программѣ, съ прибавленіемъ только извѣстной доли жестокости, свойственной Леопольду, особенно обрушивавшемуся на „мятежниковъ". По словамъ современниковъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца тридцать палачей работали, не покладая рукъ, и, когда Леопольдъ убѣдился, что нѣтъ никакой опасности для возобновленія мятежа, онъ принялся за лишеніе Венгріи ея конституціонной сущности. Онъ уничтожилъ знаменитую 31 статью Золотой Буллы, ввелъ въ страну австрійское управленіе и подготовлялъ почву для введенія закона объ установленіи въ Венгріи разъ навсегда наслѣдственнаго права для габсбургской династіи. Такимъ образомъ, вырывался послѣдній корень венгерской конституціи, отнынѣ королевская власть должна была стать не избирательной, а наслѣдственной. Кромѣ того, съ 1689 года Трансильванія начинаетъ терять свою независимость, и ея правители подпадаютъ подъ сюзеренную власть Габсбурговъ, какъ раньше они подпали подъ иго турецкаго султана.

Понимая прекрасно, что господство въ завоеванной странѣ обезпечивается лишь тогда, когда завоеватель можетъ найти въ этой странѣ опору въ какомъ-нибудь изъ ея сословій, Леопольдъ направилъ свою коварную политику и въ эту сторону. Онъ продолжалъ созывать сеймъ изъ венгерскихъ высшихъ сословій при вѣнскомъ дворѣ, дабы изолировать политическихъ и общественныхъ дѣятелей Венгріи отъ вліянія на нихъ ихъ согражданъ, не примирявшихся съ новымъ режимомъ, а также и для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ тѣхъ ужасовъ, которые происходили тамъ въ это время. Болѣе крупныхъ и знатныхъ представителей дворянства Леопольдъ оставилъ при своемъ дворѣ, назначивъ ихъ на высокіе и почетные посты. Этимъ онъ добился того, что въ нѣдрахъ оппозиціоннаго венгерскаго дворянства произошелъ расколъ, и одна часть, обольщаемая синекурами и почестью, перешла на сторону вѣнскаго правительства, другая же точила мечъ противъ своихъ же соотечественниковъ. Эта система вызвала краснорѣчивую и сильную отповѣдь со стороны венгерскаго епископа изъ Калокчи и преданнаго патріота Сéчени. „Развѣ здѣсь, на территоріи Австріи, должны мы обсуждать дѣла нашего королевства?—сказалъ онъ.— Дворянство, покоренное цѣною крови столько своихъ славныхъ героевъ, должно ли быть потеряно для всѣхъ тѣхъ, которыхъ королю вздумается лишить его? Наши законы объявляютъ безчестнымъ не только частное лицо, но цѣлое сословіе, которое безъ согласія всѣхъ представителей сейма осмѣлится оказать помощь или предложить субсидію королю. Выводъ отсюда таковъ, что этому собранію не подлежитъ разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь". Эти слова были сказаны въ Карловицѣ, въ 1703 году, когда вырабатывались окончательно условія подчиненія Венгріи габсбургскому дому, когда былъ принятъ удручившій всѣхъ мадьяръ законъ о воспрещеніи бѣжавшимъ въ Турцію мятежникамъ вернуться когда-либо въ свое отечество. Эти слова послужили сѣменами новаго революціоннаго броженія.

Въ томъ же самомъ 1703 году поднялось въ Венгріи крестьянское движеніе во главѣ съ Францемъ Ракоци. Этотъ послѣдній принадлежалъ къ очень знатной дворянской фамиліи; будучи

еще совсѣмъ молодымъ, онъ принялъ участіе въ новомъ заговорѣ противъ австрійскаго короля и долженъ былъ сдѣлаться правителемъ Трансильваніи, не желавшей подчиниться габсбургскому владычеству. Онъ чуть-было не попалъ въ руки вѣнскаго правительства, предложившаго большую стоимость за его голову, но вовремя успѣлъ скрыться въ Польшу и вступить, черезъ посредство находившагося тамъ французскаго посла, въ сношенія съ Людовикомъ XIV. Франція воевала въ это время съ Австріей изъ-за наслѣдованія испанскимъ престоломъ (Guerre de la Succession d'Espagne) и сочувствовала всякимъ планамъ венгерцевъ, могущимъ изгнать изъ Венгріи габсбургскую династію. Къ возстанію „куруцевъ" присоединились и другіе классы общества, а участіе Людовика XIV въ этомъ движеніи противъ Габсбурговъ сказалось настолько, что въ ряду мятежныхъ венгерцевъ было немало французскихъ офицеровъ. Ракоци удалось образовать временное правительство, а собравшіеся одинъ за другимъ два сейма провозгласили его сначала правителемъ Венгріи, а потомъ уже и правителемъ Трансильваніи. Въ 1705 году Леопольдъ умеръ, и на австрійскій престолъ вступилъ сынъ его Іосифъ I, который былъ гораздо уступчивѣе своего предшественника, и на внѣшнюю политику своей династіи онъ смотрѣлъ нѣсколько съ иной стороны. Когда Іосифъ I увидѣлъ, что поднятое Ракоци возстаніе имѣетъ поддержку во Франціи, что во всей Венгріи оно встрѣчаетъ большое сочувствіе и ведетъ къ окончательному, быть-можетъ, отдѣленію Венгріи отъ Австріи, тогда онъ счелъ болѣе опаснымъ примѣнять силу и репрессіи и самъ предложилъ вождю возставшихъ мадьяръ вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ. Но Ракоци, чувствуя себя на высотѣ этого сложнаго положенія, отклонилъ предложеніе Іосифа. Въ пылу гнѣва австрійскій король писалъ Ракоци: „Вы гордитесь тѣми обѣщаніями, которыя сулитъ вамъ Франція, этотъ госпиталь многихъ монарховъ, сдѣлавшихся несчастными благодаря тому, что она никогда не исполняла своего слова. Вы будете въ числѣ ихъ, и вы умрете въ этомъ госпиталѣ". Предсказаніе это не сбылось въ томъ смыслѣ, что Франція обманула Ракоци, но отчасти оно предрѣшало судьбу его. Послѣ того,

какъ на венгерскомъ сеймѣ въ Оно, въ борзодскомъ комитатѣ, тридцать-одинъ комитатъ изъ пятидесяти-двухъ, составлявшихъ венгерское королевство, высказался за сверженіе габсбургской династіи, борьба Австріи съ Ракоци перешла въ настоящую войну. Счастье перешло теперь на сторону Іосифа I, и венгерскіе повстанцы терпѣли ужасныя пораженія. Ракоци вынужденъ былъ скрыться вновь въ Польшу, гдѣ его ждала королевская корона, но въ виду измѣнившихся и тамъ обстоятельствъ не въ его пользу онъ уѣхалъ во Францію и игралъ большую роль при тамошнемъ дворѣ. Венгрія была подавлена и опять оказалась во власти Габсбурговъ. Въ 1711 году Іосифъ I созвалъ въ Сатмарѣ сеймъ и заставилъ венгерцевъ принять условія, на этотъ разъ не совсѣмъ ужъ унизительныя для нихъ. Австрійскій король объявилъ амнистію всѣмъ венгерскимъ мятежникамъ и политическимъ преступникамъ; онъ возстановилъ конституцію страны въ ея главныхъ основаніяхъ и согласился признать принципъ избирательной монархіи въ томъ, что, въ случаѣ исчезновенія наслѣдниковъ габсбургской династіи по мужской линіи, венгерцы могутъ избрать себѣ короля изъ другого дома. Но вскорѣ послѣ этого трактата Іосифъ I скончался, оставивъ своимъ наслѣдникомъ брата своего, эрцгерцога Карла III. Съ этого момента наступаетъ періодъ окончательнаго господства въ Венгріи Габсбурговъ, періодъ ея полнаго подчиненія вѣнской политической системѣ, приведшей мадьяръ къ революціи 1848 года и къ ужасной своими послѣдствіями войнѣ за національную независимость въ 1849 г.

Продолжавшееся около тридцати лѣтъ (1711—1740) царствованіе Карла III ознаменовалось въ Венгріи цѣлымъ рядомъ событій, имѣющихъ важное историческое значеніе. Ему предстояла война съ турками, которые хотя и были весьма ослаблены въ войнахъ съ предыдущими королями габсбургской династіи, тѣмъ не менѣе, доминировали въ горныхъ областяхъ Венгріи. Въ 1716 году султанъ Ахметъ III перешелъ Саву и пытался проникнуть вглубь страны; его войска стояли уже у Петервара, но, встрѣтившись съ хорошо организованной австро-венгерской арміей, турки были разбиты и окончательно удалены изъ королевства Св. Стефана, гдѣ

они владычествовали цѣлыхъ два столѣтія. Австрійцы отняли у нихъ Бѣлградъ и часть Сербіи и Валахіи, и въ ихъ рукахъ очутилось, такимъ образомъ, все правое побережье Дуная. Карлъ III не только освободилъ разъ на всегда Венгрію отъ вторженія турокъ, чего не сдѣлалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ изъ габсбургской династіи, но сталъ самъ играть выдающуюся роль въ восточной политикѣ. Уже это одно обстоятельство сдѣлало его, въ сравненіи съ другими монархами, чрезвычайно популярнымъ въ Венгріи, и даже нѣкоторая часть венгерскаго дворянства, та самая, которая окружала дворъ Леопольда, громко заявляла, что лучшаго короля мадьярамъ не нужно. Карла III стараются изобразить мягкимъ, чистосердечнымъ и гуманнымъ правителемъ Венгріи, но, въ сущности, мнѣніе это неправильное. Онъ ловко велъ свою политику и зналъ, съ какой стороны подойти къ венгерцамъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, но, какъ послѣдующія событія показали, въ этомъ заключались только одинъ черствый эгоизмъ и забота объ охраненіи традицій Габсбурговъ. Карлъ III не посягалъ на венгерскую конституцію, напротивъ, онъ созывалъ каждые три года венгерскій сеймъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ жестоко преслѣдовалъ протестантовъ, и при немъ нарушенія религіозной свободы были такъ же часты, какъ и при Леопольдѣ I.

У Карла III не было наслѣдниковъ по мужской линіи, и главной задачей своего царствованія онъ считалъ укрѣпленіе въ Венгріи на вѣчныя времена наслѣдственнаго права габсбургской династіи, т.-е. онъ стремился уничтожить сатмарскій трактатъ Іосифа I. 27 іюня 1722 г. венгерскій сеймъ, подъ вліяніемъ палатина, принялъ предложеніе короля о признаніи за женской линіей права престолонаслѣдія, которое вошло затѣмъ въ основные законы Венгріи подъ названіемъ „Прагматической Санкціи“. Такимъ образомъ, единственная дочь Карла, Марія-Терезія, должна была послѣ смерти своего отца стать австро-венгерской королевой. Черезчуръ усердные магнаты радовались, что отнынѣ наступилъ „реальный союзъ“ между обоими королевствами, но большинство венгерскаго населенія осталось весьма недовольнымъ этимъ закономъ; оно видѣло въ немъ окончательную гибель своей независи-

мости. Карлъ III старается поддерживать и дальше свою популярность, онъ начинаетъ заботиться о процвѣтаніи внутренней жизни Венгріи, способствуетъ развитію ея торгово-промышленной дѣятельности, для чего объявляетъ порто-франко въ Фіумѣ (Рѣка).

Послѣднее десятилѣтіе его царствованія считается уже „временнымъ паденіемъ австрійскаго могущества“, причиной чему явились внѣшнія событія: война съ Франціей, Польшей и Испаніей, съ одной стороны, и съ Турціей —съ другой, у которой Карлъ III хотѣлъ отнять еще нѣкоторыя провинціи, находившіяся на Балканскомъ полуостровѣ. Австрія понесла большія потери въ этой войнѣ, въ которой начальникомъ арміи былъ мужъ Маріи-Терезіи, Францъ Лотарингскій; она принуждена была отступить и укрѣпиться въ Трансильваніи. Въ 1739 году, по договору съ Турціей въ Бѣлградѣ, во владѣніе оттоманской имперіи переходитъ вся Сербія; за Австріей же остается лишь воеводство Темешъ. Внѣшнія событія послѣднихъ лѣтъ запутали дѣла габсбургской имперіи, судьба ея могущества подвергалась уже большому сомнѣнію. Карлъ III умеръ въ одинъ изъ самыхъ тревожныхъ моментовъ австро-венгерской исторіи.

ГЛАВА VI.

Царствованіе Маріи-Терезіи и Іосифа II. — Начало габсбургской реакціи. — Дореволюціонная эпоха. — Событія 1848—1849 гг.

Въ 1741 году въ Пресбургѣ собрался сеймъ на торжество коронованія Маріи-Терезіи, дочери Карла III. Тогда былъ поднятъ мадьярскими дворянами вопросъ о томъ, что не передать ли корону Св. Стефана ея мужу, Францу Лотарингскому; но большинство настояло на признаніи Маріи-Терезіи единственной законной наслѣдницей и на томъ, чтобы считать ее королемъ Венгріи, а не королевой. Эта формальность и та разница, которую венгерцы придавали словамъ: „король“ и „королева“, имѣли извѣстное историческое значеніе. По законамъ Венгріи, только король могъ носить корону Св. Стефана, а это придавало большой авторитетъ и большія права монаршей власти. Итакъ, Марія-Терезія была признана полноправной правительницей венгерскаго королевства, а по ея настоянію палатиномъ страны былъ избранъ Іоаннъ Пальфи, личность весьма уважаемая всѣмъ народомъ.

Но съ первыхъ дней царствованіе Маріи-Терезіи ознаменовалось печальными событіями. Прусскій король Фридрихъ Великій вступилъ въ войну съ Австріей изъ-за престолонаслѣдія, занялъ своими войсками Силезію и грозилъ полнымъ разгромомъ этой, нѣкогда могущественной имперіи. Маріи-Терезіи нужна была поддержка со стороны Венгріи, но въ виду того, что чрезвычайные военные расходы, наложенные на венгерцевъ, и требованіе поставки извѣстнаго количества солдатъ во время предыдущихъ войнъ Австріи вызывали сильный протестъ въ рядахъ мадьярскаго дворянства,

королева рѣшила отправиться сама на сентябрьскій сеймъ въ Пресбургъ и просить о необходимой помощи. Это было вскорѣ послѣ того, какъ у нея родился сынъ, будущій австро-венгерскій король и великій преобразователь, Іосифъ II. Одѣвшись вся въ черномъ и свидѣтельствуя этимъ о національномъ траурѣ, Марія-Терезія появилась передъ венгерскими магнатами и обратилась къ нимъ со слѣдующею трогательною рѣчью: „Ввергнутые въ печаль и покинутые всѣми, мы обращаемся къ прославленнымъ сословіямъ для защиты нашихъ наслѣдственныхъ государствъ и самой Австріи. Судьба Венгріи, наша, а также судьба нашихъ дѣтей зависитъ только отъ васъ. Застигнутые врасплохъ со всѣхъ сторонъ, мы взываемъ къ преданности вашей своему отечеству, къ издавна извѣстной храбрости венгерцевъ, къ вашему непобѣдимому оружію,— и мы просимъ почетное дворянство устранить, какъ можно скорѣе, эту опасность и исполнить въ кратчайшій срокъ тѣ рѣшенія, которыя будутъ здѣсь приняты“. Эти слова, сказанныя въ торжественной обстановкѣ и чрезвычайно искренно, произвели сильное впечатлѣніе на сеймъ, вызвавъ даже энтузіазмъ у магнатовъ, которые отвѣтили ей фразой, ставшей исторической: „Vitam et sanguinem pro Rege nostro Maria-Teresia“. Дѣйствительно, венгерцы дали свою „жизнь и кровь“, чтобы поддержать Австрію въ войнѣ съ личными врагами, но это великодушіе, эти жертвоприношенія не вознаградили ихъ.

Марія-Терезія, подобно своимъ предшественникамъ, искала возможности сблизить свой дворъ съ венгерскимъ дворянствомъ и превратить его въ правительственную партію, и, несмотря на то, что она пользовалась большой популярностью, достичь вполнѣ этой намѣченной ею цѣли не удалось. Она успѣла собрать вокругъ своего трона только такъ называемыя сливки венгерскаго дворянства, знатныя аристократическія фамиліи, которыя за возведеніе въ княжескія и графскія званія готовы были служить чужому правительству. Блестящая слава королевы затмилась вскорѣ не только тѣмъ ея поступкомъ, что она вносила раздоръ въ дворянское сословіе Венгріи, не политикой перетаскиванія на свою сторону отдѣльныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, а, главнымъ

образомъ, тѣмъ, что и она не могла скрыть своего органическаго, такъ сказать, присущаго ея династіи отвращенія къ „конституціи" Венгріи. Венгерское дворянство давно уже распалось на двѣ фракціи подъ вліяніемъ, какъ мы видѣли, имущественнаго неравенства; давно уже „крупные" и „мелкіе" дворяне вели соперничество между собой, которое притупилось, стушевалось немного во время турецкаго владычества; но со времени царствованія Леопольда I оно было перенесено почти исключительно на политическую почву, на почву отношенія этихъ двухъ категорій венгерскаго дворянства къ габсбургской династіи. Ни раньше, ни теперь, при Маріи-Терезіи, низшее дворянство въ своихъ отношеніяхъ къ вѣнскому правительству не хотѣло переходить за предѣлы національныхъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, интересовъ, т.-е. оно не хотѣло поступиться никакимъ достояніемъ мадьярской исторіи и права, тогда какъ магнаты, игравшіе роль высшей аристократіи, шли на всякія уступки. До извѣстнаго времени Марія-Терезія имѣла въ венгерскихъ сеймахъ большинство сторонниковъ, такъ какъ пока она вела войны, сначала изъ-за австрійскаго престолонаслѣдія, а затѣмъ Семилѣтнюю войну, венгерскіе интересы мало страдали, политическая и внутренняя жизнь ихъ страны протекала безъ особенныхъ толчковъ извнѣ. Тутъ какъ-будто бы былъ забытъ ею старый принципъ Габсбурговъ: „раздѣляй и властвуй" и дѣйствовалъ новый, болѣе примирительный: do ut des. Но интересы австрійской монархіи никогда не могли гармонировать съ интересами Венгріи, и вскорѣ послѣ того, какъ опасность со стороны враговъ Маріи-Терезіи миновала, королева сразу перемѣнила фронтъ. Совершенно случайно, исходя изъ задачъ государственныхъ, Марія-Терезія сыграла нѣсколько положительную роль для тѣхъ сословій Венгріи, которыя конституціей этой страны были низведены на степень малозначащихъ колесъ политическаго механизма. Стремясь поощрять развитіе торгово-промышленной жизни своихъ наслѣдственныхъ земель и расширить площадь товарнаго обмѣна (эра настоящей меркантильной политики была открыта королевой Маріей-Терезіей), она жалуетъ нѣсколькимъ венгерскимъ городамъ грамоты и тѣмъ увеличиваетъ число представителей городской буржуазіи,

имѣющей право засѣдать въ національныхъ сеймахъ. Но эта реформа была проведена въ ущербъ всему мадьярскому дворянству, которое видѣло въ этомъ возвеличеніи промышленнаго сословія умаленіе своихъ, вѣками пріобрѣтенныхъ привилегій и свое будущее паденіе, какъ извѣстной политической силы. Вѣдь еще въ знаменитомъ трудѣ Вербеци была высказана мысль, что полноправный венгерскій народъ—это дворянство, всѣ же остальные классы суть не болѣе какъ простые придатки государства въ правовомъ смыслѣ, хотя и необходимый производительный элементъ. Венгерскіе дворяне попытались стать въ оппозицію къ этимъ реформамъ Маріи-Терезіи. Тогда королева рѣзко порвала съ ними и рѣшила продолжать свою политику безъ того, чтобы прибѣгать къ содѣйствію, все равно безполезному, сейма. Кромѣ того, интересы „государственнаго благосостоянія“ диктовали ей совершенно независимый образъ мысли и дѣйствія, и она вынуждена была дальнѣйшія свои реформы проводить въ видѣ королевскихъ декретовъ, не нуждающихся въ санкціи венгерскаго сейма. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ ударовъ былъ нанесенъ ею венгерскому дворянству въ установленіи новой налоговой системы, при которой поземельная подать должна была служить главнымъ основаніемъ. Это означало порвать окончательно съ традиціей сословной исторіи Венгріи, надломить въ корень всѣ привилегіи дворянства—и это было равносильно вызову, брошенному ему съ высоты престола. Въ Вѣну стали направляться, въ безчисленномъ множествѣ, всевозможныя петиціи, наказы, ходатайства дворянъ, которые остались безъ всякаго отвѣта. Вдохновленная господствующими въ Европѣ идеями оздоровленія государства и укрѣпленія его на почвѣ физіократической системы и просвѣщеннаго абсолютизма, Марія-Терезія оставалась непреклонна въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣзко и рѣшительно она порывала, когда это нужно было, съ тѣмъ сословіемъ, на которомъ покоилась много вѣковъ королевская власть; безаппеляціонно она осудила финансовую политику Венгріи, черпающую свои силы въ изжившемъ себя феодализмѣ.

Послѣднія заботы Маріи-Терезіи были направлены въ сторону венгерскаго крестьянства. Гуманныя чувства королевы и къ этому

общественному классу вызывались все тѣми же заботами о поднятіи своего государства на экономическую и политическую высоту. Аграрныя реформы, какъ и все прочее, опредѣлялись Маріей-Терезіей степенью полезности ихъ для правительственной власти. Тотъ переворотъ, который былъ внесенъ ею въ старыя отношенія между помѣщиками и крестьянами, извѣстенъ подъ именемъ Urbarium, и для той эпохи, когда рабство считалось обыденнымъ и вполнѣ нормальнымъ явленіемъ въ венгерской хозяйственной системѣ, аграрныя реформы Маріи-Терезіи имѣли громадное значеніе. Онѣ давали право крестьянамъ свободно передвигаться; дѣти изъ крестьянскаго сословія могли получить любое воспитаніе, вплоть до занятія либеральными профессіями, и имъ отнюдь не вмѣнялось въ обязанность заниматься отцовскимъ ремесломъ. Злоупотребленія оброками со стороны помѣщиковъ были пресѣчены новымъ регламентомъ, строго устанавливающимъ пропорціональный порядокъ; судебная власть надъ крестьянами была изъята изъ рукъ помѣщиковъ-феодаловъ и передана комитатскому собранію. Цѣлыхъ шесть лѣтъ боролись венгерскіе дворяне противъ этихъ реформъ, дѣлая всевозможныя препятствія для ихъ осуществленія; они готовы были признать законы о сборѣ съ нихъ податей и нѣкоторыя другія преобразованія въ политической жизни страны, но нарушеніе феодальной системы казалось имъ слишкомъ необдуманнымъ шагомъ вѣнскаго правительства. Вступившій въ 1765 году на германскій престолъ послѣ смерти своего отца Франца-Лотарингскаго, Іосифъ II писалъ по поводу венгерской оппозиціи реформамъ своей матери, Маріи-Терезіи: „Маленькая война въ Венгріи сдѣлаетъ, я увѣренъ, свое дѣло. Крестьяне преслѣдуются своими помѣщиками, но это поведетъ къ тому, что этотъ примѣръ используется первыми противъ вторыхъ. Императрица сдѣлаетъ, однако, то, что захочетъ“.

Чтобы закончить характеристику эпохи царствованія Маріи-Терезіи, мы должны сказать еще нѣсколько словъ по поводу ея религіозной и административной политики, а также по поводу ея заботъ о распространеніи возможно шире народнаго образованія. По поводу послѣдняго, она не издавала никакого декрета, вводящаго необходимость обязательнаго всеобщаго образованія, но ея стара-

ніями были созданы въ Венгріи многія среднія и высшія учебныя заведенія; желающіе учиться встрѣчали большое поощреніе со стороны королевской власти, назначившей для того спеціальныя правительственныя стипендіи. При Маріи-Терезіи венгерскій университетъ былъ переведенъ изъ небольшого города Надь-Сомбатъ въ Буду. Словомъ, своимъ рескриптомъ „Ratio educationis" эта королева подвинула значительно впередъ дѣло національнаго просвѣщенія венгерцевъ и даже пробудила въ нихъ любовь къ народной литературѣ, омертвѣвшей-было въ мрачную эпоху Леопольда I. Марія-Терезія порвала также рѣшительно съ католической реакціей; она лишила духовенство его политической власти не только тѣмъ, что очистила, такъ сказать, вѣнскій дворъ отъ торчавшихъ тамъ постоянно іезуитовъ, но и тѣмъ еще, что запретила священникамъ совмѣщать со своими обязанностями административныя должности. А въ Венгріи, въ комитатахъ, въ особенности, почти сплошь, всѣ отвѣтственныя административныя мѣста были заняты священнослужителями (напримѣръ, должности фоиспановъ). Она также боролась и противъ роста экономическаго могущества церкви. Поставивъ ей извѣстные предѣлы, Марія-Терезія, такимъ образомъ, „подготовила, въ нѣкоторомъ отношеніи, іозефизмъ". Но надо замѣтить, однако, что при этой королевѣ протестанты не пріобрѣли никакихъ новыхъ правъ; они одинаково находились въ стѣсненномъ положеніи, какъ и раньше, и только отсутствіе нѣкоторой суровости въ обращеніи съ ними правительства свидѣтельствовало о новомъ политическомъ курсѣ. Марія-Терезія не успѣла коснуться внутренняго управленія Венгріи, отъ котораго всегда зависѣло упроченіе австрійскаго вліянія; эту задачу осуществилъ ея преемникъ Іосифъ II, но она занялась реформой кроатскаго самоуправленія, съ цѣлью поставить Кроацію въ непосредственную зависимость отъ Австріи. При вѣнскомъ дворѣ находилось постоянное совѣщаніе по дѣламъ Кроаціи, въ которое входили представители этой страны, такъ называемая Illyrische Hofdeputation. Но эта политика должна была вскорѣ быть оставлена ею, такъ какъ она грозила серьезными столкновеніями между венгерцами и кроатами. Марія-Терезія умерла въ 1780 году, „оставивъ королевство цвѣ-

тущимъ съ точки зрѣнія матеріальной, но истощеннымъ съ точки зрѣнія національной и лишеннымъ большинства своихъ привилегій, сохраненіе которыхъ было такъ дорого патріотамъ Венгріи".

Наступило десятилѣтнее царствованіе (1780—1790) Іосифа II. Этотъ монархъ, который „подъ нѣмецкой внѣшностью таилъ темпераментъ французской революціи", былъ настойчивымъ продолжателемъ начатыхъ его матерью реформъ. Но, всматриваясь ближе въ реформы и вообще во всѣ дѣянія Іосифа II, приходится удивляться тѣмъ противорѣчіямъ, которыя лежатъ въ нихъ. Сторонникъ свободы и справедливости въ философскомъ смыслѣ, онъ былъ деспотомъ и послѣдовательнымъ абсолютистомъ на практикѣ. Его централизаторская политика, стремленіе къ германизаціи нигдѣ не обнаружились такъ ярко и рѣзко, какъ въ Венгріи, съ которой онъ обращался какъ съ завоеванной страной. Вступивъ на австро-венгерскій престолъ, Іосифъ II заявилъ, что не будетъ короноваться въ коронѣ Св. Стефана, считая это совершенно излишнимъ для себя. Никакіе органы мѣстнаго самоуправленія не могли быть противопоставлены его идеѣ „правительственнаго всемогущества", олицетворяемаго въ представителѣ габсбургской династіи. Будучи искреннимъ католикомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, съ большой жестокостью боролся съ притязаніями римскаго престола и гораздо дальше своей матери ушелъ въ своихъ преслѣдованіяхъ, направленныхъ противъ католической церкви. Эта сторона его дѣятельности вызвала сильную оппозицію не только венгерскаго, но всего католическаго духовенства. Чтобы парализовать окончательно вліяніе послѣдняго, Іосифъ II издаетъ патентъ о признаніи въ его государствахъ полной вѣротерпимости. Отнынѣ протестантамъ разрѣшалось открывать одну церковь и одну школу на сто семействъ, причисляющихся къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ случаяхъ смѣшаннаго брака, если отецъ былъ католикомъ, всѣ дѣти считались тоже принадлежащими католической церкви; если же отецъ былъ протестантомъ, то сыновья были протестантами, а дочери — католички. Такова въ существенныхъ чертахъ реформа церкви Іосифа II, „революціонера на тронѣ".

Но если этой стороной своей дѣятельности Іосифъ II разжигалъ страсти у извѣстнаго сословія Венгріи, у духовенства, то

нововведенія, относящіяся къ общественной и политической жизни этой страны, вызывали серьезный протестъ со стороны всей мадьярской націи. Однимъ росчеркомъ пера онъ уничтожаетъ важный постъ палатина Венгріи, который, по мнѣнію Іосифа II, не могъ быть вѣрнымъ проводникомъ вѣнской централизаторской политики. Таковымъ могла быть только бюрократія, обильно посылаемая имъ въ Венгрію, гдѣ была учреждена особая канцелярія для сношенія съ вѣнскимъ правительствомъ. 7 апрѣля 1784 г. Іосифъ II повелѣваетъ перевозти корону Св. Стефана въ Вѣну для храненія съ прочими королевскими цѣнностями. Ничего подобнаго до сихъ поръ не происходило съ этой страной; это противорѣчило и традиціямъ, и законамъ, установленнымъ мадьярской конституціей; всѣ жалобы комитатовъ по этому поводу встрѣчали строгое внушеніе о безпрекословномъ подчиненіи власти со стороны учрежденной тамъ государственной канцеляріи. Мало того, вскорѣ былъ изданъ еще одинъ королевскій декретъ, которымъ отмѣнялся употреблявшійся до сего времени, какъ офиціальный, латинскій языкъ и вводился нѣмецкій. Противникамъ этого дѣйствительно вопіющаго распоряженія, къ которымъ, конечно, надо причислить всю венгерскую націю, Іосифъ II сказалъ слѣдующее: „Я—монархъ Германской имперіи; всѣ остальныя мои государства суть не болѣе какъ члены одного и того же тѣла, головой котораго состою я. Если бы Венгрія была первымъ изъ всѣхъ моихъ государствъ, то я тогда ея языкъ сдѣлалъ бы общимъ“. Однако, лучшіе проводники централизма Іосифа II, бюрократы, стѣсняли также и употребленіе мадьярскаго языка. Единственный исходъ для венгерцевъ заключался въ томъ, чтобы, вопреки притѣсненіямъ, исходящимъ сверху, постоянно, во всѣхъ частныхъ сношеніяхъ, а также и на политическихъ собраніяхъ, употреблять свой родной языкъ. Этой политикой Габсбурговъ достигался одинъ только результатъ: внутреннія, классовыя противорѣчія венгерскаго общества стушевывались передъ общимъ бѣдствіемъ, которое грозило Венгріи со стороны такъ называемаго въ XVIII столѣтіи просвѣщеннаго абсолютизма. Мадьяры понимали, „что въ какую бы тогу королевскій деспотизмъ ни одѣвался, онъ все-таки остается тѣмъ деспотизмомъ, который исключаетъ всякое понятіе о человѣческой свободѣ и справедливости“.

Іосифъ II враждебно относился и къ венгерскому дворянству, крѣпко державшемуся за свои привилегіи и за феодальный порядокъ. Новый, бюрократическій строй государства все болѣе и болѣе нуждался въ проведеніи новыхъ административныхъ реформъ, которыя въ Венгріи сказались въ томъ, что дворянство было отстранено отъ мѣстныхъ дѣлъ. Конгрегаціи въ комитатахъ перестали созываться; прежнее дѣленіе страны на комитаты также были уничтожены; выборные администраторы были замѣнены просто королевскими чиновниками. Обращенныя въ провинціи Венгрія и Трансильванія были раздѣлены на десять губерній, во главѣ которыхъ стояли такъ называемые Kreishauptmann'ы. Въ области соціальной политики онъ углублялъ реформы Маріи-Терезіи, причемъ дѣлалъ все, чтобы улучшить положеніе венгерскаго крестьянства. Тутъ онъ дворянской олигархіи хотѣлъ противопоставить крупную соціальную силу, многомилліонное крестьянство, и черезъ разрушеніе сословнаго средостѣнія, черезъ уничтоженіе феодализма экономическаго и политическаго, Іосифъ II разсчитывалъ вѣрнѣе достичь торжества своего „полицейскаго“ государства. Начиная съ уничтоженія сословныхъ судовъ, съ уравненія всѣхъ классовъ передъ юстиціей, онъ постепенно подкопался подъ самыя основанія феодальныхъ привилегій, провозгласивъ землю и продукты производства главными источниками новой податной системы.

Финансовая политика Іосифа II связывалась съ торгово-промышленной жизнью Австріи и Венгріи. Вторая была страной, исключительно добывающей сырые продукты; первая, по преимуществу, страной индустріальнаго производства. Таможенныя пошлины, существовавшія при этомъ королѣ, сдѣлали невозможнымъ ввозъ въ габсбургскую имперію иностранныхъ товаровъ по причинѣ ихъ чрезвычайной дороговизны, и, такимъ образомъ, эта протекціонная система обезпечила австрійскому производству широкій внутренній рынокъ. Съ другой стороны, таможенные договоры между Австріей и Венгріей были въ высшей степени невыгодны послѣдней, такъ какъ заставляли венгерцевъ платить необыкновенно высокую пошлину за свои же продукты, ввезенные туда въ обработанномъ видѣ изъ Австріи. Эта система, прежде всего, отразилась на венгерскихъ

дворянахъ, которые въ то время являлись главными потребителями индустріальнаго производства.

Все, что было сдѣлано за десятилѣтнее царствованіе Іосифа II, было, какъ мы видѣли, вопіющимъ посягательствомъ на венгерскую независимость. Его политика носила характеръ личной мести, направленной противъ духовенства и въ особенности противъ мадьярскаго дворянства. Она была слишкомъ рѣзка, слишкомъ противорѣчила всему складу общественно-политической жизни Венгріи, чтобы не вызвать стойкую оппозицію этому королю. Нуженъ былъ какой-нибудь случай, едва замѣтное ослабленіе правительственной власти Іосифа II, чтобы произошло серьезное столкновеніе между этой „національной“ оппозиціей и „всемогуществомъ“ просвѣщеннаго абсолютизма. Внѣшняя политика Іосифа II нанесла громадный ущербъ габсбургской династіи; потерявъ въ войнѣ съ турками, воевавшими тогда съ Россіей, въ 1788 г. сорокъ-пять тысячъ солдатъ, онъ уже былъ не въ силахъ подавить самостоятельно вспыхнувшее возстаніе въ октябрѣ 1789 г. въ Бельгіи, изнывающей подъ „императорскимъ деспотизмомъ“. Онъ обратился за помощью къ Венгріи, но магнаты и низшіе дворяне потребовали, прежде всего, созыва національнаго сейма.

Первая уступка Іосифа II заключалась въ принципіальномъ согласіи вѣнскаго правительства созвать венгерскій сеймъ, но не ранѣе окончанія войны. Венгерцы продолжали настаивать на своемъ, началась усиленная агитація въ комитатахъ, повсюду устраивались собранія, въ которыхъ выносилась единодушно резолюція, порицающая всѣ „незаконныя“ дѣйствія короля. Негодованіе росло съ каждымъ часомъ, созывъ немедленно сейма сдѣлался mot d'ordre, и призракъ всеобщей инсуррекціи стоялъ уже близко. Іосифъ II долженъ былъ капитулировать передъ тѣмъ народомъ, права и конституцію котораго онъ попиралъ самымъ жестокимъ образомъ. 28 января 1790 года, за мѣсяцъ до своей смерти, онъ издалъ патентъ, которымъ отмѣнялись всѣ прежнія его реформы, относящіяся къ Венгріи, за исключеніемъ только реформы о вѣротерпимости, остававшейся въ силѣ, корона же Св. Стефана была вновь вручена венгерцамъ. Такъ закончилась эта печальная

страница венгерской исторіи. Въ ней заключается „достопамятный примѣръ полнаго безсилія абстрактныхъ принциповъ и методическихъ проектовъ сломить упорное сопротивленіе историческихъ традицій и современную силу національностей“.

Іосифъ II умеръ, но то, что было имъ посѣяно, что было взрощено его властной рукой, оставило неизгладимый слѣдъ на всей общественной и политической структурѣ венгерскаго государства. Враждебная мадьярамъ правительственная система еще не искоренилась, она жила въ ихъ памяти, она висѣла надъ ними какъ Дамокловъ мечъ. Леопольду II пришлось вступить на престолъ въ эту бурную эпоху, когда національное движеніе Венгріи было удержано отъ своего взрыва благодаря только во-время отказавшемуся отъ своихъ реформъ Іосифу II. Новому королю ничего другого не пришлось сдѣлать, какъ плыть по этому національному теченію. Пробывъ на тронѣ всего два года (1790—1792), Леопольдъ II успѣлъ сдѣлать очень много, чтобы успокоить эту страну. Прежде всего онъ сталъ часто созывать венгерскій сеймъ, какъ бы показывая этимъ мадьярамъ, что онъ не желаетъ быть причисленнымъ къ „самодержавнымъ“ Габсбургамъ. Когда послѣ десятилѣтняго перерыва въ первый разъ Леопольдъ открылъ въ Будѣ сеймъ, радость венгерцевъ была неописуема; они говорили тогда: „Мы клянемся, что до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ жилахъ будетъ течь кровь Аттилы, пока имя „мадьяръ“ не исчезнетъ, до тѣхъ поръ этотъ день останется въ нашей памяти благословеннымъ“. Между тѣмъ, требованія венгерцевъ не заключались только въ отмѣнѣ остатковъ „іозефизма“; они шли еще дальше и требовали полной національной независимости. Послѣ коронованія Леопольда II, 15 ноября 1790 г. собравшійся снова сеймъ представилъ королю цѣлую программу тѣхъ реформъ, которыя, по мнѣнію венгерцевъ, онъ долженъ былъ провести, если желалъ царствовать спокойно. Онѣ сводились къ слѣдующему: король обязанъ короноваться не позже, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего вступленія на престолъ; король отъ времени до времени долженъ былъ жить въ Венгріи, въ ея столицѣ Будѣ. Во всѣхъ дѣлахъ венгерскаго королевства онъ долженъ дѣйствовать въ согласіи съ его сеймомъ; кромѣ этого, онъ

долженъ окружить себя совѣтниками или министрами-венгерцами для управленія этой второй половиной своей имперіи. Король не имѣетъ права примѣнять въ Венгріи законы, которые дѣйствуютъ въ другихъ государствахъ Габсбурговъ. Сеймъ долженъ созываться не рѣже, чѣмъ черезъ каждые три года; только ему одному принадлежитъ законодательная власть, и онъ одинъ только можетъ располагать доходами страны и вотировать поставку рекрутовъ. Корона Св. Стефана должна всегда находиться въ Венгріи. Затѣмъ сеймъ этотъ выразилъ желаніе, чтобы законъ о вѣротерпимости былъ расширенъ въ либеральномъ духѣ.

Всѣ эти перечисленныя требованія венгерцевъ относились къ конституціоннымъ гарантіямъ, на которыхъ основывалась реальная независимость страны; они были поставлены Леопольду II въ категорической формѣ, въ видѣ ультиматума, и онъ волей-неволей вынужденъ былъ утвердить ихъ. Но онъ, слѣдуя все же традиціямъ своихъ предковъ, выразилъ желаніе также провести дальнѣйшія реформы въ области соціально-экономической, съ успѣхомъ начатыя Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. Въ этомъ, т.-е. въ заботахъ о низшихъ классахъ населенія онъ видѣлъ, какъ и его упомянутые только-что предшественники, залогъ упроченія въ будущемъ своей династіи.

Это желаніе его встрѣтило въ началѣ оппозицію со стороны дворянъ, которые не могли простить Іосифу II его нарушенія феодальныхъ порядковъ, на которыхъ собственно и покоилось могущество венгерскаго дворянства внутри страны. Но вліяніе въ пользу принятія этихъ реформъ оказали въ сеймѣ представители городовъ, которые вмѣстѣ съ венгерской интеллигенціей составляли въ странѣ демократическое теченіе. Они были заражены до нѣкоторой степени идеями французской революціи 1789 г. и пришли къ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ, исходя изъ деклараціи правъ человѣка и гражданина, изъ доктрины о естественномъ равенствѣ людей. Буржуазія была, сравнительно, въ очень незначительномъ количествѣ въ то время въ сеймѣ, и рѣшающей роли играть она не могла, но извѣстное давленіе оказывала. Вотъ почему этотъ сеймъ согласился признать за крестьянами свободу передвиженія, а на

отмѣну тѣлеснаго наказанія не согласился, полагая, что послѣднее скорѣе „поведетъ къ разрушенію дворянской собственности“, чѣмъ первое. Леопольдъ II отмѣнилъ прежнія постановленія Іосифа II о таможенной пошлинѣ, и отнынѣ всѣ товары, идущіе изъ-за границы, могли проходить въ Венгрію, какъ и въ Австрію, совершенно свободно. Подъ конецъ своей жизни Леопольдъ вызвалъ большое неудовольствіе среди мадьяръ тѣмъ вниманіемъ, которое онъ оказывалъ сербамъ, живущимъ въ Венгріи въ сосѣдствѣ съ кроатами, разрѣшивъ имъ собираться на конгрессы для рѣшенія своихъ національныхъ вопросовъ. Надо сказать вообще, что съ царствованія Леопольда II между Венгріей и южными славянскими народностями, входящими въ ея составъ, возникаютъ недоразумѣнія, перешедшія позже въ расовый антагонизмъ. Такъ, напримѣръ, венгерцы вздумали навязать свой языкъ, т.-е. латинскій въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, одной изъ наиболѣе автономныхъ частей Венгріи, Кроаціи. Но кроаты считали себя совершенно свободными въ своемъ государствѣ и требованію мадьяръ не подчинились. Къ счастью, національный вопросъ не дошелъ здѣсь до открытаго конфликта, и венгерцамъ не пришлось отвлечься отъ задачъ, непосредственно ихъ интересующихъ.

Вступленіе на престолъ сына Леопольда II, Франца II, обнадежило венгерцевъ относительно независимости ихъ страны, такъ какъ новый король, принимая въ своемъ дворцѣ, въ Вѣнѣ, депутацію отъ Венгріи, сказалъ: „я буду самымъ горячимъ другомъ конституціи и законовъ“. На самомъ же дѣлѣ, этотъ представитель габсбургской династіи оказался однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ венгерской независимости. Сначала онъ искалъ союза съ магнатами, такъ какъ, объявивъ революціонной Франціи войну, ему необходима была поддержка Венгріи. Въ этой же послѣдней событія внутренней жизни сильно перемѣнили свой обычный характеръ; молодая интеллигенція, во главѣ которой стояли Мартиновичъ, Ласковичъ, Гайноци и Сантмарій, а также городская буржуазія, примкнули окончательно къ демократическимъ идеямъ, и ихъ борьба заключалась не только въ сверженіи самодержавной власти Габсбурговъ для отстаиванія венгерской независимости, но и въ уничтоже-

ніи дворянскихъ привилегій и феодальныхъ порядковъ. Это вызвало большой переполохъ въ венгерской дворянской средѣ; въ демократическомъ движеніи, привившемся въ Венгріи, она видѣла исключительно вліяніе французской революціи. Венгерскіе дворяне пошли навстрѣчу желанію Франца II потопить въ крови французскую революцію и возстановить въ правахъ своихъ Людовика XVI и, не задумываясь долго, вотировали на сеймѣ поставку опредѣленнаго количества солдатъ и снабженіе вѣнскаго правительства необходимыми денежными средствами. Они плохо разсчитали, когда думали такимъ путемъ достичь двоякой цѣли: расположить къ себѣ настолько Франца II, чтобы онъ не вздумалъ предпринимать какія-либо реформы въ духѣ Іосифа II и уничтожить въ корнѣ демократическое вѣяніе въ своемъ народѣ. Но австро-венгерскимъ войскамъ не удалось сломить французскихъ революціонеровъ, какъ дворянскому правящему сословію въ Венгріи не удалось уловить на штыки свѣжую, могучую идею демократизма. Она дѣлала здѣсь огромные успѣхи, и новая политическая партія, которой былъ чуждъ шовинизмъ высшихъ классовъ, отстаивающихъ независимость своей страны, и узко-сословный эгоизмъ, росла вширь и вглубь. 20 мая 1795 г., къ большой радости венгерскаго дворянства, руководители этой партіи погибли на эшафотѣ за смѣлость мысли, а всѣ тѣ печатныя произведенія, въ томъ числѣ и переводъ „Марсельезы“, которыя распространялись въ огромномъ количествѣ въ Венгріи, были сожжены тутъ же, руками тѣхъ же палачей. Этотъ небольшой эпизодъ изъ исторіи Венгріи имѣетъ много общаго съ возстаніемъ декабристовъ въ 1825 г. въ Россіи; историческое сходство здѣсь не столько въ этихъ, слишкомъ яркихъ вспышкахъ народнаго правосознанія, сколько въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя были вызваны ими черезъ нѣкоторое время. Демократическія вѣянія 1848 г. въ Венгріи восходятъ къ этому трагическому эпизоду, здѣсь, въ казни венгерскихъ распространителей „Марсельезы“ и „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“ лежитъ начало новаго умственнаго и политическаго строенія этой страны.

Между тѣмъ, Францъ II не дремалъ. Подъ предлогомъ искорененія крамолы, котораго такъ желали венгерскіе дворяне, онъ

началъ вводить въ Венгріи строго-полицейскій режимъ, установилъ цензуру, удалилъ изъ университета профессоровъ, замѣченныхъ въ самомъ скромномъ вольнодумствѣ, и, мало-по-малу, желѣзная рука вѣнскаго правительства совсѣмъ сдавила мадьярскую національность. Нѣкоторое неудобство этого положенія почувствовали и дворяне, но протесты ихъ оказались уже запоздалыми, правительство Франца II приступило къ осуществленію „традицій" Габсбурговъ. На сеймѣ 1807 г. правительство внесло требованіе о назначеніи постояннаго венгерскаго войска, входящаго въ составъ имперской арміи (11 августа 1804 г. Австрія была объявлена имперіей, вмѣстѣ со всѣми своими королевствами, княжествами и провинціями), и о введеніи „экстраординарнаго" налога для военныхъ нуждъ. Нижняя палата отказала окончательно въ этомъ требованіи Франца II, но верхняя палата, палата магнатовъ, не желая вступать въ открытый конфликтъ со своимъ монархомъ, а, главное, надѣясь все еще повернуть этимъ политику правительства по отношенію къ Венгріи въ хорошую сторону, согласилась исполнить требуемое. Послѣ долгой борьбы между верхней и нижней палатами по этому вопросу, перешедшему на почву права „независимой" Венгріи, магнаты принудили низшихъ дворянъ и представителей городовъ уступить; отнынѣ Венгрія должна была поставлять ежегодно двѣнадцать тысячъ рекрутъ и 20000 флориновъ. Положеніе Франца II было въ это время чрезвычайно затруднительно, его война вначалѣ съ революціонной Франціей, а потомъ въ 1809 г. съ Наполеономъ окончательно истощила силы габсбургской имперіи; кромѣ того, эта война грозила ей потерей лучшихъ австрійскихъ провинцій, и, если бы не Венгрія, которая въ 1809 г. увеличила поставку войска до 40000 человѣкъ, то она давно уже распалась бы. Въ маѣ этого года Наполеонъ стоялъ подъ Вѣной; императрица съ наслѣднымъ принцемъ прибыли въ Буду искать себѣ убѣжища отъ грозившей столицѣ Австріи опасности. Въ это время, Наполеонъ, слѣдя ранѣе за ходомъ внутреннихъ событій Венгріи и зная, что отношенія тамъ между націей и королемъ довольно натянуты, пользуясь замѣшательствомъ вѣнскаго правительства, обращается къ мадьярамъ изъ Шенбрунна съ воззваніемъ, которое мы приводимъ

тутъ. „Венгерцы—говорилось въ этомъ обращеніи—мнѣ объявилъ войну императоръ австрійскій, а не венгерскій король. Ваша неизмѣнно оборонительная система и рѣшенія, принятыя на вашемъ послѣднемъ сеймѣ, достаточно показываютъ, что вы желаете мира. Наступилъ моментъ, чтобы вы вернулись къ своей независимости. Я предлагаю вамъ миръ, цѣлость вашей территоріи, вашей свободы и вашей конституціи, которая можетъ остаться той же, что была раньше, или измѣненной, если вы найдете, что условія времени и интересы вашихъ гражданъ требуютъ этого. Я отъ васъ ничего не требую, я хочу только, чтобы вы были свободной и независимой націей. Союзъ вашъ съ Австріей сдѣлался вашимъ несчастьемъ. Вы проливали свою кровь за нее въ чужихъ странахъ, и дорогіе вамъ интересы постоянно приносились въ жертву интересамъ наслѣдственныхъ земель. Венгрія составляетъ самую лучшую часть ея имперіи, но она считается не болѣе какъ простой провинціей ея, всегда подчиненная вожделѣніямъ, ей чуждымъ. У васъ есть свой національный языкъ, свои нравы; вы отличаетесь славнымъ и старѣйшимъ происхожденіемъ; вернитесь же къ вашему былому существованію, какъ нація. Пусть будетъ у васъ свой король, избранный вами, который царствовалъ бы только для васъ, который находился бы среди васъ, и который былъ бы окруженъ только вами, гражданами Венгріи, и вашей арміей. Венгерцы, вотъ что требуетъ вся Европа, которая обращена къ вамъ, вотъ что требую я вмѣстѣ съ нею. Вѣчный миръ, свободныя коммерческія сношенія, обезпеченная независимость—такова награда, ожидающая васъ, если вы хотите быть достойными вашихъ предковъ и васъ самихъ“...

Но это воззваніе не имѣло успѣха у венгерцевъ по той причинѣ, что они не довѣряли великому завоевателю, и венгерскій сеймъ рѣшилъ продолжать союзную съ Австріей войну противъ арміи Наполеона. Отказъ отъ принятія такихъ выгодныхъ условій, которыя предлагалъ венгерцамъ французскій императоръ, удивилъ многихъ дѣятелей европейской политики. Разсказываютъ, что Меттернихъ сказалъ по этому поводу Нарбонну: „Генералъ, вы не знаете еще венгерской вѣрности“. Вскорѣ, однако, Францъ II заключилъ

съ Наполеономъ миръ, но венгерцы остались крайне недовольны тѣмъ, что онъ отдалъ французамъ все адріатическое побережье и часть Кроаціи, которыя принадлежали коронѣ Св. Стефана. Пештскій комитатъ, посылая австрійскому императору делегацію, заявилъ: „Мы смѣло утверждаемъ, что этого не случилось бы, если бы Ваше Величество слѣдовали совѣтамъ вашихъ вѣрныхъ мадьяръ“.

Война эта стоила не только огромныхъ денегъ и человѣческихъ жертвъ Венгріи, но вовлекла ее еще въ невыгодную сдѣлку. Государственные финансы вѣнскаго правительства находились въ такомъ состояніи, что имперіи грозилъ страшный крахъ, а обращающіяся въ Австро-Венгріи бумажныя деньги упали неимовѣрно въ курсѣ, такъ какъ въ казначействѣ имѣлось въ пять разъ меньше звонкаго металла, чѣмъ было выпущено бумажекъ. Чтобы избѣгнуть краха, Францъ II издалъ патентъ, въ которомъ говорилось, что государственная казна выпускаетъ новую серію бумажныхъ денегъ, а старыя принимаются ею за одну пятую номинальной стоимости. Эта финансовая реформа наносила убытокъ Венгріи не менѣе чѣмъ на 850 милліоновъ флориновъ. Естественно, что вся венгерская нація протестовала какъ одинъ человѣкъ противъ этого королевскаго патента. „Какъ, говорили венгерцы, въ награду за все, сдѣланное Венгріей, она должна ожидать отъ своего короля разоренія“! Комитаты заявили, что будутъ бойкотировать патентъ и не будутъ подчиняться требованіямъ вѣнскаго правительства. Но Францъ II нашелъ способъ заставить ихъ исполнить свою волю; онъ послалъ въ Венгрію своихъ чиновниковъ съ экстраординарными полномочіями, а главныхъ руководителей сейма призвалъ къ себѣ ко двору для внушенія (ad audiendum verbum regium). Собравшись въ Пресбургѣ 29 августа 1811 года, сеймъ сталъ въ открытую оппозицію королю; онъ жаловался на то, что въ Венгріи снова наступаетъ царство полнаго произвола, и что какъ вся нація страдаетъ теперь отъ невѣроятнаго финансоваго кризиса, такъ и отдѣльная личность задыхается въ душной атмосферѣ бюрократизма (новая манера Габсбурговъ посылать въ Венгрію правительственныхъ чиновниковъ для укрощенія „мятежниковъ“ вызвала отвращеніе здѣсь къ бюрократіи и у дворянства). Палатинъ Венг-

ріи, эрцгерцогъ Іосифъ, братъ императора, принялъ на себя роль посредника въ австро-венгерскихъ дѣлахъ, но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Францъ II продолжалъ твердить одно: „мы остаемся непреклонны въ своихъ рѣшеніяхъ“.

Между тѣмъ Венгріи предстояло перенести еще нѣчто худшее. Король окружилъ себя реакціонными министрами, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный канцлеръ Меттернихъ, который говорилъ, что „только окончательное разрушеніе всѣхъ гарантій венгерской конституціи является единственнымъ средствомъ для включенія венгерской націи въ австрійскую имперію“. Этотъ заговоръ вѣнскаго двора противъ независимости Венгріи имѣлъ одно только положительное значеніе: онъ толкалъ венгерцевъ на путь демократизма, ибо новая система правительственной реакціи вновь оживила ту партію, которая ведетъ свое начало отъ эпохи французской революціи. Незамѣтно, въ теченіе одного десятка лѣтъ, почти все мелкое венгерское дворянство перешло на новую политическую платформу; оно стало играть выдающуюся роль, и на мѣстахъ, въ комитатскихъ собраніяхъ, и въ сеймѣ, противопоставляя высшему дворянству, магнатамъ, черезчуръ лояльнымъ и уступчивымъ, свою непримиримость съ окристаллизовавшейся въ полицейскую систему габсбургской „политикой“. Кромѣ всего, феодальный порядокъ, отмѣненный и потомъ вновь возстановленный Іосифомъ II, былъ въ это время въ Венгріи совсѣмъ неумѣстнымъ; онъ не только не соотвѣтствовалъ, но прямо-таки рѣзко противорѣчилъ всѣмъ новымъ требованіямъ какъ умственной, такъ и политико-общественной жизни страны. Если уже прусскій министръ, баронъ Штейнъ, находилъ, что венгерская конституція, которая держитъ въ рабствѣ восемь десятыхъ всей націи и избавляетъ отъ всякихъ податей и налоговъ крупныхъ землевладѣльцевъ, должна подвергнуться коренному измѣненію, то тѣмъ болѣе это могли признавать венгерскіе мелкіе дворяне, желавшіе дѣйствительно стать правящимъ классомъ. Въ слѣдующій періодъ, съ 1815—1825 г., когда король пересталъ совсѣмъ созывать венгерскіе сеймы, и когда вліяніе Меттерниха сказалось въ такой степени, что даже королевскій прокуроръ, которому поручено было

вести слѣдствія въ Венгріи по дѣламъ государственной измѣны и который, не находя никакой „государственной измѣны“ въ стремленіи венгерцевъ защищать свои законы и права, вынужденъ былъ написать королю: „моя жизнь въ вашихъ рукахъ, но законы моего отечества и честь моего монарха дороже мнѣ, чѣмъ моя жизнь“.— Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что не можетъ дѣйствовать вопреки законамъ венгерскаго королевства. Въ этотъ періодъ Венгрія вступила уже на тотъ путь, который привелъ ее къ революціи 1848 г. Ни габсбургскій абсолютизмъ, ни крупнопомѣстный феодализмъ—таковъ былъ лозунгъ этой эпохи, подхваченный какъ низами общества, такъ и низшими дворянами, превращающимися въ tiers-état на французскій ладъ. Насколько своевременно было это новое, демократическое движеніе въ Венгріи, и какую огромную роль должна была сыграть та партія, которая выставила на своемъ знамени этотъ лозунгъ, видно изъ слѣдующей картины въ краснорѣчивыхъ цифрахъ. Венгерская высшая аристократія, магнаты, графы и князья, а также и высшее духовенство имѣли въ своемъ владѣніи $^1/_3$ всей страны. Низшее дворянство, по количеству въ двѣсти разъ больше магнатовъ, владѣло тоже $^1/_3$ всего королевства и, наконецъ, третья треть находилась въ рукахъ одиннадцати милліоновъ крестьянъ, и, кромѣ того, они же были единственнымъ сословіемъ въ государствѣ, платящимъ всѣ налоги и доставляющимъ арміи необходимое количество рекрутъ.

Съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка становилось все яснѣе, что „національное“ движеніе Венгріи идетъ въ двухъ направленіяхъ: противъ габсбургскаго самодержавія и противъ стараго общественнаго порядка. Въ такомъ видѣ оно казалось весьма огромнымъ, бурнымъ и опаснымъ, и правительству Франца II пришлось дѣлать кое-какія, хотя и незначительныя, уступки. Въ 1825 г. онъ вновь созываетъ въ Пресбургѣ сеймъ, который засѣдаетъ почти безпрерывно до 1830 г. Но никогда еще венгерскіе сеймы не обращали на себя вниманіе всего міра, какъ въ эту эпоху. Помимо того, что предметами ихъ обсужденія стали сословные, экономическіе и политическіе вопросы, въ нихъ теперь, въ нижней палатѣ, напримѣръ, образовались три большія партіи,

имѣющія свои платформы и свои опредѣленныя міросозерцанія, чего до сихъ поръ не было въ венгерскихъ сеймахъ. Правительственная партія составилась изъ представителей тѣхъ комитатовъ, въ которыхъ преобладали крупные землевладѣльцы; эта партія была, естественно, реакціонной. Ея антиподомъ была партія либеральная, видными представителями которой были Павелъ Нажи въ палатѣ депутатовъ и графъ Сечени въ палатѣ магнатовъ; она добивалась конституціонныхъ гарантій для страны, расширенія политическихъ правъ въ пользу низшихъ сословій, употребленія національнаго языка и введенія всеобщаго народнаго образованія, а также отмѣны многихъ, никому ненужныхъ, привилегій дворянскаго сословія. Промежуточное положеніе занимала партія консервативная, примирявшаяся съ тѣмъ соціально-политическимъ равновѣсіемъ, которое держалось въ Венгріи въ данную эпоху, по отношенію же къ вѣнскому правительству она держалась принципа, принятаго въ мирныхъ переговорахъ двухъ воюющихъ сторонъ, желающихъ, однако, остаться при извѣстномъ интересѣ; это принципъ—uti possidetis. Дѣятельность сейма этой эпохи имѣла еще то важное значеніе, что совпала съ невиданнымъ до сихъ поръ общественнымъ движеніемъ и броженіемъ умовъ по всей странѣ. Не даромъ же Луи Кошутъ называлъ комитатскія собранія въ конгрегаціяхъ и эти сеймы въ Пресбургѣ „бастіонами конституціи", изъ-за которой венгерцамъ пришлось пролить такъ много крови въ первую половину XIX столѣтія.

Но этотъ пресбургскій сеймъ не пришелъ еще ни къ какимъ практическимъ результатамъ, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, которые получили не только одно теоретическое разрѣшеніе. Пока, правда, борьба шла словесная съ правительствомъ и между партіями, преслѣдующими различныя цѣли,—борьба, какъ для внутренняго обновленія страны, такъ и въ вопросѣ ея независимости. Но изъ этой словесной борьбы извлекалась огромная польза: обезпечивалось торжество демократическихъ идей. Это подтверждаетъ пресбургскій сеймъ 1833 г., когда, послѣ крестьянской жакеріи 1831 г. былъ принятъ, послѣ блестящей рѣчи другого, выдвинувшагося въ то время вожака либераловъ въ нижней палатѣ, Деака, законъ, смягчаю-

щій положеніе венгерскихъ крестьянъ. Тутъ еще разъ были подтверждены права послѣднихъ отказываться отъ помѣщичьяго суда, свободно передвигаться, не быть арестованными по распоряженію своихъ господъ. Кромѣ этого, крестьяне могли продавать свои льготы и покупать въ свою собственность помѣщичью землю. Наконецъ, съ нихъ снимался спеціальный налогъ для содержанія національнаго сейма,—вопіющая несправедливость, которая заключалась въ томъ, что это сословіе на свои средства содержало государственное учрежденіе, гдѣ засѣдали до сихъ поръ его сословные враги, и гдѣ не было ни одного его представителя. Другой крупной побѣдой сейма 1833 года было введеніе въ парламентскую жизнь, какъ въ дебатахъ, такъ и въ отчетахъ, мадьярскаго языка. На этомъ же языкѣ издавалась редактируемая молодымъ депутатомъ и впослѣдствіи знаменитымъ національнымъ вождемъ и революціонеромъ Луи Кошутомъ, „Сеймовая Газета", дававшая подробные отчеты о засѣданіяхъ обѣихъ палатъ сейма и распространяемая въ огромномъ количествѣ контрабанднымъ путемъ, такъ какъ правительственная цензура все еще свирѣпствовала жестоко. Несмотря на то, что Меттернихъ принималъ всѣ мѣры противъ „чумы", какъ называлъ онъ всякую свободу, пресбургскій сеймъ 1833 г. все же не переставалъ говорить о свободѣ, и даже варшавская революція 1830 г. встрѣтила тамъ живой откликъ.

Что же дѣлало вѣнское правительство въ теченіе этого времени, въ которое подготовлялось венгерское освободительное движеніе? Оно тоже двигалось впередъ, но только въ сторону самой ужасной реакціи. Мы не станемъ перечислять здѣсь—да и размѣры нашей работы, къ сожалѣнію, не позволяютъ сдѣлать этого—всѣ виды габсбургскаго абсолютизма, и достаточно будетъ, если напомнимъ, что послѣ смерти Франца II въ 1835 году „законнымъ наслѣдникомъ" его остался Меттернихъ, такъ какъ король Фердинандъ I (въ Венгріи) былъ эпилептикомъ, совершенно неспособнымъ для управленія страной. Послѣ трехлѣтняго своего перерыва венгерскій сеймъ снова открылся въ 1836 г., и оппозиція въ немъ насчитывала теперь еще бóльшее количество членовъ, чѣмъ въ прежнихъ сеймахъ. Кошутъ, Деакъ, Сечени, Батьяни, Этвешъ, Те-

локи—вотъ имена, которыя остались навсегда въ памяти венгерскаго народа. Много силъ было положено и теперь на борьбу съ габсбургскимъ деспотизмомъ и съ его охранителемъ—Меттернихомъ. Правительство не могло смотрѣть на то, что происходило въ Венгріи, сложа руки, дѣйствовать же въ интересахъ этой страны противорѣчило бы „традиціямъ" династіи, и король въ томъ же году распускаетъ сеймъ. Кошутъ и многіе другіе дѣятели предреволюціонной эпохи были заключены въ тюрьму.

1840 годъ является еще однимъ этапомъ, приближающимъ венгерцевъ къ революціи. Въ силу нѣкоторыхъ соображеній, правительство Меттерниха склоняется на сторону „либерализма", объявляетъ амнистію политическимъ преступникамъ, открываетъ сеймъ и клянется соблюдать отнынѣ свободу слова. Но для венгерской оппозиціи это была одна лишь ничтожная капля сладкой воды, влитой въ сосудъ горькихъ страданій и бѣдствій народа. Либеральная партія развернула теперь шире свою программу, она требовала того, что было осуществлено лишь революціей 1848 г., а именно: независимое и отвѣтственное министерство; національную армію; ежегодный созывъ сейма въ Пештѣ; свободу печати и уничтоженіе цензуры; судъ присяжныхъ; свободу совѣсти; обязательное народное образованіе; свободу откупа отъ поземельныхъ повинностей во всякое время; дарованіе всему народу политическихъ и конституціонныхъ правъ; равенство всѣхъ гражданъ въ несеніи налоговъ и въ исполненіи общественныхъ обязанностей; уничтоженіе рабства и, наконецъ, учрежденіе національнаго банка, съ правомъ выпуска денежныхъ знаковъ. „Доктрины равенства" распространялись въ Венгріи теперь новой газетой Кошута „Pesti Hirlap" („Пештская Газета"), а комитатскія собранія превратились въ настоящіе политическіе клубы. Въ эту эпоху молодая Венгрія выдвинула на политическую арену своего лучшаго и самаго сильнаго поэта, своего Гейне, Александра Петёфи, лира котораго передавала настроеніе народа. На ту же арену вступилъ и другой національный поэтъ Верёшмарти, писавшій въ своемъ „Призывѣ" (Szozat), что народъ будетъ бороться на жизнь и смерть за ту свободу, для достиженія которой онъ страдалъ тысячу лѣтъ. Вѣнское правитель-

ство боролось съ призракомъ революціи всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, оно уничтожило всѣ учрежденія мѣстнаго самоуправленія въ Венгріи, и широкому общественному движенію противопоставлялся хорошо организованный полицейскій сыскъ. Но благодаря тому, что засѣдалъ сеймъ, всѣ эти правительственныя мѣры, которыми имѣлось въ виду, какъ можно прочнѣе, утвердить въ венгерскомъ королевствѣ владычество чужеземной династіи, встрѣчали безпощадную критику и осужденіе. Очевидно, очагъ революціи, разгораясь стихійно, пугалъ отъ времени до времени и Меттерниха, который, незадолго до знаменитаго пресбургскаго сейма 1847 г., ослабилъ немного узду, надѣтую на венгерцевъ. Палатиномъ страны былъ тогда эрцгерцогъ Стефанъ, считавшійся долгое время другомъ венгерской конституціи, но и онъ долженъ былъ потомъ уступить политикѣ Меттерниха. Она безповоротно, несмотря на временную неустойчивость и шатанія между „либерализмомъ“ и „реакціей“ въ дѣлахъ Венгріи, объявила войну мадьярской демократической оппозиціи.

На тронную рѣчь, по случаю открытія въ 1847 г. пресбургскаго сейма, этотъ послѣдній отвѣтилъ весьма рѣшительнымъ и серьезнымъ адресомъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалось и то, что венгерцы готовятся оказать въ комитатахъ упорное сопротивленіе правительственнымъ чиновникамъ, если не будетъ возвращено мѣстное самоуправленіе. Францъ Деакъ составилъ отъ имени либеральной партіи ея программную декларацію, которая предшествовала цѣлому ряду законодательныхъ актовъ этого сейма, принятыхъ въ ея духѣ. „Венгрія—страна свободная и независимая во всѣхъ дѣлахъ своего законодательства и администраціи,—говорилось въ этой декларація.—Она не подвластна никакой другой странѣ. Мы отнюдь не желаемъ ставить ея интересы въ противорѣчіе съ интересами монархическаго единства и съ безопасностью его существованія. Но мы считаемъ противнымъ законамъ и справедливости, чтобы интересы Венгріи были подчинены требованіямъ какой бы то ни было страны. Мы никогда не согласимся, чтобы они были принесены въ жертву единству правительственной системы. Для насъ конституціонная жизнь есть сокровище,

которое не позволяетъ намъ жертвовать ею ни въ интересахъ чужеземныхъ, ни ради наиболѣе цѣнныхъ матеріальныхъ выгодъ. Нашъ первый долгъ—это сохранять и укрѣплять ее; мы убѣждены, что если бы наслѣдственныя земли пользовались еще своей древней свободой, или если бы, согласно требованіямъ нашего времени и требованіямъ справедливости, онѣ вошли въ среду конституціонныхъ націй, наши и ихъ интересы, нынѣ такъ часто противорѣчащіе другъ другу, могли бы легко придти ко взаимному соглашенію. Тогда монархія, возрастая интеллектуально и морально, могла бы съ большею увѣренностью бороться съ грозой, которая можетъ разразиться въ одинъ прекрасный день". Правительство оставило безъ вниманія это заявленіе либераловъ, но отъ него, отъ этихъ въ сущности умѣренныхъ фразъ оставался всего лишь одинъ шагъ къ венгерской революціи 1848 г.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію венгерскихъ событій 1848—49 годовъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между національностями, населяющими все королевство Венгріи. Какъ извѣстно, славянскія народности составляютъ довольно значительный элементъ среди южнаго населенія Венгріи, пользовавшійся болѣе или менѣе широкимъ національнымъ самоуправленіемъ. Когда съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія наступила эра мадьярскаго возрожденія, выразившагося не только въ борьбѣ съ габсбургскимъ абсолютизмомъ за независимость Венгріи, но и въ развитіи національнаго языка и литературы, то тѣми же цѣлями задались и венгерскіе славяне. Впереди этого „иллиристскаго" движенія стояла Кроація, которая совмѣстно съ двумя другими венгерскими провинціями: Славоніей и Далмаціей, стремилась создать „тріединое королевство". Кроація имѣла свой сеймъ въ Загребѣ и своего правителя, хорватскаго бана; но связь ея съ Венгріей выражалась издавна на федеративной почвѣ, т.-е. она посылала въ мадьярскій сеймъ свою особую делегацію. Однако, стремясь къ автономіи и оберегая свое государственное право, венгерцы не позволяли того же самаго славянамъ, населявшимъ ихъ страну; мало того, они заставляли кроатовъ употреблять въ оффиціальныхъ актахъ мадьярскій языкъ. Когда

20 іюня 1843 года на венгерскомъ сеймѣ представитель Кроаціи заявилъ, что ему данъ мандатъ, въ силу котораго онъ обязанъ говорить только на латинскомъ языкѣ, принятомъ въ дебатахъ сейма, а не на мадьярскомъ, то венгерцы подняли невообразимый шумъ и заявили, въ свою очередь, что протестуютъ противъ такого поведенія кроатовъ. Эрцгерцогъ-палатинъ отвѣтилъ въ палатѣ магнатовъ слѣдующей характерной фразой: „Здѣсь нѣтъ иллирійской націи, здѣсь есть нація только венгерская“. Надо замѣтить, что противъ славянскаго сепаратизма было въ это время также и австрійское правительство, опасавшееся отложенія славянскихъ провинцій отъ Австріи. На ряду съ кроатами зашевелились въ Венгріи и сербы, которыхъ было тогда свыше полъ-милліона; съ 1792 года они потеряли всѣ привилегіи, которыми обезпечивались ихъ національныя права, и не принимались ни на какія административныя должности. Что же касается Трансильваніи, то со времени ея присоединенія къ Австріи, съ 1699 года, венгерцы не переставали предъявлять на нее свои права. Даже въ программѣ венгерскихъ либераловъ былъ введенъ пунктъ объ обратномъ присоединеніи этой области къ венгерскому королевству. Но и въ самой Трансильваніи, имѣющей также свой отдѣльный сеймъ, засѣдавшій въ Колошварѣ, національный вопросъ сильно обострился въ эту эпоху. Тамъ находилось венгерцевъ вмѣстѣ съ секлерами свыше 600000 душъ, саксонцевъ—300000 и румынъ—1250000, но въ трансильванскомъ сеймѣ были представлены только саксонцы и венгерцы; большинство же населенія, румыны, были лишены всякихъ политическихъ правъ. Еще въ 1791 году эти послѣдніе представили сейму свое требованіе пользоваться равными правами съ другими двумя элементами населенія; они требовали, такъ сказать, concivilitas. Но ни тогда, ни теперь они не добились своихъ національныхъ правъ. Въ 1834 году трансильванскіе венгерцы заявили на сеймѣ въ Колошварѣ, что они являются полными господами этой страны. „Мы здѣсь представители свободнаго народа,—говорили они.—Кто здѣсь выше насъ?—Никто. Передъ нами мы видимъ только монарха, но выше насъ, повторяемъ, нѣтъ никого“. Такимъ образомъ, въ то время, когда венгерское королевство въ отношеніяхъ своихъ къ габсбургскому

правительству стояло на почвѣ права и справедливости, когда оно выбросило демократическое знамя для защиты своей государственной индивидуальности, по отношенію къ тѣмъ народностямъ, которыя жили на его территоріи, оно открыто попирало это право и проявило шовинизмъ, въ самой высокой степени. Въ этомъ заключается слабая сторона мадьярской исторіи первой половины XIX столѣтія, столь богатой выдающимися событіями, свидѣтельствующими о моральномъ, умственномъ и политическомъ подъемѣ венгерцевъ, и даже Луи Кошутъ, этотъ ультра-демократъ своей эпохи, не могъ окончательно отказаться отъ шовинизма. „Наканунѣ венгерской революціи борцы за мадьярскую свободу ковали цѣпи для славянъ".

Но вернемся къ революціоннымъ событіямъ Венгріи. Въ началѣ 1847 года національное движеніе здѣсь, руководимое оппозиціей, къ которому примкнули всѣ общественные классы, раздвоилось. Магнаты и консервативные элементы мелкаго дворянства хотѣли ввести его въ одно только русло, направляющееся противъ вѣнскаго правительства. Бюрократизмъ и вся полицейско-административная система были имъ противны постольку, поскольку они являлись результатомъ политики Меттерниха, личнаго врага венгерской конституціи. Но сама внутренняя венгерская жизнь, весь правовой и общественный строй страны Св. Стефана, покоившіеся на „незыблемомъ" феодализмѣ, предъявляли еще и другія требованія. За упраздненіе стараго режима, за безсословное государство, за Венгрію молодую, безъ вопіющаго института рабства, безъ ограниченія низшихъ классовъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, какъ и за полную независимость своей націи, стояла либеральная оппозиція съ ея демократическимъ крыломъ, выразителемъ котораго съ 1847 года становится Луи Кошутъ. Въ ряды этой партіи стекались какъ низшіе дворяне, такъ и городская буржуазія, крестьяне, учащаяся молодежь, интеллигенція и разночинцы, словомъ, всѣ тѣ элементы мадьярской націи, которые, по терминологіи Вербеци, причислялись къ misera plebs. 3 марта 1848 г. пресбургскій сеймъ, по настоянію Кошута, вырабатываетъ адресъ королю, въ которомъ впервые опредѣленно заявляется о желаніи имѣть для Венгріи отвѣтственное министерство,—и это является

яркимъ отголоскомъ февральскихъ дней во Франціи. Послѣ долгихъ споровъ между верхней палатой, по составу своему гораздо умѣреннѣе, и нижней—почти сплошь составленной изъ либеральной оппозиціи, этотъ адресъ былъ отосланъ 15 марта въ Вѣну, т.-е. черезъ день послѣ бѣгства Меттерниха и послѣ того, какъ столица австрійской имперіи пылала въ огнѣ народной революціи. Новыя требованія въ этомъ адресѣ, по вопросу политическому, заключались въ отвѣтственности венгерскаго министерства, а по вопросу соціально-экономическому — въ уничтоженіи крѣпостного права, законопроектъ котораго былъ основательно разработанъ на сеймѣ 1847 г. Въ томъ же засѣданіи 3 марта Кошутъ произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ рѣчей, сказанныхъ имъ когда-либо, которая читалась нарасхватъ на улицахъ Вѣны. Подвергая безпощадной критикѣ систему габсбургскаго правленія, этотъ выдающійся ораторъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Рухнули троны, находившіе себѣ поддержку въ мудрости, и народы возвратили свою свободу. О близости этого никто не мечталъ, а мы попрежнему неутомимо влачимъ сизифовъ камень; болѣзненное сознаніе своей неподвижности охватываетъ мою душу гнетущею скорбью. Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, сколько добросовѣстныхъ талантовъ гибнетъ въ этой неблагодарной работѣ, подобной мытарству въ бѣличьемъ колесѣ. Да, надъ нами повисъ тяжелымъ проклятьемъ удушающій смрадъ. Отъ разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы на насъ вѣетъ зачумленный вѣтеръ, отъ котораго цѣпенѣютъ наши нервы, и который принижаетъ полетъ нашего духа... Можно идти навстрѣчу смерти, но нельзя ея избѣжать! Я знаю, насколько тяжко устарѣлой политикѣ и старому человѣку разставаться съ надеждами на долгую жизнь. Я знаю, до какой степени больно видѣть, какъ часть за частью разрушается зданіе, созданное долгою жизнью; но если фундаментъ плохъ, рокъ неумолимъ, паденіе неизбѣжно... За дорогой для себя царствующій домъ народы жертвуютъ кровью и жизнью, но за политику угнетенія выродившейся правительственной системы даже глупый молодой воробей не дастъ себя подстрѣлить“!

Вѣнское правительство, капитулировавшее передъ гражданами своей австрійской монархіи, давшее отставку такой силѣ реакціи,

какъ Меттернихъ, должно было уступить и венгерцамъ. Графу Батьяни было поручено составить первое для Венгріи отвѣтственное министерство. Кошутъ получилъ въ немъ портфель министра финансовъ, Деакъ—юстиціи, Сечени—общественныхъ работъ и Этвёшъ—народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, это министерство было составлено почти изъ всѣхъ главныхъ руководителей либеральной оппозиціи, такъ какъ министры были представителями другихъ политическихъ партій. Вслѣдъ за этимъ венгерскій сеймъ сталъ постепенно осуществлять и другіе законопроекты, среди которыхъ важное значеніе имѣлъ также законъ о „всеобщемъ" избирательномъ правѣ, увеличивъ сразу число избирателей до 1200000. Казалось, что свобода и независимость Венгріи отнынѣ упрочились окончательно, что нѣтъ никакихъ опасеній за ихъ цѣлость, но все болѣе разраставшееся движеніе различныхъ національностей внутри этой страны ввергло венгерцевъ снова въ прежнюю пропасть. 13 мая въ Карловицѣ собрались сербы и приняли рѣшеніе, которымъ ихъ національность объявлялась независимой, избрали своего патріарха и воеводу и присоединились къ Кроаціи. Во главѣ послѣдней сталъ новый банъ Елачичъ, который вступилъ съ венгерцами въ борьбу, требуя не только полной автономіи для кроатовъ, но даже и отложенія ихъ отъ Венгріи. Венгерское правительство смѣстило Елачича и стало примѣнять силу противъ мятежныхъ кроатовъ. Тѣмъ временемъ въ восточной части Венгріи, въ Трансильваніи, подобно сербамъ поступили и румыны, хотя сама эта область была уже присоединена къ коронѣ Св. Стефана. Но отставка Елачича не была принята кроатами; они собрали свои войска подъ его командой и вмѣстѣ съ сербами объявили Венгріи войну. Сербскій генералъ Стратимировичъ обратился къ славянскимъ народамъ съ манифестомъ. „Мы сражаемся—говорилось въ немъ—противъ тѣхъ, кто нарушаетъ конституцію, кто требуетъ свободы только для себя, кто стремится использовать для мадьярскаго меньшинства сокровище, добытое трудами славянъ, румынъ и нѣмцевъ".

Габсбургское правительство, вынужденное событіями въ Вѣнѣ бѣжать въ Инсбрукъ, вело переговоры съ Елачичемъ, обѣщавшимъ ему подавить своими войсками венгерскую революцію и помочь ему

[illegible]

[illegible] ... Въ то [illegible]

[illegible] пріѣзда [illegible]

[illegible] что [illegible] этот [illegible]

[illegible] Еди [illegible]

[illegible] Вѣну [illegible] былъ остановленъ [illegible]

[illegible] Императоръ [illegible]

отвѣтилъ на это тѣмъ, что назначилъ своимъ намѣстникомъ, вмѣсто убитаго Ламберга, бана Елачича, распустилъ венгерскій сеймъ, объявилъ всѣ его рѣшенія, принятыя до сихъ поръ, несуществующими и учредилъ военно-полевые суды для усмиренія мятежниковъ. Противъ этого рѣшенія правительства протестовали вѣнцы, они были на сторонѣ революціонной Венгріи. Вѣнскій мятежъ грозилъ потрясеніемъ габсбургской династіи; взявшись за оружіе, бюргеры изгнали изъ столицы австрійскія войска, убили военнаго министра Латура и закрыли ворота города. Венгерцы же подвигались къ Вѣнѣ, но по дорогѣ, въ Швехатѣ, встрѣтились съ австрійской арміей подъ начальствомъ генерала Виндишгреца и потерпѣли большія пораженія. Кошутъ, сдѣлавшись диктаторомъ страны, не унывалъ; отступивъ назадъ, онъ получилъ свѣжія подкрѣпленія и поручилъ военное начальство молодому генералу Артуру Гергею.

Тѣмъ временемъ, положеніе Фердинанда становилось все болѣе критическимъ; приходилось бороться на два фронта: и противъ австрійскихъ революціонеровъ и противъ мятежной Венгріи. По совѣту двора онъ 2 декабря отказывается отъ трона въ пользу своего племянника, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа. Вступивъ на престолъ, молодой монархъ заявилъ, что онъ желаетъ изъ всѣхъ своихъ государствъ сдѣлать одну габсбургскую имперію. Венгерскій сеймъ, въ свою очередь, отвѣтилъ, что признаетъ тогда лишь Франца-Іосифа своимъ королемъ, когда тотъ будетъ короноваться въ Пештѣ и дастъ клятву въ вѣрности венгерской конституціи и независимости. Но правительство, очевидно, держалось твердо своего намѣренія, опираясь на армію Елачича, дѣйствовавшую противъ венгерцевъ: оно надѣялось выйти съ торжествомъ изъ этого затруднительнаго положенія. 18 декабря Виндишгрецъ съ стотысячной арміей вступилъ на венгерскую территорію, занялъ Пресбургъ, Гіоръ, Сопронъ и угрожалъ Пешту. Комитетъ національной обороны покинулъ этотъ послѣдній городъ 1 января 1849 г. и переселился въ Дебречинъ, за нимъ послѣдовали и жители его. Черезъ нѣсколько дней въ рукахъ австрійцевъ находилась уже и венгерская столица. Счастье въ этой войнѣ переходило то на одну, то на другую сторону. Венгерцамъ удалось нѣсколько

разъ нанести серьезныя пораженія австрійцамъ, отнять у нихъ завоеванные города, и одно время казалось, что Венгрія освободится изъ тисковъ австро-кроатскаго союза. Подъ вліяніемъ своего успѣха, венгерскій сеймъ объявилъ 14 апрѣля габсбургскую династію низвергнутой, страну совершенно независимой и назначилъ временнымъ правителемъ Кошута, военнымъ министромъ — Гергея, а министромъ иностранныхъ дѣлъ — графа Батьяни. Цѣлый рядъ слѣдующихъ событій, какъ отвоеваніе у австрійцевъ Буды, свидѣтельствовалъ о наступленіи безсилія вѣнскаго правительства, а неудачи въ войнѣ съ революціонной Италіей окончательно пришибли его. Надо было искать иной исходъ, надо было прибѣгнуть къ поддержкѣ извнѣ — и 21 мая въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось сообщеніе о томъ, что, по просьбѣ монарха Франца-Іосифа, русскій императоръ вводитъ свои войска, въ количествѣ около 200000, подъ командой князя Паскевича въ Венгрію. Это извѣстіе рѣшило судьбу мятежныхъ мадьяръ. Противъ такой арміи, противъ враговъ, окружившихъ Венгрію со всѣхъ сторонъ, она не въ силахъ была устоять. Дебречинскій сеймъ вынужденъ былъ выпустить манифестъ (28 іюля), которымъ объявлялось равенство національностей, но это рѣшеніе оказалось запоздавшимъ. Австрійская, русская и кроатская арміи обложили плотнымъ кольцомъ всю страну, и въ потокахъ крови погибла венгерская независимость. 11 августа Кошутъ снялъ съ себя полномочія правителя Венгріи и передалъ ихъ генералу Гергею, а на слѣдующій день этотъ послѣдній капитулировалъ уже въ Вилагошѣ передъ русской арміей, сдавъ ей двадцать-три тысячи солдатъ и 130 пушекъ. „Венгрія — писалъ Паскевичъ императору Николаю I — лежитъ у ногъ Вашего Величества".

Такъ закончилась венгерская революція 1848 г. Кошутъ и еще нѣкоторые дѣятели „оппозиціи" скрылись въ Турцію, и только теперь торжествующая реакція нашла себѣ широкое поле дѣятельности. Президентъ перваго отвѣтственнаго министерства, Батьяни, былъ разстрѣлянъ въ Пештѣ; вмѣстѣ съ нимъ погибли на эшафотѣ многіе венгерскіе генералы и выдающіеся политическіе дѣятели. Кошутъ и Юлій Андраши были казнены in effigio. На-

ступило царство мрака и произвола, въ которомъ начала черпать свѣжія силы новая австрійская монархія, начавшая свое существованіе со времени вступленія на престолъ Франца-Іосифа. Венгерцамъ было объявлено, что они отнынѣ должны подчиняться конституціи, обнародованной королемъ еще 4 марта 1849 г., въ силу которой учреждался одинъ общій имперскій сеймъ изъ представителей всѣхъ провинцій Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кроація, Трансильванія, а также области, населенныя сербами, были отдѣлены отъ Венгріи. Само же королевство Св. Стефана было раздѣлено на пять губерній, управляемыхъ австрійскими чиновниками. До 1867 года судьба Венгріи оставалась въ неопредѣленномъ положеніи, страной управляли „временные законы“, такъ какъ и конституція 4 марта была отмѣнена 31 декабря 1851 г.; она служила только, по словамъ Шварценберга, „для возстановленія авторитета трона“.

ГЛАВА VII.

Отъ 1849 до 1867 г.—Соглашеніе 1867 г. (Ausgleich).— Политическая жизнь Венгріи до 1900 г.

Воцарившаяся въ Австро-Венгріи реакція нашла достойныхъ преемниковъ Меттерниха. Во главѣ вѣнскаго правительства сталъ бывшій сторонникъ революціи и радикалъ по убѣжденіямъ, Бахъ, который взялся искоренять въ Венгріи крамолу. Это вызывало, конечно, одно только раздраженіе со стороны порабощенной націи, но никогда репрессивная политика не могла дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ. На Франца-Іосифа было совершено покушеніе однимъ венгерскимъ рабочимъ, и это обстоятельство заставило вѣнское правительство нѣсколько удержаться въ своемъ деспотическомъ разгулѣ. Кромѣ того, крымская война 1854 г. вызвала вновь у венгерцевъ надежду на возможность поднять возстаніе противъ Австріи, которая была вовлечена въ событія внѣшняго характера. Луи Кошутъ, переселившійся къ этому времени въ Лондонъ, велъ переговоры съ Наполеономъ III и съ англійскимъ правительствомъ, у которыхъ онъ искалъ поддержку на тотъ случай, если Венгрія, пользуясь замѣшательствомъ Австріи во внѣшней политикѣ, отпадетъ отъ нея. А событія, даже во внутреннихъ дѣлахъ габсбургской имперіи, дѣйствительно складывались благопріятно для сепаратистскаго движенія, обнаруживавшагося сызнова въ венгерскомъ королевствѣ. Министръ культовъ и народнаго просвѣщенія Тунъ настойчиво стремился къ германизаціи всѣхъ инородцевъ, объединенныхъ „иллюзорной“ конституціей Австріи 4 марта, и въ своемъ рвеніи дошелъ до того, что возстановилъ противъ новой политики Франца-Іосифа всѣ славянскія народности, нашедшія общія точки соприкосновенія съ венгерцами. Но, чтобы успокоить Венгрію, молодой монархъ, вмѣстѣ со своей супругой,

королевой Елизаветой, совершилъ путешествіе по этой странѣ. Но, кромѣ того, само общественное мнѣніе въ Австріи было противъ слишкомъ длительнаго періода реакціи, начавшагося сейчасъ послѣ подавленія венгерской революціи. Францъ-Іосифъ убѣдился, что необходимо перемѣнить руль въ своемъ правительственномъ кораблѣ. Онъ созываетъ въ Вѣнѣ рейхсратъ съ представителями отъ всѣхъ провинцій и пытается придать ему, правда, довольно неудачно, характеръ общеимперскаго парламента, а октябрьскимъ дипломомъ (20 октября 1860 г.) были объявлены новыя конституціонныя гарантіи. Помимо этого, рейхсрату было поручено выработать законы, относящіеся къ общимъ интересамъ Австріи и Венгріи, т.-е. къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ оба государства могли бы дѣйствовать сообща, безъ ущерба для національнаго самоопредѣленія. Канцлеромъ же Венгріи при вѣнскомъ министерствѣ былъ назначенъ баронъ Вей. Однако, этотъ проектъ потерпѣлъ неудачу, президентъ кабинета и авторъ этого диплома, графъ Голуховскій, долженъ былъ подать въ отставку, и на его мѣсто былъ призванъ Шмерлингъ. Въ патентѣ 26 февраля 1861 г. этотъ министръ одобряетъ идею общеимперскаго парламента, съ сеймами на мѣстахъ, въ провинціяхъ Австріи. Однако, венгерцы считали ее непріемлемой, въ ихъ планахъ и законодательныхъ проектахъ рѣзко подчеркивалось, что обѣ половины монархіи должны быть независимы въ своемъ внутреннемъ управленіи, и объединять ихъ должно только взаимное соглашеніе, вытекающее изъ прагматической санкціи. Надо замѣтить, что патентъ 26 февраля предоставлялъ первое мѣсто Венгріи въ рейхсратѣ по числу делегатовъ, въ сравненіи съ другими австрійскими провинціями и въ сравненіи съ самой Австріей; она имѣла тамъ 85 представителей, въ то время какъ Богемія—54, Галиція—38, Нижняя и Верхняя Австрія—28, Моравія—22 и т. д.

Любопытную картину представлялъ собравшійся въ Пештѣ венгерскій сеймъ 6 мая 1861 года. На немъ обнаружились два теченія въ оппозиціи къ шмерлинговскому проекту; такъ называемые сторонники конституціи 1848 г. и апологеты рѣшительной борьбы съ вѣнскимъ правительствомъ. Побѣда, въ концѣ концовъ, осталась

за первымъ, болѣе умѣреннымъ не въ теоретическомъ смыслѣ, не по существу политической програмы, а въ смыслѣ тактики, которая расходилась съ тактикой партіи 1848 г. Главными представителями этой партіи были Францъ Деакъ, Юлій Андраши, баронъ Этвешъ, Фалькъ—всѣ недавно амнистированные. Она называлась еще партіей адреса, так какъ хотѣла изложить свои требованія въ особомъ адресѣ королю. Сторонники рѣшительныхъ дѣйствій назывались партіей резолюціи, т.-е. противной адресу, предназначенному королю, который, собственно, de jure не признавался въ Венгріи, такъ какъ онъ не короновался въ коронѣ Св. Стефана. Эта партія предлагала воплотить свои требованія въ формѣ сеймовой резолюціи. Во главѣ партіи резолюціи стояли Коломанъ Тисса, Владиславъ Телеки, Мавръ Іокай, извѣстный писатель, и Павелъ Ніари; изъ нихъ нѣкоторые тоже недавно возвратились изъ изгнанія, благодаря амнистіи. Итакъ, съ этого момента, съ 6 мая 1861 года, венгерская оппозиція, въ которой были всѣ—люди преданные своему отечеству, искренніе патріоты, распалась на двѣ фракціи, на умѣренную и радикальную. Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ недѣль шли самыя горячія пренія по этому вопросу и, наконецъ, 155 голосами противъ 152 былъ принятъ сеймомъ адресъ, предназначаемый для короля. Адресъ этотъ опирался, такъ сказать, на историческое право Венгріи. „Основнымъ условіемъ нашей политической жизни и нашей національной независимости—говорилось въ немъ, между прочимъ—являются законная автономія и независимость нашей страны. Нашъ первый долгъ заключается въ томъ, чтобы, употребивъ для сего всѣ наши силы, Венгрія осталась Венгріей и сохранила свои конституціонныя права... Мы торжественно заявляемъ, что никогда не подчинимся сліянію двухъ государствъ, какъ въ области законодательной, такъ и въ области административной". Адресъ этотъ былъ представленъ королю двумя выдающимися венгерскими политическими дѣятелями той эпохи, графомъ Георгіемъ Аппони и Коломаномъ Зичи, но, по настоянію Шмерлинга, король оставилъ безъ отвѣта адресъ и распустилъ сеймъ, такъ какъ этотъ послѣдній, вслѣдствіе неожиданнаго результата, вызваннаго поступкомъ короля,

принялъ новый адресъ, по предложенію Деака, уже болѣе рѣшительный по тону и содержанію. Появились опять всѣ симптомы реакціи; комитатскія собранія (конгрегаціи) были закрыты, и на административные посты были призваны правительственные чиновники.

Тѣмъ не менѣе, партія адреса приложила всѣ старанія, чтобы найти почву соглашенія между Венгріей и Австріей. Особенно много сдѣлалъ для этого Францъ Деакъ, который подвергалъ въ печати обсужденію всѣ вопросы, входящіе въ конституціонный компромиссъ между обѣими половинами австрійской монархіи. Императоръ еще разъ убѣдился, что призрака возстанія нѣтъ больше въ Венгріи, что большинство искренно желаетъ мирнаго сосуществованія съ Австріей. Политика Шмерлинга ему показалась опасной и неумѣстной, и 1 декабря 1865 г. онъ созываетъ венгерскій сеймъ, который и занялся детальной разработкой австро-венгерскаго соглашенія, обнародованнаго въ 1867 году, въ видѣ XII закона. Шмерлинга смѣнилъ баронъ Бейстъ, раздѣлявшій взгляды монарха. Замѣчательный историческій фактъ: Бейстъ былъ саксонецъ по происхожденію, и передъ тѣмъ, какъ стать главой австрійскаго кабинета, онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ саксонскомъ королевствѣ; вѣроятно, этому надо приписать его безпристрастность какъ къ одной, такъ и къ другой части австрійской имперіи при выработкѣ Ausgleich'а. Главныя положенія его сводились къ слѣдующему: при вѣнскомъ правительствѣ всегда должны были находиться три министра: финансовъ, военныхъ и иностранныхъ дѣлъ, въ рукахъ которыхъ находились такъ называемыя „общія дѣла" Австро-Венгріи. Должность палатина Венгріи упраздняется и замѣняется отвѣтственнымъ передъ венгерскимъ парламентомъ министерствомъ. Контингентъ арміи опредѣляется для Венгріи ея собственнымъ парламентомъ. Общія дѣла рѣшаются спеціально избранной делегаціей въ каждой изъ двухъ половинъ монархіи, которая засѣдаетъ поочередно то въ Вѣнѣ, то въ Будапештѣ. Венгерскій сеймъ имѣетъ право заключать торговыя сдѣлки съ другими государствами, съ Австріей же у нея существуетъ таможенный союзъ. Для обоихъ государствъ устанавливаются общіе денежные знаки, хотя въ Венгріи они могутъ носить мадьярскія надписи. Въ общихъ

расходахъ доля участія Венгріи равняется 30%. Вслѣдъ за принятіемъ этого договора, императоръ Францъ-Іосифъ поручилъ Юлію Андраши, участнику революціи 1848—49 гг. и приговоренному тогда заочно къ смертной казни, составить венгерскій кабинетъ министровъ. А 8 іюня 1867 г. императоръ и императрица, при общемъ ликованіи венгерцевъ, короновались въ Пештѣ въ коронѣ Св. Стефана. Закономъ же XXX 1868 г. къ Венгріи присоединяются, помимо Трансильваніи, Кроація, Славонія и Далмація, считающіяся съ того времени „странами короны Св. Стефана". Кроаціи, однако, оставляется полная внутренняя независимость. Во главѣ ея стоитъ банъ, отвѣтственный за свои дѣйствія предъ сеймомъ въ Аграмѣ; назначался же онъ венгерскимъ правительствомъ. Кроатскій сеймъ посылаетъ въ венгерскій парламентъ свою делегацію, изъ 40 представителей, а изъ всей суммы налоговъ, собираемыхъ въ Кроаціи, для ея нуждъ отчисляется только 45%. Городъ и портъ Фіумэ также присоединяется къ венгерской территоріи, но онъ получаетъ особую автономію и посылаетъ въ пештскій сеймъ одного представителя, а его правитель засѣдаетъ въ палатѣ магнатовъ ex efficio. Что касается самой Венгріи, то ея внутренній режимъ возвращается къ конституціи 1848 г. слегка измѣненной въ томъ смыслѣ, что министерство избирается здѣсь не самымъ парламентомъ, а назначается королемъ. Но дальнѣйшія событія показали, что, за рѣдкимъ только исключеніемъ, король назначалъ министровъ, не соотвѣтствующихъ господствующей въ Венгріи политической партіи.

Министерство Андраши продержалось до 1871 года, и въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ образовались новыя политическія партіи. Венгерцы объявили свой языкъ господствующимъ, ввели его какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и во всѣхъ оффиціальныхъ учрежденіяхъ. На выборахъ 1872 г. партія Деака получила большинство, къ ней примкнулъ лѣвый центръ, съ Тиссой во главѣ, который признавалъ раньше только личную унію съ Австріей и былъ противъ компромисса 1867 г. Венгрія переживала въ это время чрезвычайно сложный финансовый кризисъ, дефицитъ ея все болѣе увеличивался, а плохіе урожаи истощали силы націи.

Съ 1875 г. во главѣ венгерскаго министерства сталъ бывшій лидеръ лѣваго центра, или, какъ его еще называли, радикальной оппозиціи, Коломанъ Тисса; оно просуществовало до 1891 года. Въ промежутокъ этого времени были проведены самыя крупныя реформы, финансы страны были поправлены, былъ заключенъ новый таможенный договоръ съ Австріей, а школьныя реформы и реформы палаты магнатовъ завершили программу министерства, которое пало при обсужденіи вопроса о Луи Кошутѣ, живущемъ въ изгнаніи и отказавшемся вернуться въ Венгрію. Министерство Сапари продолжало политику своего предмѣстника, но его реформа мѣстнаго самоуправленія (въ комитатахъ) вызвала оппозицію лѣвой, руководителями которой были Угронъ и Ираній, оба приверженцы Кошута. Съ 1891 г. событія внутренней жизни пріобрѣтаютъ острый характеръ благодаря стоящимъ на очереди реформамъ. Послѣ Сапари министерству Векерле пришлось выдержать громадную борьбу съ духовенствомъ по поводу законопроекта о гражданскомъ бракѣ и о признаніи свободы вѣроисповѣданія; впрочемъ, послѣдній законъ былъ проведенъ уже министерствомъ Банфи (1895—1899). За это время экономическая жизнь Венгріи значительно поднялась, стала развиваться національная промышленность, а въ зависимости отъ этого торговые договоры съ Австріей должны были быть вновь пересмотрѣны. Этотъ вопросъ и вызвалъ осложненіе въ австро-венгерскомъ соглашеніи, которое продолжалось, однако, недолго, потому что вступившій опять въ министерство Коломанъ Сель, нашелъ выходъ, одинаково удовлетворившій обѣ половины монархіи. Послѣ похоронъ (въ Венгріи) Луи Кошута, партія 1848 г. или партія независимости, стала играть видную роль въ политическихъ дѣлахъ государства, такъ какъ экономическіе интересы страны требовали все новыхъ уступокъ со стороны вѣнскаго правительства въ тѣхъ вопросахъ, которые входятъ въ область такъ называемыхъ „общихъ дѣлъ“. Вообще партія 48 г. наиболѣе послѣдовательно изъ всѣхъ остальныхъ политическихъ партій Венгріи развивала свою политическую платформу и соотвѣтствовала, такъ сказать, духу времени. По отношенію же къ другимъ національностямъ Венгрія стояла на прежней почвѣ, т.-е. стремилась къ полному подчиненію

ихъ мадьярской націи. Мадьяризмъ проводился всюду, и въ реформахъ избирательнаго права, распространявшагося на національность, и въ школьной политикѣ, и просто въ общественной жизни.

Существующій договоръ между Австріей и Венгріей, возобновляемый черезъ каждыя десять лѣтъ, основанъ на дуализмѣ. Нельзя сказать, чтобы такое сожительство двухъ странъ съ противоположной культурой, съ различными историческими задачами обезпечивало бы дѣйствительно внутреннее спокойствіе. И, подводя итогъ всему тому, что произошло въ Венгріи съ 1848 г., мы должны констатировать, что спокойствіе это поддерживается искусственными подпорами, что мадьяры, какъ таковые, теперь, какъ и раньше, все еще стоятъ передъ исторической дилеммой: господство ли габсбургской династіи, плотью и кровью связанной съ Австріей, или окончательная національная независимость, не только съ самостоятельнымъ правительствомъ, но и съ самостоятельнымъ главой государства?

Литература.

Предлагаемый перечень трудовъ по исторіи Венгріи является далеко неполнымъ. Отчасти потому, что соотвѣтствующая литература на мадьярскомъ языкѣ доступна немногимъ, отчасти же вслѣдствіе сжатости изложенія и отсутствія детальной разработки отдѣльныхъ моментовъ «Исторіи Венгріи въ Средніе Вѣка и Новое Время». Что же касается главныхъ источниковъ, то они изданы въ огромномъ количествѣ томовъ на латинскомъ языкѣ венгерской академіей наукъ и распадаются на двѣ серіи: «Monumenta Hungariae historica» и «Monumenta Comitialia». Для основательнаго же знакомства съ государственнымъ правомъ и съ гражданскимъ уложеніемъ Венгріи необходимо прибѣгнуть къ труду Verboeczy, «Decretum tripartitum juris consuetudinarii».

Fessler, «Geschichte der Ungarn», просмотрѣнное и дополненное Klein'омъ, Leipzig, 1875—1880.
Mailath, «Geschichte der Magyaren». Wien, 1840.
Szalay, «Geschichte Ungarns» (перев. съ мадьярскаго). Пештъ, 1866.
Horvath, «25 Jahre aus der Geschichte Ungarns (1823—1848)», 2 Bb. Leipzig, 1867.
L. Dussieux, «Essai historique sur les invasions des hongrois en Europe et specialement en France» (Mémoire couronnée par l'Institut en 1839). Paris, Aug. Durand.
A. Vámbéry, «Der Ursprung der Magyaren». Leipzig, 1882.
Его же, «Story of Hungary». London, 1887.
Leger, «Histoire de l'Autrische-Hongrie», 4-e edit. Paris, 1895.
Ed. Sayous, «Histoire Générale des Hongrois». Budapest-Paris, 1900.
Rogge, «Oesterreich von Világos bis zur Gegenwart». I—III. Leipzig et Wien, 1872—73.
J. Schwicker, «Geschichte der magyarischen Litteratur». Leipzig, 1889.
W. Fraknói, «Ungarn vor der Schlacht bei Mohács».—Budapest, 1886 (перев. съ мадьярск.).
Ch. Chassin, «La Hongrie, son génie et sa mission, suivie de Jean de Hunyad». Paris, 1856.
Ulbrich, «Die rechtliche Natur der österreichisch-ungarischen Monarchie». Prague, 1879.
Marczali, «Ungarn beim Tode Karl III».
Marczali, «Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden». Berlin, 1882.
Virozsil, «Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn», I—III. Pest, 1865—66.

Gumplowicz, «Das Recht der Nationalitäten und Sprachen in Oester.-Ungarn». Insbruck, 1879.

B. Auerbach, «Les Races et les Nationalités en Autriche-Hongrie». Paris, 1898.

E. Kún, «Socialhistorische Beiträge zur Landarbeiterfrage in Ungarn». Jena, 1903.

J. Mailath, «Studien über die Landarbeiterfrage in Ungarn». Wien-Leipzig, 1905.

A. de Bertha, «François Rakoczy». Paris, 1906.

A. de Bertha, «La Hongrie Moderne (1849—1901)», Paris, 1901.

L. Eisenmann, «Le Compromis Austro-Hongrois de 1867». Paris, 1904.

R. Springer, «Grundlagen und Entwicklungsziele der Oester-Ungar. Monarchie». Wien, 1906.

Iranyi et Chassin, «Histoire politique de la Révolution de Hongrie», I—II. Paris, 1889.

A. de Bertha, «François-Joseph et son regne» (Paris, 1888).

Ed. Wertheimer, «Geschichte Oesterreich. und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19 Jahrhunderts». I u. II Bb. Leipzig, 1884, Duncker u. Humblat.

S. Rado-Rothfeld, «Die Ungarische Verfassungsgeschichtlich dargestellt», 1898.

М. Филипповъ, «Хорваты и борьба ихъ съ Австріей». Петроградъ, 1890.

К. Гротъ, «Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X в.». СПБ., 1881.

Его же, «Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в. (1141—1173)». Варшава, 1889.

Поповъ, «Мадьярскій историкъ Вл. Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической Санкціи». СПБ., 1868.

Н. Борецкій-Бергфельдъ, «Борьба Венгріи за независимость». Москва, 1906. Изд. «Новое Товарищество».

С. Лозинскій, «Революція 1848 года въ Венгріи». СПБ., 1906. Изд. О. Поповой.

Для исторіи Венгріи въ связи съ общимъ ходомъ исторіи, см. «Всеобщую исторію съ IV столѣтія до нашего времени» подъ ред. Лависса и Рамбо, а также «Новую Исторію Западной Европы» Н. Карѣева. Необходимыя же свѣдѣнія по политической исторіи Венгріи послѣднихъ лѣтъ имѣются въ статьяхъ Н. Борецкаго-Бергфельда: «Венгрія» и «Политическія партіи Венгріи» въ «Политической энциклопедіи» подъ ред. Л. З. Слонимскаго, т. I, СПБ., 1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03064 5512

